

Натаалья
Шнейдер

Лиса в

АПТЕЧНОЙ
ЛАВКЕ

Annotation

Жених изменил за неделю до свадьбы. В пылу ссоры попала в другой мир, а там – снова он, но теперь уже муж. Нет уж, хватит с меня этих высоких отношений. Открою аптеку, а он пусть отвяжется! Что значит "не хочет" ?

- [Наталья Шнейдер](#)

  - [Глава 1](#)

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

  -

-
-
-
-
-
-
-
-

- notes

- 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
-

Наталья Шнейдер
Лиса в аптечной лавке

Глава 1

«Свадьбы не будет!» – Я ткнула в самолетик, отправляя сообщение, и тут же заблокировала адресата. Но не успела погасить экран, как телефон пиликнул.

«Убедилась, что он мизинца твоего не стоит?»

Не ответив, я заблокировала и отправителя. С такими друзьями и врагов не надо.

– Что там? – Подруга потянулась, заглядывая в телефон, и я торопливо захлопнула чехол-книжку. – Чего-то ты бледная.

А Машка все-таки хорошая подруга. Заметить бледность в разноцветном полумраке ночного клуба... Я натянуто улыбнулась.

– Перебрала. Пойду продышусь.

Она встала вместе со мной, попыталась подхватить под локоть, но я отстранилась. Спустившись в холл, прислонилась лбом к стене – мутило, и вовсе не от выпивки. В груди свернулся ледяной ком.

– Лис, все в порядке? – Маша тронула меня за плечо.

– Не совсем, но разберусь, – натянуто улыбнулась я. – Суцая ерунда по сравнению с мировой революцией.

Просто не знаю, как теперь жить, но в целом – ничего не случилось. Земля не налетела на небесную ось, звезды не остановились, и утром солнце взойдет, как обычно.

– Просто нехорошо, – добавила я. – Не надо было столько на голодный желудок пить.

– Где там «столько»? Бокал шампанского? Ты как не врач.

– Я и не врач. Маш, я домой поеду. Плохо мне. – Я оперлась о стену, ноги не держали. – Остальных не грузи, нечего девичник портить. Я тебе на карточку скину, расплатишься, ладно?

– Алиса? Да что с тобой? Я тебя провожу.

– Нет, все нормально. – Все, чего мне хотелось сейчас, – запереться в своей квартире. Так смертельно раненное животное ползет в нору. – Просто устала и переволновалась, видимо, вот и накрыло.

– Бывает, – согласилась она. Нахмурилась, кажется, хотела что-то сказать, но, покачав головой, отстала. Спасибо ей.

Негнушима пальцами я вызвала такси. Упав на сиденье, перевела Маше деньги. Пусть погуляют на девичнике. Потому что на свадьбе гулять никто не будет.

Я стиснула зубы, пытаюсь не разреветься. Завтра. Я подумаю об этом завтра – и что сказать людям, и как все отменить. И платье... Первым делом – выкинуть платье, чтобы не напоминало. «Свадьбы не будет», – билось в голове.

Не будет.

«Лиса, пить надо меньше», – тренькнул телефон. Я ругнулась, забыв про таксиста. Второй Сашкин номер, рабочая симка. Что ж, сам напросился. Я ткнула пальцем в последнее видео галереи.

Салон такси наполнился приглушенной музыкой и характерными стонами.

– Простите, – буркнула я, приглушая звук. – Вирусняк поймала.

«Поделиться» – «Выбрать адресата».

«Пить действительно надо меньше, Саш. Свадьбы не будет».

Я стерла видео. Если бы можно было так же просто стереть картинку, которая, кажется, намертво пропечаталась на сетчатке. Мой жених рядом с писсуаром общественного туалета впивается губами в губы незнакомой девицы, и судя по тому, как ритмично движется его зад в полуспущенных джинсах, он ей не искусственное дыхание делает.

Отличный мальчишник, ничего не скажешь.

Ключом в замочную скважину удалось попасть не сразу: руки тряслись. Шагнув в квартиру, я рухнула на пуфик в прихожей и спрятала лицо в ладонях.

Почему так бывает – пакостит другой, а чувствуешь себя облитой грязью – ты?

Щелкнул замок, я подняла голову. Примчался. Алкогольные пары опережают на пару метров – даже я, слегка принявшая на грудь, чую, а таксисту, поди, закусывать придется после такого пассажира.

Может, я погорячилась? Может, еще можно кто-то исправить?

– Кто тебе это прислал?! – с порога рявкнул он.

– Какая разница, Саш? – Я проглотила ком в горле. – Дело ведь не в нем.

– Игорь, да? Знал я, что этот гаденыш не просто так рядом круги наматывает! – Он саданул кулаком об стену в десятке сантиметров над

моей головой.

Внутри пророс колючими иглами ледяной кристалл, проткнул диафрагму, мешая дышать. Страх. Раньше Сашка так себя не вел, но раньше и настолько пьяным я его не видела. Алкоголь тормозит тормозящие центры... Куда придется следующий удар – мне в челюсть?

Нет. Ничего уже не исправить. Скажи он просто «извини, бес попутал», я бы поверила. Постаралась простить. Но у него виноваты все, кроме него самого. Никогда не умел признавать ошибки, но до сих пор меня это не беспокоило. Что ж, хоть сейчас выводы сделаю.

– Да ты понимаешь, что он этого и добивается! – заорал Саша. – Чтобы ты меня бросила!

Да, именно этого он и добивался, и потому с Игорем мне тоже больше не о чем говорить. Но сейчас дело не в нем.

Я поднялась с пуфика – сидеть, когда над тобой нависают почти два метра роста и чуть меньше центнера мышц, было страшно. Но все равно пришлось смотреть на жениха... бывшего жениха снизу вверх.

– Да, именно этого Игорь и добивается. Чтобы мы с тобой расстались. И потому он затащил тебя в туалет, снял с тебя штаны и запихнул твои причиндалы в постороннюю бабу.

Я подхватила сумочку. Переночую в гостинице: есть тут неподалеку одна приличная.

Только бы не разреветься при нем.

– Да ты сама виновата! Ты даже скандал не закатила, когда я мальчишник решил собрать. Ты же не школьница, знаешь, как мужики гуляют!

– Да, я сама виновата, – не стала я спорить. – В том, что тебе доверяла.

Я прокусила губу. Слезы душили, перекрывая горло.

– Да ты ледышка чокнутая, любая нормальная баба на твоём месте бы рыдала сейчас или орала как ненормальная, а ты... Рыба снулая, ни один нормальный мужик с такой не выдержит!

– Я поняла, Саш. Дело не в тебе, дело во мне.

Наверное, и вправду во мне. Работа медицинского представителя денежная, но и выматывает, к концу дня от общения устаешь так, что не остается сил даже рот раскрыть. Конечно, не в реанимации, как у Сашки, тут и сравнивать нечего, и все же... Наверное, мне надо было

найти силы. Наверное, мне надо было быть мягче, мудрее и так далее и тому подобное. Даже сейчас.

Только тот, кто предал один раз, – предаст и второй.

– Собирай вещи, Саш. Я вернусь завтра вечером, тебе хватит этого времени.

С одной стороны – хорошо, что квартира моя, к куче проблем не добавится еще необходимость срочно искать свой угол. С другой – я бы сейчас просто собрала все в сумку и ушла, и все, а так придется наводить после него порядок, то и дело натыкаясь на забытые вещи, и задыхаться от боли.

– Да ты охренела вконец? Гости приглашены, ресторан забронирован! Что я им скажу?

Да, гости. И родители. И все будут советовать «не рубить сплеча». Правильно, в общем-то, советовать, но, чтобы понять, хочу ли я и могу ли его простить, нужно время. Время подумать, не оглядываясь на назначенную дату свадьбы и мнение посторонних людей. Не этим посторонним ложиться с ним в постель, передергиваясь от брезгливости, – а сейчас мне противно было даже думать об этом.

Я пожала плечами.

– Скажешь, что не нашел в себе сил хранить верность чокнутой ледышке и снулой рыбе.

Сашка схватил меня за руки, потрянул так, что мне показалось – голова оторвется.

– Нет уж! Я тебя этому козлу не отдам! Никуда ты не пойдешь! Ты – моя жена, плевать на формальности, и...

Я рванулась – он не удержал равновесие, – и мы оба повалились куда-то вбок. Я попыталась уцепиться хоть за что-то, но Саша все еще крепко сжимал мои запястья. Удар. Искры из глаз. Темнота.

Когда мрак рассеялся, надо мной снова нависало знакомое лицо. Пахнуло спиртным.

– Вы всерьез полагаете, что целителя можно обмануть притворным обмороком? – ухмыльнулся Саша.

Я изумленно моргнула. Целителя? Да и вообще, никогда мы с Сашей на «вы» не общались. И во что он этакое вырядился? В последний раз подобные наряды я в кино про старину видела. Кажется, не только меня здорово по голове приложило.

Я медленно села. Александр выпрямился, но руки мне не подал, так и встал, нависая надо мной, точно каланча. Отсюда, снизу, он казался еще выше и еще мощнее – сказывались несколько лет в тренажерном зале, куда он ходил «перерабатывать адреналин, чтобы не спиться».

Все-таки мы с ним были красивой парой. Он – высокий, широкоплечий брюнет, и я – мелкая, стройная, рыжая. «Лиса Алиса и кот Базилио» – дразнили нас друзья. Меня моя кличка скорее забавляла, тем более я и в самом деле Алиса, а вот Александр бесился. Он и правда не походил на кота из кино. Скорее на барса – хищного черного барса. Всегда знал, какое впечатление производит на женщин, и нагло этим пользовался. Вот и... допользовался.

Александр продолжал смотреть на меня сверху вниз, и у меня сердце зашлось от боли. Пропави пропадом все эти любви! Будь я в самом деле бесчувственной ледышкой, насколько легче стало бы сейчас.

Я отвела взгляд, коснулась затылка и зашипела, обнаружив здоровую шишку.

– В следующий раз, прежде чем падать в обморок, убедитесь, что приземлитесь на мягкое, – едко произнес он. – А лучше просто скажите, что вас пугает перспектива первой брачной ночи. Я бы подумал, как этому помочь. Насиловать перепуганных девственниц – не в моем вкусе.

– Ну да, в твоем вкусе – уестествить прожженную шлëндру в заплеванном сортире кабака! – не выдержала я, подскочив на ноги и на миг забыв о его странном наряде.

На лице Александра промелькнуло изумление.

– Алисия, вы в своем уме? – Он потянулся ко мне. – Дайте сюда, посмотрю, не слишком ли сильно вы ушиблись. Кажется, я перестарался с вашим воспитанием.

– Не трогай меня! – вскрикнула я, отскакивая. «Перестарался с воспитанием» – неужели он меня еще и побил? Тело ныло, и голова болела, но это могли быть последствия падения.

– Прекратите капризы и идите сюда. – На лице его заиграли желваки, словно сам мой вид неимоверно его бесил. – С травмами головы не шутят.

Но я застыла на месте. Закрыла глаза, ошалело замотав головой, снова открыла. Ничего не изменилось. Просторная комната, обшитая деревянными панелями, паркет, который сделал бы честь элитному особняку, камин, старомодные кресла и свечи. Свечи!

И платье на мне – длинное, в пол, с пышной «принцессинной» юбкой.

– Куда ты меня приволок! Во что обрядил? – вскрикнула я.

– Куда я мог приволочь, – он выделил голосом последнее слово, – молодую жену? Мы в моем, точнее, уже нашем поместье. – Он снова шагнул ко мне. – Алисия, успокойтесь. Не следовало до этого доводить, но раз уж так вышло, голову все же надо осмотреть.

– Убери от меня руки! – Отпрыгнув, я запуталась в юбках. Пошатнулась, выставила назад локоть в попытке удержаться. Больно ударилась – хорошо хоть не в стекло влетела. Оконная рама распахнулась под моим весом, и я едва не выпала на улицу.

– Да что ж вы так убиваетесь, вы же так не убьетесь, – ехидно проговорил Александр.

Я с трудом протащила воздух в легкие. Бежать. Немедленно. Кажется, я поняла, что произошло.

Задрав юбки до пояса, я сиганула через низкий подоконник в ночную темноту. Не глядя – но повезло, не ушиблась.

– Алисия! – донеслось из окна.

Я скорчилась под стеной, придерживая юбки, начала осторожно красться вдоль дома.

– Да и демоны с тобой, дурой, набегаяешься – сама вернешься, – проворчал Сашка.

Ага, сейчас! Бегу, спотыкаясь и падая!

Я вспомнила, как мы с ним вместе смотрели фильм – забыла, как называется, – про то, как, отчаявшись перевоспитать избалованного сынка, отец-богачей организовал ему «попадание в прошлое». Наняв толпу актеров, само собой. Саше, помнится, подобные «воспитательные методы» очень понравились.

Похоже, поняв, что я действительно очень зла и всерьез готова выставить его из дома и отменить свадьбу, Александр решил попробовать такой же метод. Он упоминал как-то, что у родственников есть дом в деревне, правда, сам он при мне никогда туда не ездил. Видимо, когда я вырубилась от удара, вколол что-то, чтобы

провалялась подольше, да и приволок в тот самый домик. До свадьбы неделя, глядишь, и образумлюсь, когда пойму, что деваться некуда.

Да ни за что на свете! Я всегда говорила и сейчас повторю, что такой трюк мог придумать только опасный псих!

Из окна, между тем, донеслось задумчивое:

– Еще суток не женат, а уже хочется овдоветь.

Нет уж! Не куплюсь!

Дом окружал густой сад, свет луны почти не пробивался сквозь деревья, но все же я сумела разглядеть тропинку, которая вела к ограде. Ворота были закрыты, но по кованым завитушкам взобралась бы даже дородная матрона. Я подвязала юбки узлом на поясе, чтобы не мешались, перелезла на ту сторону. Огляделась. Мимо дома вдоль поля – или луга, кто его разберет посреди ночи, – вела утоптанная до каменной твердости грунтовка, вдалеке, ближе к горизонту, виднелись несколько огоньков. Значит, там люди, у которых можно попросить помощи или по крайней мере телефон. Не мог же Александр подкупить всю округу!

Выясню, что это за место, предупрежу своих, чтобы знали, где меня искать, и домой!

Глава 2

Я двинулась по дороге. Через пару десятков шагов, выругавшись, скинула туфли. Это не обувь, это какие-то пыточные колодки: узкие, жесткие и трут нещадно. Следом стащила чулки – да не капроновые с кружавчиками, а из тонкого, кажется, хлопкового трикотажа, перехваченные лентами чуть выше колен. Вот ведь зараза, все продумал! Я сунула туфли и чулки в карман, который получился из подвязанных юбок. Благо камней на дороге не было, можно и босиком пройти.

Пока я возилась с неудобной обувью, огни впереди исчезли. Я снова ругнулась. Ну и ладно, луна светит, так пойду. Возвращаться к Александру я не собираюсь. От человека, способного на подобные фокусы, нужно держаться подальше. Сегодня он меня украл и морочит голову, «перевоспитывая», а завтра, поняв, что затея не удалась, просто разозлится и прибьет! Вернусь домой, первым делом сменю замки.

Только он ведь не отвяжется. Уехать? Как раз отпуск к свадьбе запланирован, возьму еще пару дней и рвану в глушь к дальним

родственникам. Непонятно, правда, на какие деньги, все же на свадьбу ушло... Займу, жизнь дороже. А через месяц, глядишь, он и остынет...

Стоп, а куда я уеду, документов-то у меня нет! Я замедлила шаг. Вернуться и потребовать отдать паспорт? Перед глазами встало ехидное лицо Александра, его ледяной голос – никогда я не слышала у него таких интонаций. Я поежилась. Нет. Он сильнее, просто запрет меня и все. И «перевоспитает» в конце концов: упрямства во мне на десятерых, конечно, только не зря говорят, что сила солому ломит.

Возвращаться нельзя. Значит, надо узнать, где я. Позвонить родителям и, по ситуации, или попросить их нанять такси, приехать и забрать меня, или попробовать добраться домой самостоятельно, если меня завезли не совсем уж в глушь.

Нет, сама я далеко не уйду в этом карнавальном наряде и босиком, а пока жду родителей, Сашка меня найдет. Тогда что? В полицию? Поверят ли мне или решат, мол, милые бранятся – только тешатся, и отправят восвояси? Заявление они принять обязаны, но как заставить эту обязанность исполнить? Одно дело – в родном городе, при документах, телефоне и интернете, где всегда можно узнать, кому жаловаться и эту жалобу отправить, другое – у черта на рогах, без паспорта, связи и денег. Можно и нарваться. Нет, я не считала всех полицейских злодеями, ведь они такие же люди, как все, занятые тяжелой и неблагодарной работой, что характер не улучшает. А потому – как повезет, и логика подсказывает, что скорее не повезет.

Неужели тупик?

Под босую пятку подвернулся камешек, я подпрыгнула, ругаясь. Нет, нельзя паниковать! Помогут мне в полиции или нет – не узнаю, пока не проверю. Как говорит моя начальница, «на незаданный вопрос ответ всегда „нет“». Поэтому – вперед и только вперед, пока мой похититель не понял, что обратно я не приползу.

Тем более что и деревня – вот она, рядом. Занятая своей бедой, я и не заметила, как дошла до нее и остановилась, ощущая неправильность происходящего. Если бы не собачий лай, можно было бы подумать, что деревня вымерла. Ни фонарей, ни сияния окон, ни голубоватого отсвета телевизоров из-за стекол. Только кое-где виднелись вертикальные светящиеся полосы – щели в ставнях, и свет казался тусклым, теплым, словно он от настоящего огня, а не электрический.

В какую глушь Александр меня притащил?! Тут, похоже, даже электричества нет – ни одного столба!

Откуда-то из-за плетня выскочила шавка по колено мне, затавкала неожиданно басовито, заскакала вокруг меня. Я выудила из складок юбки туфлю, перехватила поудобней – хоть каблуком засветить, если что. Хотя вряд ли поможет.

Я осторожно сдвинулась к ближайшему крыльцу, шавка побежала за мной, следом выскочила еще одна псина, мне по пояс. Бросило в холод. Говорят, собаки чувят запах страха, значит, бояться нельзя – но как тут не бояться?

Я постучала в дверь. Прислушалась, пытаюсь понять, отреагировали ли хоть как-то с той стороны. Спят? Вряд ли, этот лай мертвого поднимет. Я постучала еще.

Из-за угла вылетел еще один кабыздох, такой же здоровенный, как и второй, и тоже явно дворянских кровей. Зарычал, скаля зубы.

Я заколотила в дверь каблуком туфли, изо всех сил вертя головой, чтобы увидеть хозяев, если они все же откроют, и не упустить момент, если на меня кинутся собаки. Хотя вряд ли я отобьюсь туфлей даже от одного пса.

Дверь отворилась так резко, что я едва не засветила каблуком прямо по лбу мужику. Кряжистый, сутулый, он словно сошел с фотографий дореволюционной деревни – тех, на которых тридцатилетние казались стариками, согнутыми непосильной работой. Босой, в просторной рубахе непонятного цвета и штанах, продранных на коленях.

– Чо колотишься? – Он смерил меня тяжелым взглядом, и я попятилась прежде, чем увидела топор в широкой ладони.

– Помогите... – пискнула я.

– Не подаю. – Он грубо толкнул меня в грудь.

Я слетела с лестницы, чудом удержавшись на ногах. Шавки радостно окружили, заглушив лаем стук закрывшейся двери. Кажется, их стало больше. Я попятилась, выдернула дырн из кривого штaketника – едва ли мне бы это удалось, будь забор сделан на совесть, но этот, кажется, не подновляли целую вечность. Перехватила поудобнее.

Кабысдохи прекрасно знали, что такое палка, – кольцо, окружившее меня, расширилось, правда, и лай стал злее.

По-прежнему пятясь, я продвинулась к соседнему дому. Может, там хозяйева окажутся попримичней. Постучала. Никакой реакции.

Еще в одном доме мне ответили руганью.

Да что ж это за место такое! Может, сектанты? Из тех, что считают грехом любое достижение цивилизации? Потому и электричества нет, и одеты непонятно во что, и от чужаков греховных шарахаются.

Мама дорогая, вот же я влипла!

Стучаться еще к кому-то я не решилась. Все так же, пятясь и сжимая дрын, проследовала по деревенской улице. На околице шавки отстали, но нескоро я решилась повернуться к ним спиной. А едва развернувшись – рванула прочь.

Не знаю, сколько я так пробежала. Остановилась, только когда не смогла сделать больше ни шага. Оперлась на палку, которую так и не выпустила, сложилась – каждый вдох обжигал грудь, в правом боку колело, и ноги вовсе отказывались держать. Я плюхнулась на дорогу, вытерла подолом потное горящее лицо. Сглотнула – в горло словно песка насыпали, а у меня, конечно, ни капли воды! Ладно, когда-то в детстве, когда я занималась фигурным катанием, нам запрещали пить два часа после тренировки, якобы это увеличивает нагрузку на сердце. Потом я узнала, что все это ерунда... но если тогда не умерла от обезвоживания, то и сейчас не умру.

Я заставила себя выпрямиться и оглядеться. Ничего себе я побегала! Во все стороны простиралось поле, залитое лунным светом, тут и там торчали стога. Жуткой деревни видно не было. Отличная штука – адреналин! Жаль, его не хватит, чтобы добраться к людям. Нормальным людям, а не чокнутым сектантам, боящимся электричества.

Кряхтя, точно бабка, я поднялась. Да уж, кончился адреналин: коленки подрагивали, саднили сбитые ступни, и больше всего мне хотелось сейчас упасть и разреветься. Появись здесь Александр – в таком состоянии бросилась бы ему в объятья, забыв обо всем.

Вот только в этакой зад... дыре я оказалась именно из-за него. Не сама же я в эту глушь перенеслась! А потому хватит реветь – хватит реветь, я сказала, и так пить хочется! – и вперед. Подальше от него и поближе к нормальным людям. Остались же в этом мире нормальные люди!

Я снова двинулась по дороге, уже не так бодро. Надежда слабела, сменяясь отчаянием. Далеко ли так уйду я, типичная горожанка, привыкшая даже в магазин за углом ездить на машине? И, кстати о машинах, сколько времени понадобится, чтобы меня догнать на колесах? Пятнадцать минут? Полчаса? Свернуть с дороги – не вариант, так хоть какой-то ориентир, без нее я начну блуждать кругами. Я прислушалась, не рычит ли мотор. Нет, только где-то вдалеке завывала птица, да так тоскливо, что я снова едва не расплакалась.

Нет, рано я расклеилась! Я молодая, здоровая и сильная, «пахать можно», как говаривает папа. Выйду. В конце концов, вокруг не тайга и не бескрайние степи, где от жилья до жилья сотни километров. Судя по тому, что я не чувствую ни слабости, ни сильного голода, в отключке я пробыла не больше суток, и сколько-то времени Александру понадобилось, чтобы привести в порядок дом: тот выглядел чистым, и не было того затхлого запаха, что неизбежно поселяется в нежилых помещениях. Да и организовать все надо было. Значит, не так уж далеко я от нормальных людей, главное, не сдаваться.

Заурчавший живот напомнил мне, что не духом единым жив человек. Ничего. Буду считать это разгрузочным днем, а вода рано или поздно попадет.

Над головой пронеслось что-то темное, быстрое. Я взвизгнула, присев. Тут же разозлилась на себя. Обычная летучая мышь, нашла чего пугаться! Но страх, раз пробравшись в разум, собрался там прочно поселиться.

А вдруг в этой глуши водятся волки? Да, воя не слышно, но где-то я читала, что они не воют, когда охотятся. Или рысь какая сиганет на голову, как раз поле закончилось, сменившись пролеском. Я выругалась на собственную глупость. Как будто рыси заняться больше нечем, только на меня охотиться, когда в лесу и без того дичи полно!

Просто я устала и напугана, вот и мерещится что попало. Ничего, все будет хорошо. Назло этому козлу доберусь до дома. А пока выбираюсь, будет время подумать, как устроить ему веселую жизнь!

Разбанить, что ли, Игоря? В конце концов, если бы не он, я бы не узнала, что мой жених не просто кобель, а самый настоящий маньяк. Нет, об этом я тоже подумаю потом.

Еще сколько-то мне удалось продержаться, придумывая разнообразные способы мести. Начиная от примитивных, например пшена на крышу машины, и заканчивая деяниями, прямо запрещенными уголовным кодексом. Но в конце концов и это приелось, а я поняла, что если не отдохну прямо сейчас, то умру через четверть часа.

Лесок снова сменился полем, стог виднелся совсем рядом с дорогой, и я не выдержала. Все равно машину я не обгоню, а спать тоже надо.

Я шагнула с дороги, вскрикнула, когда стерня впиалась в ноги. Не знаю, каким чудом мне удалось не потерять туфли, но едва надев их, я зашипела от боли – опухшие ступни с трудом в них помещались. Ладно, перетерплю, тут пройти всего ничего.

Я кое-как взгромоздилась на стог, внутри которого что-то шуршало и пищало. Прогнала мысли о мышинной лихорадке и провалилась в сон.

Открыв глаза, я не сразу сообразила, где нахожусь. Солнце слепило, все тело ломило, и сесть мне удалось не сразу. А когда села и огляделась, сердце подпрыгнуло от радости: где-то на полпути к горизонту блестела река, а за ней виднелись каменные дома. Город! Самый настоящий город! Небольшой, судя по тому, что многоэтажек я отсюда не видела...

Я застыла, а потом завертела головой, вглядываясь в окрестности до боли в глазах. Хорошо, пусть город такой маленький, что даже хрущевок там нет. Но ни один город не может жить без электричества, а я не обнаружила ни одной ЛЭП, хотя в поле их должно быть видно издалека.

Не веря себе, я сползла со стога. Проскакала по стерне, шипя и кривясь от боли, но остановиться и обуться казалось невозможным. Быстрее, нужно быстрее. Просто город слишком далеко, и я не вижу. Надо просто подойти поближе, чтобы заметить следы цивилизации.

– Юбки одерни, бесстыдница! – раздалось за моей спиной.

Я оглянулась. Мимо проехала телега – телега, запряженная лошадей! На передке восседал сторбленный дедок.

– Что глазами лупаешь? Смотреть противно, тьфу!

Он смачно харкнул, я шарахнулась, плевков угодил в пыль в десятке сантиметров от моих ног.

Я уставилась на них, точно впервые – да что там, на самом деле впервые *увидев*. Пыль, разводы грязи... И ни следа педикюра. Поднесла к лицу руки. Мои – с узкими ладонями и тонкими пальцами, как у женщины, никогда не занимавшейся физическим трудом. И в то же время чужие: вот этого едва заметного шрама у основания указательного пальца у меня точно не было. Аккуратно и коротко, как я люблю, подпиленные ногти. Ни намек на лак, а ведь я только два дня назад сделала гель...

Кажется, я попала. По полной.

Глава 3

Тело и разум словно онемели. Не сознавая, что делаю, не чувствуя боли, я сошла с дороги; шатаюсь, двинулась к стогу, где провела ночь.

– Еще и пьяная! – донеслось в спину. – А ведь одета как госпожа...

Я прислонилась грудью к стогу, ткнулась в него лицом, жесткое сухое сено царапало кожу. Попыталась ухватиться, удержаться, но устоять на ногах все же не получилось, и я сползла на землю да так и замерла.

Выходит, Сашка меня убил.

Эта мысль, словно нож, прорвала вязкое безразличие, окутавшее меня. Я затряслась не то от смеха, не то от слез, вцепилась зубами в кулак, чтобы не завывать в голос. Вот так это, оказывается, бывает. Живешь себе, любишь и думаешь, что любят тебя, а потом... И ведь наверняка он не хотел, чтобы до этого дошло. Только какая разница: хотел – не хотел? Есть действия, и есть их результат. Он меня толкнул, и он же, не удержав равновесие, не позволил удержаться и мне.

А разбираться с этим «результатом» теперь не ему.

Нет, конечно, остается вариант острого психоза. Возможно, я нырнула в галлюцинации, не вынеся потрясения. Но сойти с ума из-за кобеля, пусть даже любимого кобеля... Как-то это унижительно, что ли. Лучше уж признать, что я в самом деле оказалась в другом мире.

Или все-таки сесть в позу лотоса, запеть мантры и подождать, пока появится добрый доктор с волшебными укольчиками?

Я зажмурилась, потерла лицо, зашипела, задев свежую ссадину – все же расцарапала кожу о колючую траву, сползая со стога. Слишком уж реальной для галлюцинации была боль. Тут же, вопреки всему

происходящему, громко заурчал желудок, и снова безумно захотелось пить.

Нет, сидеть на месте и ждать, пока проблема разрешится сама собой, не вариант. Если я действительно сошла с ума, добрый доктор никуда не денется. А если я попала – во всех смыслах попала, чтоб его, – нужно действовать, иначе эта новая жизнь окажется намного короче предыдущей.

Мысли заскакали, путаясь, я затрясла головой, пытаюсь их уложить.

Выходит, Александр, от которого я сбежала, как от опасного психа, меня не крал.

И это вовсе не Александр.

Я снова зажмурилась, заставляя себя вспомнить. Выражение лица. Пренебрежительно-насмешливое, с легкой ноткой брезгливости – так смотрят на кота, который наелся полиэтилена и тошнится на ковер. Тот Сашка, которого я знала, никогда не смотрел на меня так.

Тот Сашка, которого я знала, никогда бы меня не...

Я заставила себя оборвать эту мысль. Выходит, плохо я его знала, и больше не стоит об этом думать, ничего уже не изменишь.

Одежда. Шелковый с узорами жилет, идеально сидящий по фигуре пиджак, или как он тут называется. Сюртук? Слишком идеально сидящий. Гордый разворот плеч вместо легкой сутулости «качка». Да уж, этот человек, кто бы он ни был, свои мышцы не в тренажерном зале наращивал. Жесткая складка у чувственных губ, таких знакомых и...

Хватит!

Кажется, я воскликнула это вслух – на дороге заржала и дернулась лошадь, а следом до меня донеслись проклятья. Но слезать с телеги и разбираться с «малахольной» поленились, и на том спасибо.

Этот человек, кто бы он ни был, назвал меня своей женой. Так, может, вернуться и сделать вид, будто я – это в самом деле она? Меня-то первой брачной ночью не испугаешь, хотя, конечно, это не тот опыт, который хотелось бы повторить.

«Набегаешься – сама вернешься, – вспомнилось мне. И следом ленивое: – Еще суток не женат, а уже хочется овдоветь».

Нет уж! Что бы ни заставило этого мужчину жениться на мне... то есть на моей предшественнице, сделал он это явно не из-за большой

любви. И, кажется, свою свежеиспеченную жену он тоже убил, иначе я бы не заняла ее тело. Да и как еще трактовать его «перестарался с воспитанием» и «не следовало до этого доводить»?

По спине пробежал мороз, я передернула плечами. Нет, что угодно, только не к нему.

К тому же брак подразумевает супружескую жизнь. Спать с незнакомым – да, похожим на знакомого, но все же чужим – мужчиной ради еды и крыши над головой?! Это надо дойти до полного отчаяния, а я еще побарахтаюсь. В конце концов, это тело, так похожее на мое, ведь не из ниоткуда взялось? Должны же у него... теперь у меня быть родные? Друзья, которых можно попросить помочь? Дом? Какое-то имущество?

Конечно, вполне может оказаться, что здесь женщине вовсе никакого имущества не полагается и, как в викторианской Англии, даже платья ее принадлежат мужу или отцу. А родственники, если найдутся, немедленно вернут меня любящему супругу.

Но не проверишь – не узнаешь. Сидя на одном месте, я свои проблемы точно не решу.

Так. Что мы имеем.

Я оглядела себя. В глаза бросился тонкий серебристый браслет на левом запястье. Странно, что я его заметила прямо сейчас. Я нащупала мочку уха и серег не обнаружила. Значит, этот браслет – мое единственное украшение, но его можно продать. Что еще? Я развязала узлы, удерживающие юбки поднятыми, разгладила ткань – сатин, покрытый изящными розочками, тонкий и шелковистый, со сложным переплетением там, где был узор – так что розы, пропечатанные на нитках до того, как выткали ткань, казались объемными. Нижние юбки из батистового шитья. Если я ничего не путаю, батист считался дорогой тканью.

«Одета как госпожа», – сказал тот старикан, что обозвал меня пьяной потаскушкой. Что ж, уже неплохо. В любом мире лучше быть госпожой, чем скотницей.

Хотя, пока я не узнаю, кто я, скорее всего, придется черной работой заняться. Желудок снова взвыл, точно напоминая, что кто не работает – тот не ест. Ничего, я не гордая, могу и полы помыть, если придется.

Я влезла в туфли, зашагала к дороге. Сейчас доберусь до реки, приведу себя в порядок, насколько это возможно. Хорошо бы какой родник по дороге попался, тогда и попила бы – пить из реки я рискну, только умирая от жажды, а пока до этого не дошло. Потом дойду до города, попробую устроиться... хоть посудомойкой для начала, горничной без имени и рекомендаций меня вряд ли возьмут, а о моей профессии из другого мира и вовсе стоит забыть. Пообживусь, поосмотрюсь, а там видно будет, что дальше.

И все же это «что дальше?» упорно крутилось в голове, приводя в отчаяние, как будто и без того было мало забот. Болели ноги, рот, кажется, слипся намертво, солнце, поднявшись, пекло голову, к потной коже липла пыль. В довершение всего приходилось то и дело отступать к самому краю дороги, пропуская телеги и конных. В очередной раз услышав за самой спиной копыта, я шагнула в сторону и услышала женский голос:

– Милая леди, как вы здесь оказались в таком виде?

Я оглянулась. В повозке без дверей, но с крышей сидели женщина средних лет и мужчина по виду лет двадцати пяти. Женщина взгляделась в меня, подслеповато щурясь, а мужчина выдохнул:

– Алисия?

Я ошалело уставилась на него. Игорь?!

Да что это за бред такой? Сперва Александр, который не Александр, теперь Игорь, который... а как его тут зовут? Впрочем, и я ведь тут не я. И тоже очень сильно похожа на себя – по крайней мере то, что я могу разглядеть, и имя...

– Что ты... Что вы здесь делаете! – Он соскочил с коляски, схватил меня за плечи, вглядываясь в лицо. – На кого ты похожа! Что случилось? Он обидел тебя?!

И что, спрашивается, ему ответить?

– Не помню, – прошептала я.

Горло перехватило, и я прокусила губу, чтобы не разрыдаться. Это его искреннее участие словно сломало во мне что-то, заставив почувствовать себя маленькой и слабой. Или просто слишком много впечатлений со вчерашнего вечера на меня одну?

– Алисия, милая, иди сюда.

Вот теперь я ее узнала. В моем мире тетя Люда носила выжженный блонд, а здесь ее лицо обрамляли каштановые, как у сына,

локоны, с изрядной проседью. И, конечно, никаких очков.

Я послушно взобралась в коляску. Кажется, слишком сильно задрала юбки, потому что брови женщины на миг взлетели на лоб, а потом она повторила:

– Что случилось, деточка? Почему ты здесь? И где твои чулки?

Ответить я могла только на последний вопрос, зато совершенно честно:

– Не помню.

Где я их потеряла? Может, в стогу, а может, и раньше, где-то по дороге. Какая разница?

– Ксандер сказал, что его жене нездоровится, – прошипел Игорь, или как его теперь звать. – Я вернусь и...

– Ты закроешь рот, отойдешь на три ярда и дашь нам спокойно поговорить, – сказала тетя Люда, и Игорь мгновенно заткнулся. Сжал кулаки, но в самом деле отошел на несколько метров. – Бедная девочка, иди сюда. – Она притянула меня к себе, как в детстве.

Мои родители вечно пропадали на дежурствах, тетя Люда, наша соседка, считала, что главное для женщины – муж и дети. Так и получилось, что с разбитыми коленками и двойками я куда чаще прибегала к ней, чем к маме. И сейчас, ткнувшись в полное плечо, я вдруг разрыдалась, точно та маленькая девочка, которой была когда-то.

– Ну-ну, все хорошо. – Она погладила меня по спине. – Все будет хорошо.

Что-то в ее тоне подсказало мне, что она сама в это не слишком верит. Я заставила себя скрутить слезы, выпрямилась.

– Простите.

– Вот, возьми. – Она протянула мне кружевной платочек с монограммой.

Я послушно вытерла лицо.

– Алисия, милая, – осторожно начала она. – Конечно, об этом должна была рассказать тебе мама, но раз уж она не смогла...

– А что с ней? – Тревога сжала грудь, я не сразу сообразила, что моя мама осталась в том мире, а здесь – мама совсем другой девушки. Той, что была Алисией.

– Опомнись, твои родители десять лет как на кладбище. Вместе с моим мужем. – Тетя... Люция приложила платочек к глазам, оставшимся, впрочем, сухими.

Да уж, нашла о чем спросить! Но оправдываться было поздно, и я промолчала. Стыдно сказать, но я обрадовалась. Как ни крути, но родители прежде всех заподозрили бы неладное. Может, перед посторонними и удастся отговориться потерей памяти, но семья-то быстро поймет, что дело нечисто. Впрочем...

– Я не помню... – прошептала я.

Да, вот оно, оправдание. Я не помню. Ничего не помню.

– Я тоже хотела бы забыться. – Она снова промокнула глаза платком. – Но от наших желаний ничего не зависит. Так вот, на правах давней подруги твоей матери... Если тебя до такой степени напугало то, что происходит в спальне между супругами...

Я нервно хихикнула. Да, конечно, страшнее мужского органа в мире ничего нет. В чужом мире, где даже я сама – уже не я.

– Надо перетерпеть, девочка. Супружеский долг – это испытание, которое приходится нести с честью.

Долг? Испытание? А я всегда думала, что радость. Радость дарить любовь и получать ее.

Впрочем, мне сейчас только супружеского долга для полного счастья не хватало.

– Награда за это испытание – счастье материнства. – Она посмотрела через мою голову на сына.

– Дело не в этом. – Я в последний раз шмыгнула носом. Вернула платочек. – Спасибо. Я в самом деле не помню. Просто ничего не помню. Ни как я здесь оказалась... – Истинная правда, между прочим. – Ни кто я, ни кто вы... – Почти правда, но об этом «почти» никому не следует знать.

Женщина ошалело уставилась на меня. Я ответила ей прямым взглядом, сделав самое наивное лицо, на какое только была способна.

– Я – Люция Сапфира, твоя соседка, – медленно произнесла она после паузы. – А ты Алисия Монро. То есть теперь Гилбрайт. Графиня Гилбрайт.

Графиня. Да уж, в самом деле лучше, чем скотница. Только радоваться не получалось.

– Ты в самом деле этого не помнишь? Если это шутка – то очень глупая.

Я помотала головой. Люция снова оглядела меня с ног до головы и, видимо, решила, что потерявшая память новобрачная – это

приличней, чем новобрачная, сбежавшая из супружеской спальни.

– Вчера состоялась твоя свадьба с Ксандером Гилбрайтом, после обряда вы с женихом и ваши близкие друзья уехали в его загородное имение, чтобы продолжить празднование. Сегодня утром твой муж извинился перед гостями, сославшись на твое нездоровье, и предложил разъезжаться по домам. Мы с Айгором уехали одними из первых – находиться в доме этого человека было для нас слишком тяжело. Я согласилась приехать только потому, что у тебя нет больше близких...

Вот как...

– Спасибо. – Что тут еще скажешь?

– Сразу оставлять тебя среди чужих было бы слишком жестоко.

– Вы сказали, у меня нет больше близких? Родственников?

– У тебя никого нет. – Люция вздохнула. – Что же с тобой случилось, девочка? Надо вернуть тебя мужу. Как ни крути, но лучше него целителя в стране не найдется, нельзя же оставаться беспомощной.

– Нет! – испугалась я. – Только не к нему!

Этот незнакомый, с жесткой усмешкой Александр... Ксандер пугал меня до полусмерти. Даже странно, ведь он ничего не сделал...

Ну да, ничего, просто так «повоспитывал» молодую жену, что она умерла.

Но лучший целитель в стране? В двадцать восемь лет?! Или здесь ему больше?

И сколько лет мне, если меня называют «девочкой»?

– Я хочу домой, – выдохнула я. – Ведь есть же у меня дом? Может быть, там я смогу вспомнить?

Глава 4

Вспомнить – едва ли смогу, но, может, получится понять и как-то приспособиться.

Люция снова помедлила, внимательно на меня глядя.

– Хорошо, – сказала она.

Она махнула рукой Айгору, тот вскочил в повозку, устроившись напротив нас, коротко скомандовал кучеру, и мы поехали.

Наверное, оказавшись в другом мире, следует разглядывать окрестности, умирая от любопытства, но я умирала от усталости –

короткий сон в стогу вовсе не восстановил моих сил, – голода и жажды. И одновременно меня мутило от тряской езды. Так что дорогу я ни разглядеть толком, ни запомнить не смогла. Я бы и не заметила, что мы въезжаем в город, если бы Люция не завозилась на сиденье.

– Надень мой пыльник, – сказала она, снимая льняную накидку, – и укройся капюшоном. Не хочу, чтобы соседи разглядели, в каком ты виде, и начали сплетничать.

Я молча подчинилась. Мне и самой сплетни ни к чему. Укуталась в полотно, опустила капюшон и закрыла глаза, ожидая лишь, когда дорога закончится и можно будет спрятаться от неотрывного взгляда Айгора за стенами пусть не совсем моего, но все же дома. Неужели и тут мальчик, с которым я росла и дружила, повзрослев, захотел стать больше чем другом?

Наконец коляска остановилась.

– Вот мы и дома, – сказала Люция. – Я пришлю с кухаркой немного еды.

– Спасибо. – Голос прозвучал хрипло, пришлось прокашляться.

Еда... Полцарства за глоток чистой холодной воды! Или мутной теплой... словом, любой воды!

– Надеюсь, в доме осталось где переночевать, и у тебя будет время хорошенько подумать.

Да, хорошенько подумать – это ровно то, что мне сейчас необходимо. После того как поем, вымоюсь и переоденусь.

Стоп...

– Надеетесь, что в доме осталось?.. Что с ним?

– Когда бедную Надин понесли на кладбище, в доме сработали охранные артефакты. Слуги едва успели выбежать из дома, как его укрыла защита, и больше никто в него не входил. Все-таки Питер был очень сильным магом и умел не только зелья варить.

– Но... как я попаду в дом?

– По праву крови, – удивленно ответила Люция. Покачала головой. – Ах, да... Охранные заклинания обычно зачаровываются на кровь хозяев дома и потому беспрепятственно пропускают их родственников.

– А остальных?

– Зависит от того, как зачарованы артефакты или какие приказы им отдают. Неужели ты не помнишь даже таких простейших вещей?

Да я себя-то не помню! Но об этом, пожалуй, лучше промолчать. А то в самом деле потащат к целителям, а те, чего доброго, объявят меня недееспособной и запрут в лечебницу или отдадут под опеку мужа, и жить мне дальше на правах домашней кошки: захотят – погладят, а захотят – и пнут. Какие там вопросы обычно задают, определяя вменяемость? Число, день недели, имя и возраст? Да я же ни на один не отвечу!

– Мама, может, пригласим Алисию пожить у нас, пока к ней не вернется память? – как-то заискивающе спросил Айгор.

– Исключено, – отрезала Люция. – Поди предупреди кухарку, что мы вернулись раньше времени, пусть соберет поесть для Алисии и начинает готовить обед.

Он молча выбрался из коляски и двинулся в ворота дома. Значит, это не мой. Мой – тот дальше.

И, похоже, можно не спрашивать, кто хозяин дома, у которого мы остановились. Равно как и женат ли сам Айгор.

– Прости, дорогая. – Голос Люции наполнился патокой. – Я с радостью приютила бы тебя. Но молодая женщина, без мужа, в доме неженатого мужчины... твоей репутации конец.

А еще, похоже, ты обратила внимание, как он на меня смотрел, и не хочешь лишних проблем. В невестки я по какой-то причине не сгодилась, и сейчас тебе не надо, чтобы твой сын вокруг меня увивался. Но не спрашивать же прямо почему? Может, когда-то и узнаю. Надеюсь, Айгор не станет «открывать мне глаза» на мужа, как это сделал Игорь.

К слову, а разводы тут есть?

– И я от души советую тебе как следует подумать, – продолжала ворковать Люция. – Твой муж, конечно, очень... сложный человек. Но что поделывать, такова наша женская доля. Не всем так везет, как мне с покойным Иваром. Жертвенность украшает женщину, и рано или поздно Ксандер оценит, какое сокровище ему досталось, несмотря на все, что стоит между вами.

Все интереснее и интереснее. Что же такое между нами стоит?

– Спасибо, я подумаю, – кивнула я, соскальзывая с коляски.

Не время сейчас для расспросов. Как и для дискуссий о месте женщины в обществе, да и нет у меня сил на бессмысленные споры. Тетя Люда тоже всю жизнь твердила, что женское предназначение –

заботиться о детях и муже. А муж в один прекрасный момент решил сменить старую модель жены на новую и посчитал, что поступил благородно, оставив бывшей жене и сыну квартиру. Всю жизнь на шее просидела, пусть поработает.

Именно тогда я и поняла, что не стоит верить всему, что преподносится как женская мудрость.

– И спасибо, что подвезли, – добавила я.

– Я пришлю кухарку, – донеслось мне в спину.

– Спасибо, – повторила я в который раз. Сделала шаг от коляски, и она тут же двинулась в раскрытые ворота в глухом заборе.

Я миновала проулок, такой же глухой забор и ворота, видимо, для экипажа. Остановилась перед огромной, тяжелой на вид дверью. Дом выглядел крепостью, закрытой от посторонних, окна казались покрытыми пылью зеркалами, сквозь которые невозможно разглядеть ничего внутри. И как, спрашивается, попасть туда? Я же ничего не смыслю в магии?

На миг мне померещилось, будто дом окутывает радужная сеть. Я моргнула, снова уставившись на темное дерево двери, а потом, волнуясь непонятно отчего, потянулась к нему рукой.

Снова мелькнула разноцветная пелена, и дверь беззвучно приоткрылась. Осмелев, я потянула на себя ручку и шагнула в проем.

Дом обрадовался мне. Когда я перешагнула порог, словно теплая невесомая шаль легла мне на плечи, и разом стало тепло и спокойно. Даже странно – внутри было пыльно, сумрачно и пахло той мертвой затхлостью, что неминуемо появляется в запертном надолго помещении, а я почувствовала себя дома. Наверное, просто слишком устала от приключений и хотела оказаться в теплой гавани.

Я оглядела небольшую прихожую: по центру, прямо напротив меня, – лестница на второй этаж, по обе руки – двери. Не видно ни вешалок, ни подставок для обуви... Ну да, зачем бы им тут быть: слуги заберут верхнюю одежду гостей и унесут. Вон та неприметная дверка под лестницей —наверняка гардеробная для гостей. И в самом деле внутри оказались вешалки.

Ладно, гардеробная подождет, мне бы найти кухню или ванную, или где тут можно разжиться водой. Или придется искать колодец?

Я открыла дверь по правую руку от входа. Коридор, одна стена с окнами, выходящими на улицу. Во второй – двери. Я отворила

ближайшую, за ней оказалась комната с роялем, диванчиком и разнообразными банкетками. Гостиная? Следующая дверь, еще одна комната, центральное место в которой занимал массивный стол темного дерева и такие же стулья. А вот и кухня. Огромная плита, шкафы, раковина и из стены торчит кран с двумя вентилями!

Я обрадовалась ему как родному. Мыться из тазика – полбеды, куда больше меня пугала перспектива возиться с ночным горшком. Но раз есть водопровод, значит, есть и канализация.

Я осторожно повернула вентиль, ожидая, что кран начнет шипеть и плеваться ржавчиной, но вода потекла неожиданно ровной и чистой струей, словно и не стояли трубы пустыми много – а, к слову, сколько? – лет.

От вида воды жажда стала и вовсе невыносимой, и я не удержалась – склонилась к крану, как в детстве, жадно глотая. Только когда забулькало в животе, я вспомнила, что едва ли водопровод дезинфицируют, как в наших городах. Но даже вспомнив, не сразу смогла оторваться от холодной, вкусной и восхитительно мокрой воды. Может, и пронесет.

Рядом с раковиной нашлось мыло. Растрескавшееся, твердое как камень и понадкусанное не то мышами, не то крысами – но все же это было мыло, и я наконец-то вымыла руки и шею, едва удержавшись, чтобы, как в детстве, не задрать ноги прямо в раковину. Раз нашлась кухня – найдется и ванная. Еще бы поесть...

Я сунулась в ящики, но не обнаружила там ничего, кроме трухи и мумифицированного мышинного трупики. За годы, что дом простоял пустым, даже плесень повывелась. Ничего, если дом закрылся, как только его покинуло тело хозяйки, значит, внутри найдется хоть что-то, что можно будет продать и купить еду.

А жизнь-то налаживается!

Эту мысль прервал мелодичный сигнал, как от дверного звонка. Неужели здесь есть электричество? Звук повторился, а потом до меня донесся настойчивый стук.

– Сейчас! – крикнула я, торопясь к двери. Люция же обещала прислать кухарку. – Открываю!

Но вместо кухарки за дверью обнаружился Айгор с корзинкой в руках, и судя по тому, как он ее держал, – увесистой.

– Мэри занята, так что я пришел сам. Вот. – Он неловко переступил с ноги на ногу.

– Да, конечно, – невпопад ответила я. Из корзинки пахло так, что я на миг ощутила себя собакой Павлова. Спихватилась: – Заходи... те.

Айгор, опасливо оглядевшись, переступил порог.

– Чего вы боитесь? – спросила я прежде, чем сообразила, что не стоит вслух предполагать, будто мужчина может чего-то бояться.

– Я не боюсь, – ожидаемо вскинулся он. – Я беспокоюсь о твоей репутации.

Ну-ну. Беспокоился бы ты о моей репутации, отправил бы кухарку. И, к слову, где я – пусть будет уже «я», с этими переселениями рехнуться можно – жила все эти годы?

– Давай помогу отнести это в столовую, – совершенно непоследовательно добавил он и двинулся в дом, не дожидаясь приглашения пройти в комнаты.

– А как же моя репутация? – поинтересовалась я, не торопясь сходить с места.

Не то чтобы я опасалась каких-то поползновений с его стороны, но в чем-то Люция была права. Это в наше время репутация умерла, а всего лишь пару веков назад, став изгоем, человек – а тем более молодая женщина вроде меня – был обречен. Пока я не знаю нравов этого мира, лучше не нарываться.

– Ты мне не доверяешь? Мне?

С чего бы мне доверять человеку, которого я впервые вижу? Я вежливо улыбнулась и сказала как можно мягче:

– Спасибо, что хотите мне помочь, но я справлюсь. Поставьте, пожалуйста, корзину и не утруждайтесь.

Лицо Айгора вытянулось, как у обиженного ребенка.

– А ты изменилась, Лиса.

Значит, я и тут Лиса. Ну что ж, хоть что-то осталось у меня от прежней жизни.

– Может быть, – все так же мягко сказала я. – Время меняет людей.

– А приют не идет на пользу характеру, – горько заметил он, ставя на пол корзинку. – И все же вчера ты была рада меня видеть, а сегодня...

А сегодня на месте той девушки, что была рада тебя видеть, оказалась я. И я не стану оправдываться – тем более что и оправдываться мне не в чем.

Он обвел взглядом прихожую.

– Дом тоже изменился. Я помню его светлым и гостеприимным. Не то что сейчас.

Это камешек в мой огород или у меня паранойя?

– Значит, хорошо, что я этого не помню, – ровным голосом произнесла я.

– В самом деле? – Он шагнул ближе, и я едва удержалась, чтобы не попятиться. – И... нас тоже не помнишь?

Час от часу не легче!

Он потянулся, словно желая обнять меня, и я едва увернулась.

– Ваша мама, наверное, уже волнуется, что вы задерживаетесь, – холодно улыбнулась я. – Всего доброго и спасибо за помощь.

Он дернулся, но взял себя в руки.

– Тогда мне остается только согласиться с матерью – вам лучше вернуться к мужу, Алисия. Рад был помочь.

Дверь шарахнула так, что я подпрыгнула.

Глава 5

Интересно, можно ли перенастроить защитные заклинания, чтобы они этого типа больше на порог не пускали? Да даже если в самом деле были какие-то «мы», Айгор потерял право на что-то претендовать после того, как я – ну, то есть не я, но пусть будет «я» – вышла замуж! Да, я знаю про договорные браки, приданое и подобные вещи. Но все равно: допустил, чтобы любимая девушка стала чужой женой, – вот и забудь о ней.

Или девушку он тронуть не осмелился, а с замужней женщиной можно не только за ручки держаться?

– Да шиш тебе! – не удержавшись, сказала я вслух и вздрогнула от того, как гулко прозвучал мой голос в пустой прихожей.

Этак недолго и в привидения поверить. Нужно осмотреть дом, навести порядок, а там по ситуации. Может, я смогу сдавать комнаты – и дом перестанет быть пустым, и мне хоть какой-то заработок. Но сперва надо поесть, а то уже трясет от голода.

В корзинке, в самом деле тяжелой, были сыр, хлеб, холодное запеченное мясо и пироги. Я откусила кусок пирога – начинка оказалась с капустой – и невесело усмехнулась.

Даже обидно: два высших образования, а я думаю, попробовать ли устроиться посудомойкой, или получится сдавать комнаты. Вот только много ли может врач, лишившись привычных методов диагностики и современных лекарств? Прослушать легкие через свернутую трубкой бумагу, прощупать живот да назначить касторку от запора? И много ли толка от фармацевта, если неоткуда взять синтетические субстанции для лекарств? Травы разве что заготовить, если получится вспомнить, что да как.

И насколько полезны травы в магическом мире? Конечно, я пока не видела здесь магии, кроме той разноцветной сети вокруг дома, которая могла мне и померещиться. Но Люция слишком уж уверенно говорила об охранных заклинаниях. Если есть охранные заклинания, должны быть и исцеляющие. Поводил руками, сказал «абракадабра» – и вот уже больной сразу выздоровел. При таком раскладе мои два диплома даже на туалетную бумагу не годятся, жесткие.

«Так, хватит ныть», – оборвала я себя. У меня есть крыша над головой, мозги и руки, растущие из нужного места. Осмотрюсь, разберусь и придумаю, как устроиться. К тому же от мытья полов никто не умирал.

И, к слову, Люция говорила, что «мой» отец был сильным магом. Может, и мне частичка магии перепала от родителей?..

Зря я подумала о родителях. Мои там, наверное, с ума сходят от горя. И ни позвонить, ни весточку передать. А я... я никогда их не увижу! Я сглотнула ком в горле. Нет, нельзя расклеиваться. Мне повезло больше, чем моему двойнику в этом мире, – мама с папой живы, пусть даже нам больше никогда не встретиться, но я знаю, что они живы. А горе... проходит.

Я вытерла слезы – как ни уговаривала себя, что не время расклеиваться, они все же прорвались. Накрыла полотенцем корзинку с едой. Белоснежное полотно казалось ослепительным на фоне пыльного стола. Кошмар, ну и свинарник, а я еще в нем ела?

Что ж, говорят, уборка успокаивает. Вот и... успокоюсь. Только осмотрю дом, чтобы определиться, с чего начинать.

Я толкнулась в дверь по правую руку от входа, та не поддавалась. Я внимательно оглядела ее, вопреки всякой логике выискивая радужные переливы. Нет, просто тяжелая прочная дверь, закрытая на замок.

Что ж, нет так нет. Может быть, где-нибудь в доме я обнаружу ключи. Я же почти еще ничего не видела. С этой мыслью я поднялась по лестнице.

На втором этаже обнаружилась бальная зала, две комнатки, заставленные разнообразными креслами, пуфиками и козетками; кабинет, в котором не оказалось ни бумаг, ни книг, лишь пустые полки. Несколько спален.

В комнате, похожей на гардеробную, нашлось зеркало в полный рост. Я сняла ткань, что занавешивала его, осторожно – так осторожно, словно девушка из зазеркалья могла утащить меня за собой, – заглянула в него.

Это была я – и не я. Наше отражение меняется каждый день по чуть-чуть, незаметно. Вот внезапно обнаруживается морщинка в уголке глаза, вот вдруг оказывается, что цвет лица стал не таким свежим. И лишь разглядывая старые фотографии, мы начинаем понимать, как бежит время.

Очерченная резной рамой, словно рамкой старой фотографии, на меня смотрела девочка, какой я, наверное, была лет десять назад. Эта я смотрелась от силы на восемнадцать. Рыжие волосы, белая кожа. Гораздо бледнее моей – ко мне загар не лип, но эта девочка выглядела так, словно никогда не видела солнца, и лишь усыпавшие нос и скулы веснушки говорили, что это не так.

Стройная... Пожалуй, даже по нашим меркам скорее худая, чем стройная, а по здешним, насколько я успела заметить, как сложены люди на улице, и вовсе тощая. «Приют», – сказал Айгор. Не кормили ее там совсем, что ли? Царапина на скуле, встрепанные волосы, в которых кое-где до сих пор торчат соломинки. Под глазами легкие синие тени – впрочем, после такой ночи, как сегодня, я-настоящая выглядела бы куда более помятой.

Я вытряхнула из волос чудом сохранившиеся шпильки, скрутила гульку на затылке. Пощупала царапину: до свадьбы заживет. Эта мысль заставила меня нервно хихикнуть. Одна свадьба не состоялась, второй я не помню. Может, оно и к лучшему: интуиция подсказывала, что девочка с наивным лицом, отражавшаяся в зеркале, не слишком

рвалась замуж. Каким бы пуританским ни было воспитание, вряд ли кто-то упадет в обморок в предвкушении первой ночи с любимым человеком.

– Ну их в лес, всех этих козлов, – улыбнулась я этой девочке. – Без них справимся.

Она улыбнулась мне в ответ, робко и неуверенно. Да уж, приют в самом деле не улучшает характер. Ничего, я-то не бедный забитый ребенок. Прорвусь.

– Теперь у тебя есть я, – сказала я своему отражению.

Отвернулась от зеркала к стойке, на которой висело с десятков платьев, точнее, корсажей и юбок – к моему удивлению, они не были сшиты вместе, а надевались раздельно. Воплощение мечты, наверное, любой маленькой девочки – пышные юбки, узкие корсажи, ленты и кружева, разноцветные ткани: от тонкой, хорошо выделанной шерсти до переливчатого муарового шелка. Наряды для настоящей принцессы. Моль и время не тронули их, ткани оставались яркими, выбей их как следует от пыли, и можно надевать, тем более что размер вроде мой. Я погладила плотный шелк. Какой была та женщина, что носила их? Почему умерла и что случилось с ее мужем? Болезнь, которая унесла родителей, но пощадила ребенка? Вполне возможно, хотя обычно бывало наоборот.

Я приложила к груди корсаж, снова обернулась к зеркалу. Нет, все же придется перешивать. Платья были бы впору мне-прежней, но той девочке, что смотрела на меня из зеркала, явно велики. И у всех застежка на спине: где шнуровка, где крючки, а где – длинный ряд мелких перламутровых или обтянутых тканью пуговиц. Эти наряды были рассчитаны на женщину, которой помогает одеваться прислуга. Одеваться, следить за этим огромным домом и садом на заднем дворе, что был виден в окна жилых комнат.

Я вернула на вешалку воздушное платье. Если рассуждать разумно, мне стоит продать этот огромный особняк и купить себе скромную квартирку на окраине города. Почему-то при мысли об этом все внутри перевернулось. Нет уж, справлюсь и без прислуги. Один раз наведу порядок, потом запру лишние комнаты до лучших времен, а там видно будет.

Пока что все мои планы заканчивались этим «там видно будет». С другой стороны, как, скажите на милость, строить планы, не зная

ничего ни о себе, ни об окружающем мире?

Я снова подвязала к поясу юбки, чтобы не мешались, скомкала в руках тряпку, что укрывала зеркало, – как раз сгодится полы мыть – и отправилась искать ведро.

Следующие несколько часов я мела, скребла, терла, мыла, выливала воду и снова мыла. Все-таки есть доля правды в том, будто труд создал из обезьяны человека. По мере того как преображался дом, меня саму все сильнее наполняла уверенность.

Не буду я его продавать. И пускать постояльцев не стану. Попробую для начала продать браслет, потом, может быть, – заложить кое-что из украшений, что я нашла во вделанном в стену шкафчике в гардеробной. Вырученного должно хватить на первое время, пока я освоюсь, разберусь, что да как в этом мире. Даже если и окажется, что все вокруг лечатся магией и волшебными зельями... Наверняка найдутся люди, которым магия не по карману, а простые сборы будут в самый раз: успокоительные, противовоспалительные, отхаркивающие... Надо лишь понять, кому они могут пригодиться, и найти покупателей – в конце концов, чем-то подобным я и занималась последние несколько лет, работая на фармкомпанию.

Насколько я успела заметить, природа здесь не отличалась от нашей, значит, и травы будут привычными. А учитывая водопровод и канализацию, цивилизация зашла достаточно далеко, чтобы появились места, где можно разжиться уже готовыми ингредиентами. Но, конечно, нужно будет считать – возможно, немагические лекарства будут стоить в этом мире так мало, что придется и сырье заготавливать самой. Еще ведь понадобится хотя бы базовый набор оборудования...

Занятая размышлениями, я не заметила, как отдраила весь дом, кроме тех запертых помещений, которые я не смогла открыть сразу. Насобирав целую коробку ключей, спустилась в прихожую. Принесла ведро и тряпку, чтобы потом не бегать туда-сюда, и начала проверять один ключ за другим.

Третий подошел. Я потянула на себя дверь.

Магазин. Или что-то очень на него похожее.

Дверь на улицу, когда я попыталась открыть ее, едва поддавалась, похоже, заржавели петли. В самом помещении обнаружились напольные шкафчики, полки и навесные шкафы. Или это не магазин?

На дверцах шкафчиков были нарисованы травы. Я узнала подорожник, мяту, ландыш. Неужели аптека?

Нет, рано радоваться. В царящем беспорядке трудно было что-либо разобрать. Самый настоящий погром: распахнутые и кое-где вырванные с мясом из петель дверцы шкафов, битое стекло на полу, непонятные порошки, за давностью времени потерявшие вид. Но не было в этом беспорядке системы: какие-то шкафы и полки стояли вовсе нетронутыми. Как будто кто-то просто решил сорвать зло на безответных предметах, но быстро устал, а потом вездесущая пыль накрыла все вокруг.

Я подобрала с пола чашечку и коромысло весов, положила на стол. Второй чашечки видно не было. Может, и найдется, когда я наведу здесь порядок. «Умел не только зелья варить», – вспомнилось мне. Отец Алисии был зельеваром? Фармацевтом? Может, я, хоть и не настоящая Алисия, смогу подхватить семейное дело? Может, мои дипломы все же на что-то сгодятся? Нет, это было бы слишком хорошо. Не стоит раньше времени надеяться – не придется потом разочаровываться.

В углу замерцало переплетение магии, и я шагнула туда. Дотронулась до шкафа, переливавшегося перламутровым светом, и ойкнула, когда он провалился в стену, открывая вход в еще одну комнатку.

Здесь, в отличие от первого помещения, царил образцовый порядок. Может, снаружи и был такой разгром, потому что некто, не сумев справиться с защитой, сорвал зло там, куда дотянулся? Кто сейчас скажет?

Конечно, это второе помещение мало походило на современную лабораторию, но было вполне узнаваемым. Ступки, весы, мензурки и колбы, сита и фильтровальные колонки. Подставка вроде бы для спиртовки, но вместо спиртовки под ней лежало что-то похожее на сплав разноцветных стекляшек.

И книги. Целая стена книг.

Глава 6

Я шагнула к полкам, обмирая от внезапного страха. До сих пор я не задумывалась, каким образом понимаю здешний язык. Чудо – оно и есть чудо. Но что если это чудо ограниченного действия и я могу лишь

говорить, но не читать? Я даже зажмурилась, пытаясь отдалить момент, когда пойму, что неграмотна, – и тогда в самом деле останется только в посудомойки. Заставила себя открыть глаза.

Незнакомые закорючки послушно сложились в слова. «Анальгетики в гериатрии», – прочитала я. Моргнула. Забыв, как дышать, попятилась и пятилась так, пока не миновала дверной проем, а за ним еще один. Осторожно закрыла дверь и долго стояла, тупо глядя в нее.

Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Я все-таки сошла с ума окончательно и бесповоротно. Иначе никак не объяснить, откуда взялись слова с древнегреческими корнями в мире, где не было древних греков.

Спокойствие, только спокойствие. Я уже размышляла, не сошла ли с ума, не далее как полдня назад, обнаружив, что я не в своем мире. С тех пор ничего не изменилось: не можешь обуздать – возглавь. Пока не появился добрый доктор, мне надо как-то устраиваться в этом мире, даже если он – всего лишь плод моих фантазий. И то, что я нашла, нельзя назвать иначе, чем чудом.

Лаборатория, пусть, по моим меркам, довольно древняя, но все же – лаборатория! С оборудованием! И прорва книг, причем понятных книг! Учиться я всегда умела и любила, и перспектива снова грызть гранит науки меня вовсе не пугала. Если подумать, «анальгетики в гериатрии» – повод не для страха, а для оптимизма. Не нужно разбираться в незнакомых терминах.

Сейчас наведу порядок и просмотрю библиотеку. Хорошо бы нашелся каталог, а не найдется – сама сделаю. Пока присмотрю что-нибудь пролистать перед сном, а завтра отнесу в ломбард... ну вот хоть браслет для начала и куплю еды, бумаги и чернил, чтобы записывать.

А вдруг мне повезет и в недрах запертой магией лаборатории, которую не смогли вскрыть те, кто разнес аптеку, найдется сейф с деньгами? Или – что еще ценнее – ингредиентами?

И обязательно надо обследовать садик на заднем дворе. В огороде зельевара может обнаружиться что-нибудь интересное, глядишь, и первые ингредиенты покупать не придется.

Если же мне очень-очень повезет, я все-таки пойму, как справляться с магией. Ведь не может же дочь очень сильного мага, человека, зачаровавшего дом так, что его никто не смог вскрыть за

десять лет, оказаться вовсе бездарной. Но на это я тоже пока не буду надеяться. Не стоит загадывать слишком далеко. С первыми шагами я определилась, там видно будет. Пока надо просто навести порядок.

Сейчас, когда прошел первый шок и я снова стала способна думать, можно найти минимум два объяснения несуразице, поначалу напугавшей меня. Первое и самое простое – мой мозг просто подгоняет местные термины под привычное восприятие. Наверняка я здесь и говорю не по-русски, буквы-то на корешках – точно не кириллица. Я от души, хоть и не слишком связно, поблагодарила неведомых богов этого мира за чудо— страшно подумать, что стало бы со мной, если бы я не понимала язык. Да и неграмотной быть не слишком приятно – кто бы меня учил читать и писать?

Второе объяснение посложнее. Параллельные вселенные. Это могло бы объяснить и Игоря-Айгора, и Александра-Ксандера, и меня саму, Алису-Алисию. Как-то мне попало описание теории, будто любая вселенная – лишь математическая структура, состоящая из набора физических постоянных и уравнений, и таких математических структур бесконечное множество. В чем-то уравнения, описывающие каждый из бесконечного множества вариантов, одинаковые, в чем-то разнятся. И если так, почему бы какому-то набору уравнений не описать законы магии? И почему бы в этом наборе не оказаться древнегреческому и латыни, как и знакомым-незнакомым мне людям?

Перед внутренним взором промелькнули кадры из «Матрицы» с бегущими символами, и я затрясла головой. Все эти абстракции никак не хотели в ней укладываться. Всегда недолюбливала математику, а современная теоретическая физика и вовсе не для средних умов вроде моего. Поэтому незачем лезть в подобные дебри и лучше для себя принять первое, самое простое объяснение.

Я наклонилась над ведром, чтобы выполоскать и выжать тряпку и протереть дверь прежде, чем приступить к уборке внутри аптеки.

– Не следует множить сущности сверх необходимого, – наставительно сказала я себе, чтобы окончательно отвлечься от мыслей об устройстве мироздания.

В следующий миг на мою ягодицу легла мужская рука, и знакомый голос произнес:

– В приюте изучают философию? Как интересно!

Я ругнулась, разворачиваясь, и от всей души засветила нахалу тряпкой. Мужчина отступил на шаг, даже вроде бы не торопясь, а мокрая ткань вспыхнула в моих руках. Взвизгнув, я отшвырнула ее, отскакивая назад.

Алек... Ксандер ухмыльнулся, рассматривая меня. Взгляд его остановился на моих ногах, открытых выше колена, потемнел, приобретя такое знакомое выражение, и мое сердце привычно заколотилось в предвкушении.

Я отступила еще на шаг. Нет. Это просто воспоминания о другом человеке, которого я любила. Просто привычка. Просто...

– И никаких обмороков, – с ленивой ехидцей протянул он. – Все интереснее и интереснее. И силы для тяжелой работы откуда-то нашлись. Или вы ждали не меня, а это, – он указал взглядом на ведро, – такая прелюдия? Ракурс был аппетитным, ничего не скажешь.

– Еще одно слово в том же духе, и я надену это ведро вам на голову, – процедила я, отчаянно борясь с желанием немедленно осуществить угрозу.

– Что ж, попытайтесь. Это будет даже забавно.

Он вдруг притянул меня к себе, я пошатнулась, уперлась в его грудь, чтобы не упасть. Ксандер приподнял мой подбородок, лицо его оказалось так близко, что дыхание коснулось теплом кожи. Я вдохнула аромат сандала с терпкими нотками мускуса и кожи. Именно этот запах наконец заставил меня поверить, не умом – понять-то я давно все поняла, – а поверить, почувствовать, что передо мной совсем незнакомый человек. Сашка не пользовался парфюмом.

Я замерла, растерянно глядя ему в глаза. Он провел подушечкой большого пальца по моей скуле, по коже пробежали мурашки. Я неровно вздохнула.

– Кто оставил вам это? – В его голосе промелькнули хриплые нотки. В следующий миг глаза сузились от злости, лицо стало жестким. – Чью постель вы предпочли честному супружескому ложу?

Этот вопрос привел меня в чувство.

– Да пошел ты! – Я изо всех сил толкнула его. Кажется, слишком сильно, потому что Ксандер пошатнулся.

Я отскочила, подхватила ведро – злость придала столько сил, что я даже не заметила его тяжести, – и выплеснула мужу в лицо.

Его словно бы окутала мутная сфера, а потом вода стекла на пол, забрызгав мои ноги. Ругнувшись, я снова отпрыгнула. Ксандер издевательски расхохотался.

– А я-то надеялся, что вы томно лишитесь чувств в моих объятьях! Решили сменить тактику, поняв, что предыдущая провалилась?

– Дались вам эти обмороки!

Я вздохнула. Медленно выдохнула. Надо успокоиться. Я же всегда умела держать себя в руках, а тут сорвалась, будто базарная баба, стыд-то какой!

– Мне? Это же вы свалились якобы без сознания пять раз за неполные сутки!

Интересно... Неужели у моей предшественницы вегетатика¹ никуда не годилась? Я-то никогда в обморок не падала, максимум голова закружилась, когда в первый раз оказалась в операционной. Вышла, отдышалась у стеночки и обратно. И это новое тело я ощущала вполне здоровым, ничуть не слабее моего собственного. Даже, может, и сильнее – дома бы, переделав такую прорву работы, я давно свалилась бы без задних ног, а тут ощущала себя вполне бодрой. Или это злость придала сил?

– Причем из этих пяти только в храме обморок был настоящим!

Или Ксандер прав и Алисия в самом деле симулировала обмороки? Могло ли это быть чем-то вроде выученной реакции – прикинуться бесчувственной, чтобы отстали? Так некоторые животные, почуяв хищника, падают замертво. А то, может, кто и похлопочет над бедняжкой? Хотя вряд ли особо хлопотали в приюте-то...

И каково было девочке, привыкшей к достатку, если не к роскоши, оказаться в сиротском приюте? Из которого ее забрали не домой, а снова к чужим людям?

Нет, даже если она и была симулянткой, не могу я ее осуждать. А уж Ксандеру и вовсе стоит придержать язык. Целитель, тоже мне. Последний-то обморок точно был настоящим, не появись я, овдовел бы, как и хотел. Зачем только женился?

Впрочем, этот вопрос подождет. Сейчас меня куда сильнее волновал другой – кстати, и будет повод перевести разговор с моих – не моих обмороков – не обмороков.

– Как вы сюда попали?!

– Я спросил первым. С кем вы провели эту ночь?

Вот же придурок ревнивый!

– А вам не все равно?! Вам же на меня наплевать!

Лицо его стало каменно-спокойным. Лужа воды между нами вдруг вскипела, зашипев, пошла паром. Я вскрикнула от неожиданности.

– Я. Задал. Вопрос.

Контраст между ледяным лицом и паром, все еще поднимавшимся от воды, напугал меня. Но следом за страхом пришла злость – Ксандер и без магии на голову выше и раза в полтора тяжелее меня, захочет – костей не оставит, так к чему эта демонстрация превосходства?

– С мышами в стогу сена! Довольны?!

– Нет.

– Другого ответа у меня нет. Как вы сюда попали?

Он усмехнулся той пренебрежительной усмешкой, к которой я уже успела привыкнуть. То ли в самом деле успокоился, поверив, что жена не успела наставить ему рога, то ли взял себя в руки.

– Даже не знаю, чего в вашем вопросе больше – глупости или наглости. Естественно, фамильный особняк Монро – первое место, где я стал вас искать. Не в приют же вам было возвращаться.

– Что-то вы не торопились с поисками, – в тон ему ответила я.

– Ваша правда. Надеялся, что у вас все-таки есть хоть капля ума и вернетесь сами. Зря надеялся.

– Есть, да не про вашу честь, – буркнула я и вспомнила еще кое-что. – Охранные заклинания зачарованы на кровь. Как вы прошли сквозь них?

Глава 7

– Я – ваш муж, – сказал Ксандер так, словно это все объясняло.

– Но не кровный родственник.

Айгор топтался на пороге и в дом шагнул с опаской даже после того, как я его пригласила. Причем перед тем пиликнул «дверной звонок». А этот ввалился... как к себе домой!

Ксандер покачал головой.

– Не портите впечатление о вашем уме окончательно. Брак заключен, все нужные обеты произнесены в храме, и господь принял их.

Где бы мне разузнать, что здесь за господь, до того, как ляпну богохульство?

– Так что теперь охранные заклинания пропускают меня как члена семьи и после консумации брака примут меня как кровного родственника.

Нет, ну кровного – он загнул, все-таки речь идет о другой биологической жидкости. Или дело в, гм, кровопролитии?

Ох, да какая мне разница! Если ритуал в храме меняет заклинания, созданные много лет назад, так, что они начинают считать совершенно чужого человека своим, о разводе можно и не мечтать. И значит... Значит, шиш тебе, муженек, а не первая брачная ночь! Еще не хватало отдать тебе мой дом.

Странно, но при этой мысли я ощутила нечто вроде сожаления. Интересно, каков он...

О чем я думаю вообще?! Лучше бы задумалась, можно ли как-то перенастроить охранные заклинания, чтобы этого конкретного типа магия не пропускала? Хотя что думать, сама я едва ли это сумею, а помочь некому. Айгора я больше в дом не пущу, разве что в сопровождении маменьки.

Что-то слишком много вокруг мужчин, которых стоило бы гнать с порога грязными тряпками. Не к добру это.

Кстати о тряпках... Хорошо, что завешенное тканью зеркало не одно, не придется долго искать замену той, что сжег Ксандер.

– Что ж, спасибо за объяснения. – Я подхватила с пола пустое ведро. – А теперь, когда мы обменялись заверениями в дружбе и сотрудничестве, позвольте мне вернуться к работе. Уборки непочатый край.

– Перестаньте дурить, Алисия. Поехали домой.

– Я дома.

– Ко мне, то есть теперь – к нам домой.

– Я дома, – повторила я. – И не вижу причины куда-то ехать. Меня все устраивает здесь.

– Прекратите испытывать мое терпение! – Он шагнул ближе, навис, и мне пришлось сделать усилие, чтобы не попятиться. – Вы – замужняя женщина и должны жить в доме мужа.

Да что я потеряла в том доме, в самом деле? Этого типа, который обзывает меня дурой и притворщицей? Здесь мне рады – пусть даже

это лишь мои фантазии, но дом в самом деле словно ожил с моим появлением. А там? В лучшем случае будут терпеть. Я же вижу, что в жены Алисию взяли вовсе не от большой любви.

– Обоснуйте, – сказала я.

– Прошу прощения?

– Вы говорите, что я должна жить в вашем доме. Почему?

Ксандер глубоко вздохнул, медленно – очень медленно – выдохнул. Размеренно произнес тоном, каким объясняют урок непроходимому двоечнику, когда терпение уже на исходе:

– Потому что вы – моя жена, пусть даже я уже успел сто раз об этом пожалеть.

– Ну так разведитесь, в чем проблема, – фыркнула я, на миг забыв про обеты, которые «принял господь».

– Это исключено.

– Почему? – Я изобразила самое наивное лицо, на какое только была способна. В конце концов, я ничего не знаю наверняка, все мои предположения – лишь предположения. Вдруг да выгорит? – Вы терпеть меня не можете, это очевидно, меня ваше общество тоже, уж простите, не слишком радуется. Зачем нам мотать друг другу нервы, если можно просто разойтись?

– Вам стоило подумать о том, насколько мое общество неприятно, до того, как принять мое предложение.

– Я тогда слишком мало вас знала.

– Неважно. – Он схватил меня за запястья, прошипел, притягивая к себе: – Вы могли отказаться, но не сделали этого.

Вообще-то не я, но, наверное, не стоит сейчас об этом говорить.

– Вы дали обеты, так держите... – Он осекся на полуслове, выпустил мою правую руку, приподняв левую. – Где браслет?

Я пожала плечами.

– Вы потеряли брачный браслет?!

На миг мне показалось, что меня сейчас ударят. Да что там – просто прихлопнут на месте. Шея сама собой вжалась в плечи, и очень захотелось зажмуриться.

Брачный браслет, значит. А я-то собиралась его продать. Немудрено, что Ксандер так взбеленился. На второй день семейной жизни узнать, что жена, пусть и нелюбимая, потеряла обручальное кольцо, – кто угодно взбесится.

– Не потеряла, – пискнула я.

– Тогда где он?! – Его пальцы сжались на моей руке.

– Отпустите меня!

Мне пришлось собрать всю свою смелость, чтобы попытаться выдернуть руку. И этот человек хочет, чтобы я жила в его доме? Самоубийца я, что ли? Да я в своем-то буду ночевать с топором под подушкой!

Ксандер не отпустил – оттолкнул мою руку. Холодно повторил:

– Где браслет?

– Где-то наверху. Я сняла его, начав уборку, чтобы не мешался.

Он заметно расслабился.

– Сходите за ним, наденьте, и поехали. Мне надоела эта перепалка.

В груди свернулся ледяной ком. Он сильнее, и в доме никого нет, кроме нас двоих, но по крайней мере это мой дом. Если я соглашусь сейчас поехать с Ксандером, то окажусь в его власти полностью. Он не дурак и второй раз сбежать не позволит.

– Я не надену его, пока не закончу убираться. – Если вообще надену. – И никуда не поеду.

– Опять вы за свое!

– Вы так и не смогли аргументировать, зачем бы мне бросать свой дом ради вашего.

На его лице заиграли желваки.

– Потому что вы – моя жена. Сколько раз повторять, чтобы эта простая истина наконец дошла до вашего умишка?

– Это не аргумент, а ваше личное мнение. Вы говорите, что жена должна жить в доме мужа, но ничем не подтверждаете это. При том что бремя доказательств лежит на постулирующем. – Ксандер изумленно моргнул, а я продолжала: – Отсылка к авторитетам тоже не принимается. Мне нужны... – Тьфу ты, чуть не брякнула «рецензируемые источники». – Есть ли какие-то законы, обязывающие супругов проживать вместе?

Ксандер открыл рот. Закрыл. Покачал головой

– Вот как вы заговорили... – протянул он. – А я-то, дурак, поверил наивному личику и перепуганным глазкам.

Мое терпение лопнуло.

– Вы решили, что достаточно напугать жену как следует, чтобы она стала тихой и не мешала? – Я шагнула к нему, выпрямляясь. – И после этого будете обвинять меня в притворных обмороках, хотя сами и стали их причиной?

Ксандер сжал кулаки, и мне снова показалось, что меня сейчас ударят. Но он лишь холодно произнес:

– Не знаю, что вы себе надумали, но я не собирался вас пугать. Я намеревался быть вам заботливым мужем и надеялся, что вы ответите мне тем же.

Ага, верю. Это проявление заботы такое – «повоспитывать» до смерти. Я мысленно поежилась, изо всех сил стараясь держаться уверенно.

– Я благодарна вам за ваши намерения и сожалею, что не могу оценить их по достоинству. – Я хотела сказать это мягко, но против моей воли в голос просочился яд, и лицо Ксандера потемнело. – Если нет никакого закона, обязывающего супругов жить вместе, давайте просто признаем, что я оказалась никудышной женой, и перестанем мотать друг другу нервы. Раз уж разводы невозможны...

– Вам не надоело меня оскорблять? – Он вдруг одним рывком притянул меня к себе. Рыкнул в лицо: – Развод? Хотите выставить себя потаскухой, а меня – рогоносцем в первый же день после свадьбы? Или, еще того лучше, ославить меня импотентом? Я начинаю жалеть, что не довел...

Не договорив, он впился в мои губы. Яростно, напористо, жестко, ни капли нежности не было в этом поцелуе – лишь злость и желание обладать. Но почему-то эта ярость отозвалась во мне вожделением. Я попыталась отпихнуть Ксандера – ровно для того, чтобы обнаружить, что сама целую его – так же яростно и напористо, не желая ни сдаваться, ни отпускать. По нервам словно пробежал ток, собрался тяжестью и жаром внизу живота. Ароматы сандала и мускуса, смешанные с запахом разгоряченного тела, дурманили, кружили голову, заставляя подгибаться колени.

Он ухватил меня за волосы на затылке – властно, на грани боли, но все же не переходя ее, спустился по шее поцелуями – колючими, жесткими, больше походящими на укусы, и каждый заставлял меня вздрагивать, отзываясь сладко-напряженным спазмом между ног.

– Вот так, – выдохнул Ксандер, подхватывая меня под бедра.

Торжество, прозвучавшее в его голосе, подействовало на меня словно ведро ледяной воды на голову.

– Пусти! – Я рванулась – без толку. Заколотила кулаками по его груди – кажется, с таким же успехом я могла бы колотиться в стену. – Пусти! Я не хочу!

Он зарычал, притиснул меня к себе еще сильнее, так, что я ощутила его возбуждение, – и вдруг выпустил. Резко, почти отшвырнув. Застыл, тяжело дыша.

Едва удержавшись на ногах, я попятилась, пока не уперлась спиной в дверь. Уставилась на Ксандера снизу вверх, точно кролик на удава. Никогда в жизни я не ощущала себя настолько беззащитной.

Он с видимым усилием расслабил плечи. Натянул на лицо глумливую улыбку.

– У вас очень странная манера выражать нежелание близости.

Не в силах больше оставаться с ним в одном помещении, я рванула на себя дверь, метнувшись за нее. Захрустело под ногами разбитое стекло, но мне было все равно. Куда угодно, только подальше от мужа!

Я налетела на распахнутую дверцу шкафчика, вскрикнула. Дверь за спиной отворилась, я развернулась к ней, отчетливо сознавая – не убегу. Потому что не знаю, от кого убегая на самом деле – от него или от себя.

Усмешка сползла с лица Ксандера. Он оглядел комнату – медленно, внимательно, и во взгляде его промелькнула непонятная горечь. Разом перестав обращать на меня внимание, он наклонился, поднял с пола... кажется, это было кольцо. Широкое гладкое кольцо вроде наших обручальных, только медное. Покрутил его в пальцах.

– А я-то гадал, почему артефакт не сработал, – непонятно произнес он. Сжал кольцо в кулаке так сильно, что побелели костяшки.

– Что это? – не удержалась я от любопытства.

– Первый артефакт, который я зачаровал уже по-взрослому. – Он снова усмехнулся, как-то очень невесело. – Поддерживающий нормальное течение беременности.

Ксандер опустил артефакт в карман и безошибочно двинулся к углу, где был вход в скрытую комнату. Я замерла – неужели заклинание пропустит и его? Нет, переливчатая пелена оставалась на месте.

– Откройте, – попросил он.

Я заколебалась, растерявшись, – слишком уж непривычно было слышать в его голосе просьбу, а не приказ.

– Пожалуйста, – добавил Ксандер, этим окончательно меня добив.

Я молча коснулась рукой шкафа, тот отодвинулся.

Муж шагнул вслед за мной, остановился у книжных полок.

– У графа Монро была великолепная библиотека, – задумчиво произнес он.

Графа? Со слов Люции мне показалось, что титул у меня появился лишь после замужества.

– Я все гадал: уцелела ли она. Смешно, как будто книги могут заменить людей.

Казалось, он вовсе забыл о моем существовании, разговаривая сам с собой. А я вдруг обнаружила, что люблюсь им: уверенной посадкой головы, чеканным профилем. Губами, которые, оказывается, умели так целоваться...

Да что за дурь в голову лезет!

Я мотнула головой, отступила к стене и ойкнула, когда деревянная панель под моей лопаткой сдвинулась, точно живая. Обернулась – в стене появилось отверстие, совсем небольшое, с открытку. Внутри лежала старая фотография.

Нет, не совсем фотография: стеклянная пластинка с негативом. Я взяла ее в руки, качнула – и под другим углом негатив превратился в фотографию.

– Папа... – вырвалось у меня.

Мужчина на дагерротипе – кажется так назывались первые фотографии на стеклянной пластинке – был чуть старше меня-настоящей и одет по местной моде, но я его узнала.

– Здравствуй, лисенок, – сказал портрет, и я едва не выронила пластинку.

Глава 8

– Надеюсь... – Он замолчал, словно осекшись. – Все, что мне сейчас остается – это надежда. Что... один человек успел предупредить твою маму. Что она смогла уберечь тебя. Что это мое последнее послание тебе передадут. Прости, лисенок, я не смогу быть с тобой, пока ты растешь, как хотел бы. Скоро у тебя родится братик,

поцелуй его за меня, ладно? И позаботься, ты же старшая. Мальчишки такие бестолковые...

Братик?

Я обернулась на Ксандера – единственного человека, который сейчас мог бы мне что-то объяснить, и испугалась, не его – за него. Белый как мел, и взгляд такой, словно ожившего покойника увидел. Впрочем, он ведь и в самом деле увидел покойника. Портрет между тем продолжал говорить, и я снова посмотрела на него, ловя каждое слово, словно этот человек в самом деле был мне дорог.

– Жаль, я не увижу, какой ты выросла, – но ты добрая и умная девочка, так что я верю, что у тебя все будет хорошо.

Он улыбнулся, и у меня сжалось сердце от этой улыбки. Да, это не мой отец, и письмо было адресовано не мне. Но то, как он прощался с дочерью... это обреченное спокойствие, когда исход заранее известен и ничего уже не изменить, остается только смириться...

Что же там случилось?

– А еще я верю, что человек, из-за которого ты останешься сиротой, получит по заслугам. – Выражение и тон его изменились. Никогда я не видела своего отца таким... На месте «того человека» я бы бежала без оглядки. – Мое последнее проклятие – ему, и пусть он переживет то же самое, что по его милости достанется мне.

Он снова улыбнулся, уже торжествуя.

– Быть по сему. Прощай, лисенок. Я люблю тебя.

Он в последний раз улыбнулся, и из волшебного послания исчезла жизнь, превратив его в фотографию на стекле. Фотографию совсем молодого еще мужчины, который знал о своей судьбе и торопился проститься с дочерью. Интересно, жене он успел отправить подобное послание и сохранилось ли оно?

Я погладила стеклянную пластинку. Свет, упав под другим углом, превратил фотографию в негатив, но стоило чуть повернуть голову, и изображение вернулось. Я осторожно опустила ее на стол – не разбить бы. Выпрямилась, поворачиваясь к мужу.

Ксандер дернул щекой, развернулся и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Захрустело стекло под ногами. Хлопнула дверь. Потом еще одна.

Я осталась стоять, озадаченно глядя ему вслед. Что на него нашло?

Он явно бывал в этом доме раньше. В аптеке, в лаборатории. Значит, и родителей моих знал... что бы ни произошло десять лет назад, Ксандеру было лет восемнадцать – если он ровесник Александра, а не как я. И этот артефакт... для беременных.

«Братик»! Люция говорила, что у меня никого нет? Неужели у меня все же остался родственник? Где он? В приюте?

Не то чтобы я сразу прониклась любовью к этому гипотетическому брату, но нельзя, чтобы ребенок оставался сиротой при живых взрослых родственниках. Да, я пока сама еще не слишком понимаю, как буду жить, но, если у Алисии в самом деле кто-то есть, о мальчике нужно позаботиться. Ксандер бывал в доме, он должен знать...

Я метнулась на улицу, но все, что увидела, – удаляющийся экипаж.

Да что на него нашло? То примчался, чтобы забрать, то улетел так, будто за ним черти гнались, разом забыв про жену.

Впрочем, пусть катится, мне забот меньше. Но как мне найти брата? Может, Люция что-то знает?

Я разложила остатки еды из корзинки в тарелки. Перед тем как выйти, решила заглянуть в зеркало – мало ли, пыль на носу осталась или еще что.

Пыли на носу не было. Как не было и свежей царапины на скуле. Я ругнулась, схватившись за щеку, и вспомнила, как пальцы мужа скользили по этой царапине, как под ними словно пробило током.

Вот она, значит, какая, целительная магия. А я-то думала, между нами искры летят. При этой мысли лицо зарделось. Вела себя как... Ни разу я настолько голову не теряла от мужчины, даже от Сашки, а тут... Наваждение нашло, не иначе. Вполне объяснимое, если уж начистоту, у этого Ксандера тестостерон только что из ушей не лился и... Хватит! Тестостерон тестостероном, но я же не самка в течке, чтобы голову от кобеля терять. На ночь нужно запереть дверь на засов, а то мало ли что этому типу в голову взбредет.

Мне самой в голову мгновенно взбрело много чего. В весьма разнообразных позах. Да что ты будешь делать! Я выругалась, глянула в зеркало и выругалась снова – распухшие губы, а на шее розовеют следы от его поцелуев.

Пришлось потратить еще несколько минут, чтобы найти косынку и красиво задрапировать ее, прикрыв декольте. Оглядев себя в последний раз, я осталась довольной: шея выглядела вполне прилично, а губы... может, у меня на капусту аллергия. Огладила корсаж и обнаружила что юбки все еще завязаны узлом на бедре. Что за день сегодня, голова вообще не варит! Чуть не вышла так наружу!

Я расправила узлы, опять посмотрела в зеркало – теперь уж точно все в порядке – и через несколько минут стучалась в дверь соседнего дома.

Дверь открыла крепко сбитая женщина лет сорока.

– Что угодно? – спросила она таким тоном, будто хотела сказать «чо приперлась».

– Я хотела бы увидеть... – Я замялась. Как правильно здесь обращаться? – Госпожу Сапфира.

– Не принимают, – буркнула тетка и захлопнула дверь перед моим носом.

Интересно... Это лично я в немилости или она со всеми гостями так обходится и легенды о хорошо вышколенной прислуге – лишь легенды?

Впрочем, кто сказал, будто эта женщина – «хорошо вышколена»?

Я постучала снова.

– Сказано тебе, не принимают! – донеслось из-за двери.

Я подняла взгляд к открытым по теплomu время окнам и повысила голос:

– Доложи обо мне хозяйке, или очень скоро все соседи будут знать, что графиня Гилбрайт отказала от дома госпоже Сапфире из-за дурно воспитанной прислуги.

В окне показалась голова Люции.

– Алисия, милая, что случилось? – пропела она.

Я улыбнулась:

– Пришла вернуть корзинку.

Патоки в моем голосе было столько, что у нормального человека все слиплось бы, но хозяйка дома осталась невозмутима.

– Не стоило беспокойства, но передай корзинку Мэри.

Ах, вот как...

Я улыбнулась еще шире.

– Хорошо. Спасибо за заботу. Вернувшись к супругу, я обязательно расскажу ему, сколько участия вы ко мне проявили.

Я была наугад, конечно. Люция могла и соврать, что ей невыносимо было гостить в доме Ксандера. Но характерец моего муженька – чтоб его! – наверняка ей известен. Едва ли он от души поблагодарит тех, кто, вольно или нет, помог сбежать его жене. Точнее, наверняка поблагодарит. От всей души, доброй и щедрой, и память у него явно хорошая, долгая. К тому же у лучшего столичного целителя – если, конечно, Люция не преувеличивала – наверняка много влиятельных знакомых.

– Не стоит благодарности. – Улыбка Люции растянулась до ушей, но в голосе промелькнула едва заметная озабоченность. – Зайдешь, выпьешь чая?

Надеюсь, она не подмешает в чай мышьяк. Впрочем, беспокоиться об этом было поздно. Я шагнула в открывшуюся дверь.

Внутри все выглядело так, будто дом когда-то знал лучшие времена. Откровенной разрухи не было, и все же... пыльный бархат занавесей, паутина в углах под потолком, едва заметный запах прогорклого жира, долетевший из кухни, когда все та же служанка с кислой миной подала чай. Я сама не была идеальной хозяйкой, и беспорядок меня никогда не пугал, но бывает беспорядок деятельный, а бывает – унылый. Этот выглядел унылым. Словно поняв, что немногочисленная прислуга не справляется с домом, хозяева махнули рукой и предоставили времени разрушать жилище, сколько ему заблагорассудится.

Впрочем, чай был ароматным и вкусным, да и булочки с маком, которые к ним подала все та же служанка с кислой миной, оказались выше всяких похвал. Жаль только, к ним прилагался изучающий взгляд Люции – остановившийся сперва на моих губах, потом на шее.

Нет, я не буду краснеть. Не буду, я сказала! В конце концов, в поцелуях законного мужа нет ничего неприличного.

– Я помню эту косынку. Бедняжка Надин ее очень любила.

– Да, красивая вещь, – согласилась я.

– Ты, я вижу, не скучала в одиночестве?

Интересно, что на самом деле скрывается за этой попыткой подколоть? Только ли желание самоутвердиться за счет неопытной девочки? Или что-то большее?

– О, нет, – я изобразила самую глупую физиономию, на которую была способна, – за уборкой скучать не приходится.

– Уборка? Мне показалось, у тебя были гости.

– Конечно, Айгор заходил.

Вот оно! Ей очень не нравится, что сын мной увлекся. Интересно, в чем причина – только лишь в страхе потерять влияние или есть что-то еще? Разумеется, я ему не пара – но ведь и он не жениться собрался.

– ...принес еду, еще раз большое вам спасибо за нее. Но я не стала утомлять его долгими разговорами. – Я снова наивно улыбнулась. – Едва ли я могу всерьез заинтересовать образованного молодого человека. Да и работы было много. Вы не представляете, во что превратился дом за эти десять лет! Пыль, паутина!

Люция скривилась, проследив за моим взглядом. Паутина над гардинами переливалась радугой в лучах закатного солнца.

Это тебе за «не скучала». Но как бы вывести разговор на то, что меня интересует? Или спросить прямо?

– И еще я перебрала мамины наряды. – Я поправила край косынки, аккуратно, чтобы не открыть шею. – Кажется, я начала вспоминать. Все-таки в родном доме и стены помогают... – Я помолчала. Люция на провокацию не повелась, пришлось продолжить: – Только странно. Я вроде бы помню эту вещь на маме, но почему-то мама видится мне беременной.

Люция подскочила.

– Что за ужасные слова ты говоришь!

– Что ужасного в беременности? – теперь уже совершенно искренне удивилась я. – По-моему, это прекрасно...

– Это деликатное состояние действительно прекрасно. – Люция сейчас выглядела так, будто проглотила живую пиявку. – Поэтому такие грубые эпитеты...

Ах, вот оно в чем дело! Я невольно бросила взгляд на ножки кресел – неужели и здесь их драпируют, чтобы не наводили на неприличные мысли о дамских ножках? Нет, до такого маразма здесь не дошли, слава местному богу.

– Конечно, приют есть приют, и трудно ожидать хорошего воспитания. Но теперь ты вернулась в то общество, которое подобает тебе по праву рождения. Милая, тебе надо очень внимательно следить за своими словами.

– Хорошо, госпожа Сапфира.

Она снова сладко улыбнулась.

– Для тебя я всегда «тетя Люция».

– Хорошо, тетя Люция. Но все же я хотела бы знать, что случилось с малышом.

Она извлекла из рукава кружевной платочек, промокнула сухие глаза.

– Правду говорят, что господь ничего не делает зря. Сейчас я думаю: то, что ты потеряла память, на самом деле – благословение.

Интересная трактовка психогенной амнезии², конечно, вот только у меня – не она. И...

– Не думаю, что не помнить, кто ты есть, может быть благословением.

Люция покачала головой.

– Тогда ты была слишком юна, чтобы запомнить. Сейчас – чтобы понять. Раз уж теперь вы навеки связаны с Ксандером... Лучше тебе не знать всего и спокойно вернуться к мужу.

Глава 9

Он-то тут при чем?

– Вы хотите сказать, он... Моя мама и мой муж?..

На самом деле я сама в это не верила. Конечно, юноша может закрутить с женщиной лет на десять старше него, или сколько там было матери Алисии. Способен и зачать внебрачного ребенка. Возможно, что и муж этой женщины окажется достаточно благороден, чтобы назвать ребенка своим, не ославив жену на весь свет. Но в таком случае он постарался бы, чтобы эта история не стала всеобщим достоянием. И вряд ли отзывался бы о будущем малыше с таким теплом.

– Что ты, конечно, нет! – ужаснулась Люция. – Твои родители были верными и любящими супругами. Как тебе такое в голову могло прийти!

– Тогда при чем здесь...

– Господь мудр, и я не буду оспаривать его мудрость. Незачем тебе знать.

Один вылетает из дома с перекошенным лицом, вторая твердит, что мне лучше не знать. Да что же там случилось?

– Но если у меня есть брат... или сестра, – добавила я, чтобы не показаться слишком уж осведомленной, – я должна позаботиться о ребенке.

– Ты о себе-то не можешь позаботиться, милая. – Она в который раз приложила к лицу платочек, и мне захотелось вырвать у нее из рук этот кусок кружевного полотна и затолкать ей... пусть будет в глотку. Хотя вряд ли подобные методы сделают кого-то разговорчивей.

– Может быть. Но я знаю, что семья – на то и семья, чтобы не бросать друг друга.

– Алисия, твоя семья сейчас – твой муж, и больше у тебя никого нет.

– Но тот ребенок... – Я уже поняла, что услышу.

– Он не родился. Графа Монро, твоего отца, лишили титула и казнили как государственного изменника. Твоя мама... Впрочем, ты теперь уже замужняя женщина, и я могу говорить без обиняков. Она с самого начала носила не слишком хорошо. После такого потрясения она потеряла малыша и умерла. Поговаривали, если бы не помощь придворного целителя, трагедия могла произойти намного раньше.

Умереть от кровотечения после выкидыша в магическом мире? В мире, где ссадину заживляют одним прикосновением?

– Неужели целители не смогли помочь? Если до того...

– Надин не подпустила к себе целителя. И я ее понимаю.

Да что за бред такой? У нее дочь оставалась! Там, где средний мужчина сдастся, женщина – мать – будет бороться до конца ради ребенка.

– Это очень печальная история, и хорошо, что ты ее не помнишь, – заключила Люция, многострадальный платочек снова взлетел к сухим глазам. – Господь милостив и в милости своей все управил к лучшему и для Надин, и для тебя.

– К лучшему? – Мне показалось, что я ослышалась.

– Конечно. Ты знаешь, что такое поднимать детей без мужа? Тем более оставшись вдовой государственного преступника?

Я промолчала. Что тут скажешь.

– А я знаю. Моего Ивара казнили по обвинению в том же заговоре. И, поверь, я хлебнула лиха, несмотря на то что удалось сохранить дворянство и большую часть состояния. Как бы справлялась Надин? Она всегда была такой нежной, такой хрупкой... И у нее

никогда не хватало жизненной мудрости, хитрости. Как и у тебя – прости дорогая, но ты так похожа на мать...

Зато у тебя и жизненной мудрости, и хитрости, кажется, на двоих хватает.

– С двумя детьми, один из которых младенец, лишившись титула и всего имущества – что бы она делала? Я бы не смогла ей помочь, ведь сама была в том же положении.

Не в том же. Люция сказала, что удержала и дворянство, и имущество. Интересно, каким образом? Впрочем, это не мое дело. Я на ее месте не была, так что не мне судить, какими бы методами она ни пользовалась.

– Нет, как бы я ни любила подругу, для нее все обернулось к лучшему.

В голосе Люции прозвучала истовая убежденность верующего, и я поняла, что спорить бесполезно. Хотя ее слова заставили задуматься еще кое о чем.

– Лишившись имущества, вы сказали? Значит, мой дом на самом деле не мой?

Неужели его могут отобрать? Что я буду делать, оставшись без крыши над головой?

– Нет, его вернули тебе. Особым королевским указом, когда выяснилось, что обвинения были ложными.

Как же странно выворачивается история. В прежнем мире расстреляли моего прадеда – того угораздило оказаться сослуживцем одного из фигурантов «дела врачей». А здесь вот – отца...

– Я слышала, что Питер так и не признался ни в чем. А мой Ивар оговорил себя, – зло добавила Люция.

В следующий миг она, кажется, пожалела о своей откровенности, потому что добавила:

– Уже поздно, пора наслаждаться сном красоты. Иди домой, милая.

Какой сон, еще солнце не село! Впрочем, кажется, мне в любом случае сегодня будет не до сна.

– Да, конечно, – не стала спорить я. – Спасибо, что рассказали, тетя Люция.

– Не благодари, – покачала головой она. – Неведение – благо. Завтра я пошлю записку Ксандеру, наверняка он уже ищет тебя.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но она меня перебила:

– Долг жены – быть рядом с мужем и заботиться о нем. Если ты будешь мудрой и понимающей, рано или поздно господь смягчит его сердце.

Да-да. А до того рак на горе свистнет и красный снег пойдет. Впрочем, кто его знает, что тут за снег...

– Прости, милая, за прямоту, но у тебя просто не хватит ума прожить одной. Взять хоть этот твой побег – разве можно придумать что-то глупее?

Как сказать...

– До свидания, тетя Люция. И спасибо за науку.

Вернувшись домой, я как следует вытряхнула, выполоскала и вывесила на задний двор проветриться несколько платьев и пару халатов – если я правильно определила эти роскошные по нашим меркам, с пышными юбками и отделанные оборками предметы одежды. Вынула из комода несколько сорочек, кружевные панталоны и чулки. В отличие от одежды, белье выглядело ненадеванным и пахло свежестью – магия, не иначе. Но я все же вывесила и его – мне так было спокойней.

Вместо того чтобы залезть в ванну, снова заглянула в разгромленную аптеку: меня тянуло туда словно магнитом. Что же все-таки произошло десять лет назад? И почему Ксандер...

«Нечистая совесть! – осенило вдруг меня. – Неужели это он был тем человеком, которого перед арестом проклял мой отец? Нет, вряд ли. Не стал бы он тогда на мне жениться».

Но раз пробравшись в голову, дурацкая мысль не отставала. В самом деле, все укладывалось в эту теорию. И его поспешное бегство, и нежелание Люции рассказывать подробности. Слишком молод был? Ну так по молодости и дурости можно много чего наворотить. Может, потому на мне и женился, чтобы грехи замаливать. Вот только плоховато получается.

Что ж, еще одна причина держаться от него подальше. Вернувшись в прихожую, я задвинула засов на двери. Вот так. Заклинания, может, и пропустят, а дверь – нет. Снова глянула в сторону левого крыла дома.

Нет. Здесь до утра возиться придется. А мне еще надо перешить, отполоскать и развесить хоть один корсаж, чтобы была одежда на

завтра. С юбками проще – они все с разрезами по бокам и на завязках, легко сядут на любую талию.

И все же я заколебалась. Сейчас, когда весь дом сверкал, оставлять нетронутым разгромленное помещение казалось неправильным. Когда еще я смогу им заняться? Завтра с утра надо будет попытаться добыть денег, а потом – еды. Найти рынок или лавку, на это понадобится время. Еще придется разобраться со множеством вещей по хозяйству. Взять хоть ту здоровенную печку на кухне. Наготовить на ней можно на полк, но сколько же дров ест этакий монстр и где их взять? В доме я дров не нашла. Свечи опять же. Спички... если в этом мире уже изобрели спички. Что еще? С ходу и не сообразишь. Надо будет составить список, вот только ручки у меня тоже нет. Наверняка перья – хорошо бы металлические, а не гусиные – есть в лаборатории, просто я их пока не нашла. Но чернила за десять лет скорее всего высохли или испортились. Интересно, изобрели ли карандаши, и если да, пользовался ли ими хозяин дома...

Голова кругом идет от всего этого, честное слово!

Если выделить полдня, чтобы разобрать этот разгром, не получится, буду есть слона по кусочкам. Я принесла к дверям метелку, совок и мешок – складывать мусор. Подмету, заодно и разберусь, что можно починить, а что испорчено безвозвратно. Но сперва нужно перешить и постирать одежду, чтобы успела просохнуть.

В вещах хозяйки дома нашлась корзинка с рукоделием, и, пока не стемнело, я почти переделала один корсаж.

На самом деле работы было немного. Отпороть обтачку у застежки на спинке, подпоров немного обтачку горловины и подгиб понизу. Сшить половинки, заодно убрав лишнюю ширину. Подшить горловину и низ. Излишки ткани на перед собрать в рельефы, не забывая, что часть ширины уйдет в новую застежку. Разрезать перед на две полочки, пришить отпоротую со спинки обтачку – по длине ее пришлось надставить подходящими по цвету лоскутками, – не забыв планку, чтобы не светить нижним бельем, если при движении края застежки чуть разойдутся. Может быть, эта предосторожность была излишней, крючки шли довольно часто, но я решила не рисковать.

Дома, с машинкой, я управилась бы за час, большая часть которого ушла бы на примерку и сметывание. Здесь я провозилась весь

остаток вечера и все равно не успела до сумерек, отложив работу, лишь когда в полумраке заболели глаза вглядываться в мелкое рукоделие.

Решив, что сами крючки я пришью утром, я выполоскала и отправила сушиться и этот корсаж и заторопилась вниз прибраться хоть чуть-чуть, пока не стемнело окончательно.

Через некоторое время стало ясно, что все не так уж плохо. Вырванные дверцы я смогу повесить сама, нужно будет лишь переставить петли, а для этого прикупить завтра отвертку и шурупы... интересно, здесь есть хозяйственные магазины? Посуду, конечно, из осколков не собрать, но какая-то часть осталась невредимой, и для начала мне этого хватит, а там видно будет.

Это «там видно будет» невероятно раздражало. Я чувствовала себя новорожденным младенцем – да в этом мире я и была новорожденным младенцем, не знающим элементарных правил. Может, Люция права, и я в самом деле неспособна о себе позаботиться? Я прогнала упадническую мысль: в конце концов, и в наш мир человек приходит, не зная ничего. Справилась же. И тут справлюсь. Просто от усталости расклеилась.

В самом деле, после ванны и ужина стало легче. Прорвусь. Завтра будет новый день, а пока что стоит последовать совету соседки насчет «сна красоты». Я перестелила кровать, совсем неширокую по нашим меркам. На комод с постельным бельем, похоже, было то же заклинание, что и на белье нижнем: ткань не пожелтела и не задохнулась за прошедшие годы.

Спустя какое-то время я обнаружила, что не могу заснуть, несмотря на усталость. То ли нервы никак не могли успокоиться после всего, то ли из-за нового места – нет, «приснись жених невесте» я точно здесь загадывать не буду! То ли потому, что пуховая перина все же не ортопедический матрас. Никогда я не была сторонницей возврата в «старые добрые времена», как, наверное, и любой человек, знающий историю медицины.

Что ж, без толку грустить о том, что я уже не смогу изменить. Повертевшись с боку на бок, я спустилась на первый этаж. В лунном свете, льющемся из окна, и мягком мерцании зачарованного шкафа прошла через аптеку в лабораторию-кабинет: там, я помнила, было светло и без свечей. Подберу себе что-нибудь почитать на ночь. Что-нибудь поскучнее, чтобы от формулировок в сон клонило.

Оказалось, рассеянный свет лился с потолка. Не слишком яркий, и все же его хватало, чтобы читать. Я начала изучать корешки, взгляд выделил тоненькую в сравнении с соседними книжку. «Магия, упражнения для самых маленьких. Пособие для родителей и воспитателей», – гласило название.

Глава 10

Не удержавшись от любопытства, я сняла ее с полки. Пролистала вводную часть, где занудно и многословно рассказывали, как важно с самого раннего детства сформировать у ребенка правильные представления... и так далее и тому подобное. Все то же самое можно было уложить в пару строк, но, видимо, в этом мире, как и в нашем, краткость тоже была тещей гонорара. Вот наконец что-то конкретное.

«Светлячок очень радует детей, – гласило описание первого упражнения. – И придает уверенность в своих силах даже самым маленьким».

Я криво улыбнулась. Уверенность в своих силах. Подняла ладонь, как было написано, – словно держа в ней невидимый шар. Пальцы дрожали. Казалось бы, прожила я всю жизнь без магии и дальше проживу. И вообще, я в самом деле поверила, что она у меня есть? Взрослые девочки не верят в сказки. Возомнила себя великой волшебницей!

Сосредоточиться на тепле в солнечном сплетении. Представить, как это тепло обращается в свет. Направить его в ладонь.

Сквозь закрытые веки пробилось сияние. Я открыла глаза и замороженно уставилась на шарик света над своей ладонью. Получилось! У меня получилось! Чудеса в самом деле бывают!

Какой уж тут сон! Не знаю, сколько времени я провела над этой книгой, напрочь забыв про расправленную постель. Пробовала упражнение за упражнением, и получалось так легко, словно на самом деле я давно все это умела. Впрочем, в каком-то смысле «я» действительно все это умела – сформированные нейронные связи никуда не делись, пусть даже я не осознавала свои знания.

Я остановилась, лишь когда не получилось сделать очередное упражнение. В солнечном сплетении – там, где должно было сосредоточиваться тепло, – словно образовалась черная дыра, в

которую проваливалось и тепло, и силы. Я попыталась еще раз – и пришлось вцепиться в столешницу, так закружилась голова.

По лестнице я взбиралась, точно старуха, тяжело опираясь на перила и переводя дыхание после каждой ступеньки. Да уж, заставь дурака богу молиться... И все равно, несмотря на невыносимую усталость, хотелось петь и плясать. До сих пор я не понимала, насколько боялась оказаться неполноценной по местным меркам. В магическом мире не уметь управляться с магией – все равно что в нашем не знать, как пользоваться розеткой, компьютером и телефоном. А теперь... теперь я точно справлюсь и с домом, и с аптекой.

Вот только до кровати бы доползти...

По счастью, и это получилось. Я провалилась в сон, едва донеся голову до подушки, – и никакой бессонницы.

Утро, правда, пришлось начать не с магии, а с пришивания крючков к платью. Одевшись, я еще раз осмотрела лабораторию, обнаружив в ящике стола бумагу и что-то, похожее на компьютерный стилус: к ручке был припаян кусочек серебряной проволоки. Не знаю, для чего он предназначался на самом деле, но мне прекрасно заменил карандаш.

Вооружившись письменными принадлежностями, я снова обошла дом, тщательно обследуя все ящики и сундуки. Получившаяся опись меня порадовала. Нашлись и отвертка с шурупами, и гвозди с молотком, и садовые инструменты – покупать придется куда меньше, чем мне казалось вчера. Спички тоже не понадобятся, среди упражнений для детей нашелся и способ создать огонь, сопровождавшийся пространной инструкцией по пожарной безопасности. Осталось только добыть дрова или уголь. Даже странно, что их не нашлось в доме: может, у слуг и оставалось время вынести что-то ценное до того, как закрылись охранные заклинания, но едва ли кто-то бы стал воровать растопку. Не дороже же она золота, а украшения остались нетронутыми.

Я как раз заканчивала «обход», когда прозвучал «звонок». За дверью оказались соседи.

– Я собираюсь на рынок, прикупить что-нибудь для тебя? – спросила Люция.

– Можно мне с вами! – обрадовалась я. Конечно, я взрослая разумная женщина и все такое, но все-таки в компании знающих

людей мне будет спокойнее. – Если, конечно, я вам не помешаю.

Соседка оглядела меня, как мне показалось, с сомнением.

– Хорошо, мы подождем, пока ты переоденешься и возьмешь деньги.

– У меня нет денег, но есть немного украшений, которые я хочу заложить. Вы ведь можете мне найти ростовщика?

Люция снова помялась.

– Алисия, можно поговорить с тобой наедине?

– Конечно, заходите. – Что бы ни было на уме у соседки, я не узнаю этого, если не дам ей высказаться. Лучше знать, чем не знать. К тому же я могу сколько угодно сомневаться в ее намерениях, но у меня нет другого источника информации об этом мире. – И вы, Айгор, тоже заходите. Правда, у меня нечем вас угостить, но...

– Ничего страшного, – перебил он. – Мы не поесть пришли.

Я провела их в гостиную – по крайней мере, так я определила комнату с роялем.

– Не ожидала, что вы такая хозяйственная, дом просто преобразился, – заметила Люция. – Вашему мужу повезло.

Она бросила быстрый взгляд на сына, которого прямо-таки перекосило при этих словах. Меня, кажется, тоже перекосило, правда, по другой причине. Мужу, возможно, и повезло, а мне – не очень. Нет, конечно, незачем бога гневить, как говорила моя бабушка: окажись я в теле крестьянки, все было бы куда хуже. И все же быть до конца жизни привязанной к человеку, который мне, мягко скажем, не нравится, – так себе удовольствие. Да, Ксандер похож на Сашку, очень похож, и все же – не он. Намного жестче, опасней и... притягательней. И потому мне стоит держаться от него подальше, чтобы не уподобиться мотыльку, что сгорает в пламени свечи, потянувшись к свету.

– Не думаю, что так уж повезло, – чуть резче, чем следовало бы, сказала я. – Ни приданого, ни положения в обществе, ни манер. Не понимаю, зачем я вообще ему понадобилась.

Глаза Люции округлились, а Айгор пропел:

– Не наговаривайте на себя. Ваша красота и кроткий нрав – достоинства, рядом с которыми меркнут все остальные. К тому же ваше происхождение не хуже, чем у мужа.

Кроткий нрав? У меня? Я пожала плечами.

– Красота проходит, нрав портится, когда медовый месяц сменяется буднями, и что остается?

Айгор не нашелся с ответом, и я хмыкнула про себя. Сама-то я ответ знала – то, что видела в семье моих родителей. Не знаю, сохранилась ли между ними страсть, что, наверное, была когда-то, или давно перегорела, но остались взаимное уважение, поддержка и любовь.

– Странные рассуждения для юной девушки, – задумчиво протянула Люция. – Обычно в вашем возрасте мечтают о неземной любви, а не о спокойном тепле семейного очага.

Я снова пожала плечами.

– Возможно. Мне незнакома страсть. – Знакома, еще как знакома, но я вовсе не намереваюсь исповедоваться. – Зато приют научил ценить уверенность в завтрашнем дне. Но все это абстрактное мудрствование. Давайте сменим тему: на самом деле я хотела попросить... В приюте меня не научили разбираться в настоящей стоимости вещей. Не можете мне выбрать из украшений что-то не слишком дорогое, но не совсем никчемное? Что-то, что можно обратить в деньги, которых хватит на первое время?

– Конечно, я помогу, пойдем, – проворковала Люция.

Подхватила меня за плечо, заставляя подняться с кресла, и выволокла из комнаты.

– Что ты несешь? – зашипела она. – Что творишь? Если понимаешь, что, женившись на сироте-бесприданнице, Ксандер тебя благодетельствовал, зачем позоришь себя и его?

Облагодетельствовал, значит... Может, и правда благодетельствовал. Едва ли тут занимаются социальной адаптацией детдомовцев: выросла, выставили из приюта, и дальше барахтайся как знаешь. Наверное, потому Алисия и согласилась стать женой человека, который ее явно пугал, ничем другим те обмороки, хоть и притворные, я объяснить не могла. В самом деле, какая разница: что в приюте защитит некому, что после выпуска, что замужем, но замужем хоть не надо думать, как выжить, – муж прокормит. А что он пугает до полусмерти – так на панели хуже, тут хоть одному продаваться.

– Ты понимаешь, что, сбегав, дала пищу для сплетен о вас обоих? Да, Ксандер придумал отговорку, но кто в нее поверил? У меня в доме

лежит уже полдюжины визитных карточек – и все эти дамы жаждут услышать подробности!

– Ну так поделитесь ими! – не удержалась я.

– Я понимаю, что значит репутация в свете, и ради твоей бедной матери постараюсь спасти твою. А ты – просто неблагодарная девчонка!

Может, и так, я-то о благодеянии не просила. Но если с Алисией все, в принципе, понятно, то зачем этот брак нужен был Ксандеру? Или в самом деле, как я решила вчера, грехи замаливает?

– Или, думаешь, я позволю Айгору связаться с тобой? – не унималась Люция.

Впрочем, не все ли равно, почему Ксандер решил жениться на Алисии? Какие бы у мужа мотивы ни были, я не могу повлиять ни на них, ни на его поведение. А потому нужно думать о том, что делать мне. Для начала – успокоить соседку. В своем мире я хотела бы оставаться с Игорем друзьями, но его угораздило влюбиться. В этом Айгор был мне не нужен, как, впрочем, и любой другой мужчина. Я отогнала воспоминание о поцелуе. Никто не нужен, я сказала!

– Тетя Люция, я замечаю внимание Айгора, и оно меня пугает. Даже если бы я не была замужем, я все равно оставалась бы неподходящей парой для него. Это я прекрасно понимаю, но все, что в моих силах, – не поощрять его. Вы же сами женщина и понимаете, что если мужчине что-то втемяшилось в голову...

– Ну так вернись к мужу! И у Айгора не будет соблазна!

Наврать, что ли, будто муж меня выставил? Нет, каков бы он ни был, возводить на человека напраслину не стоит. И без того вон сплетни пошли... А нечего было жену «воспитывать»!

– Здесь мой дом, вы же понимаете! Память о родителях. В конце концов... – Что бы такое придумать? Ничего в голову не шло, и я просто потупилась с растерянным видом.

Она помолчала.

– Я написала Ксандеру еще вчера, и он наверняка получил письмо. Возможно, ты и права. Стоит дать ему успокоиться, не соваться под горячую руку.

Так, похоже, я все-таки оклеветала мужа, сама того не намереваясь. Но объясняться не было ни сил, ни желания.

– Не думаю, что он будет злиться долго. Твой муж страшен в гневе, но отходчив. Дай ему пару дней.

Я кивнула: врать не хотелось, говорить правду не стоило.

– Я могу одолжить тебе немного денег, чтобы протянуть эти дни, вернешь, когда помиритесь с мужем, – сказала Люция.

Когда рак на горе свистнет! Не собираюсь я с ним мириться! А потому и в долг брать не стану. Берешь чужие и ненадолго, отдаешь свои и навсегда – эта народная мудрость ни разу еще меня не подводила.

– Спасибо, это так мило с вашей стороны, но я не хочу вас обременять. – Показалось мне или Люция облегченно вздохнула? – Я заложу что-нибудь. В доме остались украшения...

– Продать память о родителях?

– Это же не навсегда! Муж поможет мне выкупить, я уверена!

Сама выкуплю, если решу, что стоит это сделать. Но соседке об этом знать необязательно. Пусть думает, что я собираюсь вернуться к мужу.

– Хорошо, – сдалась она. – Давай посмотрим.

Глава 11

– Пойдемте, – пригласила я ее, шагнув на лестницу.

Из гостиной донеслась музыка.

– Надеюсь, вы простите бесцеремонность Айгора, – сказала Люция. – Ему надо чем-то себя занять, пока мы шушукаемся о своем, женском.

– Конечно.

Я была невеликим знатоком, но, на мой вкус, играл он хорошо. Мелодия зачаровывала, звала за собой...

– Наверное, было трудно дать сыну хорошее образование? – спросила я, отгоняя наваждение. – Учитывая все обстоятельства.

– Да, пришлось во многом себе отказывать. Но, в конце концов, разве не долг любой матери – пожертвовать собой ради блага ребенка?

Я не ответила, просто не знала, что ответить. Что я, никогда не имевшая детей, могла знать о материнстве? Впрочем, соседка и не ждала ответа. Задумчиво оглядела комнату, куда я ее привела.

– Надо же, столько лет прошло, а ничего не изменилось...

Да что тут могло измениться, в запертом магией доме?

– Значит, вы понимаете, почему я хочу жить здесь, где все родное. Странно, но мне в самом деле все здесь казалось родным. Вздумай я сама обустроить дом – лучше бы не получилось.

– Конечно, понимаю, – вздохнула соседка. – И все же такова наша доля. Посмотри на это с другой стороны: у Ксандера, как и у тебя, не осталось родных. Так что ты сможешь вести ваш общий дом по своему вкусу, а не приспособливаться к уже заведенным порядкам.

Вот как? Значит, от вечного пугала всех молодых жен – свекрови – я избавлена? Но не слишком ли молод Ксандер, чтобы остаться без родственников? Его родителям должно было быть около пятидесяти, ну пусть шестьдесят, даже для мира без магии – не возраст. Хотя бывают и несчастные случаи, конечно. Вроде того, что произошел со мной.

– А учитывая, как много дел у мужа, и его будешь видеть только по вечерам, да в супружеской спальне.

– Как получилось, что он остался без родителей? – торопливо спросила я, отгоняя мысли о спальне.

– Как, ты не... Ах, да... – Люция понизила голос. – Эта история наделала немало шума в свое время. Графиня Гилбрайт сбежала с любовником, оставив ребенка отцу.

Что? Это до чего же нужно было довести женщину, чтобы она бросила сына, лишь бы ноги унести?

– А она точно сбежала, а не лежит где-нибудь в безымянной могиле посреди леса? – вырвалось у меня.

– Как ты могла подумать?! – в очередной раз шокировалась соседка. До чего же легко ее шокировать, оказывается. – Ты же такая юная, а судишь будто испорченная дама средних лет.

А я и есть испорченная дама, немного не дожившая до средних лет. А еще Александр регулярно рассказывал об очередной женщине, попавшей к ним в реанимацию из-за мужа или сожителя. Какая горькая ирония, что он сам оказался таким сожителем. Вот и отец Ксандера вполне мог попытаться скрыть несчастный случай – и успешно, судя по всему.

– Свет гудел несколько лет. Он писал ей, что готов дать развод, но она отказалась, хотя, – Люция понизила голос, и в нем появились те интонации, с которыми говорят о чем-то пикантном, – факт прелюбодеяния был налицо...

«Хотите выставить себя потаскухой, а меня – рогоносцем?» – вспомнилось мне. Так вот почему муж так взбеленился, когда я заговорила о разводе! Как у нас в старые времена – только если доказана измена или муж до свадьбы скрывал, что неспособен к супружеской жизни.

Да уж, вот было бы весело! Особенно учитывая, что он вполне себе способен... Тьфу ты, все мысли в одну сторону! И я ему не изменяла, да и не собираюсь – есть дела поважнее и поинтересней, чем поиск приключений на... шею.

Ну и воспоминания, связанные со всем этим, у Ксандера наверняка не из приятных – но тут уж я ему ни в жилетки, ни в психотерапевты не нанималась.

– Графиня с любовником уехали за границу. Какое-то время слухи о них еще доходили сюда, а после след затерялся. Но поскольку развода не случилось, а расследовать, жива ли она, граф Гилбрайт не стал, он так и не женился. – Она покачала головой. – Зря. Может, нашлась бы та, что отогрела его сердце.

Интересно, у Ксандера характерец в отца или он такой сам в себя? Или расставание родителей внесло свою лепту? Впрочем, это не мое дело, тем более что он давно не мальчик, а взрослый мужчина. И если взрослый мужчина не умеет держать себя в руках – пусть срывается на ком-то другом.

Хотя, если не врать себе, у него действительно есть причина на меня злиться. Если Люция говорит правду и мое отсутствие утром вызвало сплетни, выходит, я здорово подставила и его, и себя. Действовала бы я по-другому, если бы сразу поняла, что случилось? Трудно сказать сейчас, да и все равно время назад не отмотать.

– С другой стороны, как бы бедняжка уживалась с пасынком? Граф души в сыне не чаял, а норов у наследника всегда был...

Я сладко улыбнулась.

– Но ведь терпение, ласка и смирение непременно смягчат любое сердце?

– Хорошо, что ты это поняла, – обрадовалась Люция. – Думаю, вы помиритесь, а я замолвлю за тебя...

– Не стоит, – перебила я. Добавила, чтобы смягчить впечатление: – Вы сами сказали, что он сложный человек, и не стоит

вам... – чуть не сказала «подставляться», – его провоцировать или давать повод думать, будто я жалуюсь на мужа всем подряд.

Вернется – попробую извиниться и спросить, можно ли как-то исправить ситуацию. Конечно, и ему есть за что извиняться, но я привыкла признавать свои ошибки. А там уж, решу, как поступить, в зависимости от того, что он ответит.

– Да, ты права, я бы не хотела с ним ссориться. Но тебе тоже не следует давать мужу повод плохо о тебе думать. – Люция коснулась моего запястья. – Надень браслет и никогда не снимай. Даже на ночь.

Я вздохнула. Так и не научилась носить украшения.

– Да, конечно.

Сообразить бы, где я его оставила. Я оглядела туалетный столик. Нет, не здесь. Ладно, ничего страшного. Чужих никого в доме не было, найду, никуда не денется, а сейчас не хочется тратить время на поиски.

– Надену, когда вернусь, – сказала я. – Боюсь потерять, еще не привыкла.

Люция покачала головой.

– Нехорошо, если новобрачную увидят без свадебного браслета.

– Но мы же пойдем на рынок! И меня там никто не знает. Да и в ломбарде не стоит, чтобы узнавали, а то сплетни пойдут еще сильнее, правда? – Я захлопала ресницами, изобразив настолько наивное выражение, на какое только была способна.

Люция покачала головой. В наступившей тишине прожужжала муха, ударилась о стекло.

– В чем-то ты права. Наверное, в самом деле не случится ничего страшного, если ты наденешь браслет, вернувшись домой, – сказала соседка. – Давай посмотрим, что можно заложить.

Я вынула из стенного шкафчика, закрытого магией, шкатулку. Разложила на столе украшения.

– У Надин был вкус, – заметила Люция.

В голосе ее промелькнуло что-то вроде зависти. Зря я показала ей все украшения сразу, надо было сначала отобрать несколько.

С другой стороны, я в любом случае богаче соседки: лучший целитель столицы явно не только за идею работает. Почему-то от этой мысли мне самой стало неприятно. В конце концов, нет моей заслуги ни в том, что чудом сохранились украшения матери, ни в состоянии мужа. Вот появятся у меня свои деньги, честно заработанные

собственными руками и головой, – тогда и будет повод для гордости. А пока...

– Да, у нее был вкус, – не стала спорить я.

Трудно спорить о вещах, в которых ничего не понимаешь. Выбрала пару цепочек и кольцо без камня – по крайней мере, на этих украшениях не переливалась разноцветным сиянием магия.

– Странно, что оно осталось здесь, – сказала Люция, указывая на кольцо. – Пьер подарил его Надин, и она никогда его не снимала.

Я вернула украшение в шкатулку. Неважно, сама ли она положила его сюда, узнав об аресте мужа, или кто-то снял кольцо с тела. Если хозяйка дома его берегла, стоит почтить ее память. В конце концов, и цепочек на первое время должно хватить. И, наверное, вот этого браслета, из того же серебристого металла, что и мой свадебный, только не гладкий, а с чеканкой...

– Этот лучше не трогать. – Люция забрала у меня из рук браслет, положила в шкатулку. – За платину тебе не дадут настоящей цены, но при этом она останется слишком дорогой, чтобы было легко ее выкупить.

Платина, значит... А я-то думала, серебро. Выходит, и мой свадебный браслет стоит немало.

– Возьми лучше вот это, – прервала мои мысли соседка, протягивая дутое золотое кольцо. – Даже если и не получится выкупить, невелика потеря. Сейчас такие вещи считаются грубыми и безвкусными.

Я не стала спорить. Взяла кольцо и две цепочки, сложила остальные украшения на место – дверца шкафа, закрывшись, снова засветилась магией.

– Пойдемте, – сказала я, оборачиваясь к Люции. И встретила ее ошарашенный взгляд.

– Ты всерьез собираешься выйти на улицу в этом?!

– А что не так? – Я оглядела себя, расправила складки юбки.

Мало ли, пятно успела посадить или еще что. Нет, все было в порядке.

– Но это домашнее платье! – Тон у соседки был такой, словно я собиралась выйти из дома в пижаме и пушистых тапочках. Впрочем, в наше время никого не удивишь ни пижамой, ни тапочками, вот разве если совсем без ничего выйти – заметят.

– Да? – искренне изумилась я.

На мой взгляд, этот наряд если и отличался чем-то от остальных, так только переделанной мной застежкой. А так... пышная юбка до щиколотки, хлопок приглушенного оливкового цвета, чуть расклешенные книзу рукава.

– Конечно, от приюта трудно ожидать хорошего образования, – повторила Люция, словно мантру. – Но до такой степени... Ты бы еще в халате на рынок пошла.

Ну вообще, в таких халатах, как здесь, у нас не только на рынок можно ходить. Сколько же мелочей, оказывается, нужно знать! Смогу ли я когда-нибудь вписаться в этот мир? Или так до конца дней и останусь пушкинской старухой, которая ни ступить, ни молвить не умеет?

– И что у тебя на голове?

А что на голове? Вполне приличная коса, сколотая шпильками в пучок.

– Помогите мне, пожалуйста, – попросила я. – Я действительно ничего не понимаю в нарядах и, когда какой уместен, тоже не знаю. Все платья, что у меня есть, остались от мамы.

– Муж мог бы о тебе позаботиться и пошить все, что полагается, а не только свадебное платье. И нанять толковую горничную, чтобы помогала выбрать, – проворчала Люция.

Я не стала напоминать, что сбежала от него в чем была, и про потерю памяти. А то не просто запоет «вернись к мужу», а сама меня к нему за руку потащит. Может, Ксандер и в самом деле позаботился о моих туалетах. А может, и нет: едва ли любой из висевший в шкафу нарядов можно было сшить за пару дней. Без машинки, я имела в виду. Или магия и тут поможет?

Пока я размышляла, способна ли магия заменить швейную машинку, Люция отворила шкаф.

Глава 12

Из шкафа она извлекла что-то великолепное из плотного узорчатого шелка. Прежде чем я успела открыть рот и сказать, что это, наверное, слишком нарядно для похода по магазинам, достала еще два корсажа и юбку, покрытые вышивкой и оборками.

– Это – бальные. Но я не советую тебе надевать их на бал, если не хочешь выглядеть старомодной. Все эти оборки нужно отпороть и заменить кружевами. Впрочем, шлейф все равно длинноват...

Едва ли мне придется блистать на балах, так что это роскошество придется просто убрать подальше в шкаф. Или переделать во что-то более практичное? Интересно, модные журналы здесь уже придумали? Судя по уверенному тону Люции, когда она советовала сменить оборки на кружева, – придумали. Вот только где взять время на их изучение и переделку гардероба?

– Если вот этот корсаж сменить на этот, – она отодвинула нечто с рукавчиками-фонариками и оборками, положив гладкий шелковый с длинными рукавами корсаж, – получится вечерний туалет.

Разве «вечернее» и «бальное» – не одно и то же? Кажется, это невозможно понять, придется просто запомнить.

– Подойдет для приема непростых гостей и важных визитов. Сейчас у тебя будет много важных визитов. И выглядит не так старомодно, как бальные, хотя я бы и тут добавила кружев. Совсем немного, ряда два.

То есть метров тридцать, учитывая ширину юбки и необходимость присборить?

– Или лент... – Она вытащила из шкафа еще три комплекта. – Вот эти, поскромнее – для ужина, и для визитов, и приема гостей тоже подойдут.

На мой взгляд, они почти ничем не отличались от вечерних платьев. Разве что глухим вырезом под горло да рукавами три четверти.

– Вот это дневные. В них можно и утренние визиты нанести. А то, что на тебе, – прости, дорогая, – только для самых близких знакомых. Мне неловко, что Айгор увидел тебя в таком наряде.

Да этот наряд скромнее всего, что я носила дома! Интересно, хватил бы местных дам кондратий при виде... пусть даже не мини, обычного женского делового костюма? А мужчин? Судя по тому, как Ксандер изучал мои ноги...

Я отогнала воспоминание, слишком поздно, щеки снова зарделись.

– Я помогу тебе одеться, – сказала Люция.

Одеться-то поможет, а снять? Я вчера чуть руки не вывихнула, распутывая шнуровку! Я вздохнула и покорила неизбежному.

– Вот и еще один повод вернуться к мужу. Мы бедны как церковные крысы, но горничная и кухарка в доме должны быть обязательно. На что ты их наймешь?

Вот без кухарки я прекрасно обойдусь, если не буду устраивать званых ужинов. А насчет горничной... подумаю об этом завтра. Сегодня и без того забот хватит.

Когда мы спустились, Айгор поднялся из-за рояля.

– Вы потрясающе выглядите, Алисия.

Я кисло улыбнулась. Хорошо, что тут не носили корсеты в том формате, что бытовал когда-то в нашем мире, но и плотно утянутого нижнего корсажа мне хватило, чтобы проклясть все на свете. Помнится, в старых учебниках писали, дескать, у мужчин преимущественно брюшное дыхание, а у женщин – грудное. Да потому и грудное, что в этой сбруе у меня передняя брюшная стенка к позвоночнику приклеилась! Если красота требует жертв, я бы принесла в жертву того, кто придумал такое издевательство.

Хорошо хоть мою прическу Люция особо трогать не стала, лишь шпилькой вытянула из косы несколько прядей, закрутившихся у лица в полупрозрачные локоны. Выглядело, конечно, нежно и романтично, особенно на нынешней моей юной мордашке, но мне то и дело хотелось убрать эти пряди за ухо или сдуть со лба.

Как бы то ни было, на комплимент следовало ответить.

– Вы прекрасно играете, – сказала я, совершенно не кривя душой. – И мелодия чудесная.

Надеюсь, уметь музицировать не требуется от всех подряд? Предел моих возможностей – «собачий вальс», едва ли этот шедевр оценят в местном обществе.

– Она о любви. Неразделенной любви. – Айгор улыбнулся уголком губ.

– Об увлечении, хотите вы сказать. Мимолетной фантазии.

– Что вы можете в этом понимать, никогда не любив?

Спорить я не стала. Какой смысл доказывать, что настоящая любовь всегда взаимна, потому что она невозможна без отношений и обоюдных обязательств? Еще и решит, что я с ним кокетничаю. Люция уже наверняка так и решила, судя по взгляду и поджатым губам.

– Любовь – прекрасное чувство, но оставим ее поэтам, – сказала она. – Алисия, берите корзину, и пойдёмте, мы и без того потеряли много времени.

Все вокруг очень походило на улицы наших городов – там, где сохранилась дореволюционная застройка. Двух-, максимум – трехэтажные дома, лепнина на фасадах и вокруг окон, узкие улицы, по которым спешат люди. Вот разве что одеты не по-нашенски, да вместо машин – экипажи, бесцеремонно игнорирующие пешеходов. А так – те же сосредоточенные лица, обращенные к собственным заботам. То ли час праздных прогулок еще не наступил, то ли те, у кого было время на них, передвигались не пешком.

Но каким бы привычным ни выглядел город, я бы нипочем не догадалась, что лавка с большими окнами, занавешенными кисеей, – ломбард. Впрочем, я, наверное, не догадалась бы, и что это – лавка, разве что по окнам-витринам, ведь вывески на ней не было. Да и сам ростовщик на ростовщика не походил – впрочем, откуда бы мне знать, как он должен выглядеть? Фантазия рисовала мне кого-то вроде Скупого рыцаря, седого и сторбленного, но меня встретил приятный мужчина средних лет.

– Пройдемте в комнату для посетителей, милая барышня, – предложил он, узнав, зачем мы пришли. – Денежные дела не терпят свидетелей. Вашим спутникам сейчас принесут чая и сласти, чтобы скрасить ожидание.

– Тетушка, – подумав, я не стала называть Люцию по имени. Мало ли, вдруг обращаться за займом для светской дамы – редкий позор, – помогите мне, пожалуйста. Айгор ведь не заскучает один?

Конечно, доверять ей безоговорочно не стоило, и оставался риск, что она в сговоре с этим человеком с профессионально поставленной улыбкой, но я слишком мало понимала местные правила, чтобы торговаться самой. До чего же неприятно чувствовать себя ребенком во взрослом мире!

– Вы мне не доверяете? – поднял бровь ростовщик.

Я хмыкнула про себя: когда с первых же слов заходит разговор о доверии, значит, тебя однозначно намереваются надуть.

– Ну что вы, просто милая моя племянница слишком юна и опасается показаться бестолковой, правда? – пришла мне на помощь Люция. – Конечно же, я помогу.

От меня не укрылось, что она не упомянула ни имени, ни титула. Значит, я правильно решила тоже их не называть. А еще было заметно, что соседка здесь не в первый раз – она не осматривалась, очень уверенно пошла вслед за хозяином, словно уже знала, куда нам идти.

Впрочем, а чему я удивляюсь? Откуда-то ведь она узнала, где принимает ростовщик. Я, например, с ходу бы и не вспомнила, есть ли в моем квартале ломбард.

Торговалась она тоже умело, подняв первоначальную цену процентов на тридцать.

– Спасибо, тетя Люция, – искренне поблагодарила я, когда мы снова вышли на улицу. – Вы мне очень помогли. Я бы хотела как-нибудь вас отблагодарить.

– Не стоит, – приторно улыbnулась она, и я поняла, что возвращать услугу мне придется, как это и водится, в самое неудобное время.

Впрочем, она в самом деле здорово мне помогла. И до дома подвезла, и лекцию о современной моде прочла, и этот поход на рынок... Надеюсь, долг не окажется неподъемным.

– Все-таки денежные дела – не для женского ума, – продолжала Люция. – Мне пришлось научиться в них разбираться, но с каким удовольствием я бы сбросила с шеи это ярмо.

Я с трудом удержалась, чтобы не покоситься на Айгора. Не знаю, сколько ему на самом деле, но выглядел он лет на двадцать пять. Вполне себе сознательный возраст, префронтальная кора³ уже созрела. Не то что у меня: вместо мозга одни гормоны в черепушке плещутся.

Занялся бы делом, глядишь, и некогда было бы о неразделенной любви вздыхать.

– Конечно, тяжело, когда много лет не на кого опереться, – осторожно заметила я.

К слову, о каких «нас» может идти речь при такой разнице в возрасте и социальном положении? Была ли у Айгора и Алисии вообще возможность общаться, чтобы появились «мы»? Едва ли в приюте девочкам беспрепятственно разрешали встречаться с посторонними мужчинами. Жаль, что напрямую об этом не спросишь.

– Очень тяжело, и я рада, что тебе это не грозит. Ксандер при всех его недостатках не из тех, кто позволит жене заниматься делами.

Вот уж обрадовала так обрадовала! Что ж, еще одна причина держаться подальше от драгоценного супруга. Впрочем, говорить об этом вслух я не стала. Люция тоже решила не развивать тему, дав мне возможность помолчать и оглядеться по сторонам.

Рынок, куда мы пришли, походил на наши. Лотки с товарами, только деревянные, а не бетонные, и тенты брезентовые или что-то вроде того, а не пластиковые. Громкие голоса торговцев – и, конечно же, у всех самое лучшее: «Ты только попробуй, красавица!»

Корзинка в моих руках потяжелела почти мгновенно – ведь дома вообще не было продуктов. Кстати, кроме того, что готовить, нужно еще и на чем готовить. Посуды в доме хватало, но...

– Тетя Люция, не подскажете, где можно заказать дрова или уголь? Сама я их не донесу.

– Зачем они тебе? – искренне изумилась соседка. – Каминны топить еще долго не придется, а в кухонную плиту встроен артефакт. Помнится, ваша кухарка нашим слугам все уши прожужжала, что теперь не приходится таскать корзины с углем и можно поспать на полчаса дольше, потому что артефакт прогревает плиту намного быстрее.

– Я не знала этого, – выдала я часть правды. – Но если хвасталась кухарка, значит, артефакт можно активировать без магии?

– Что ты, нет, конечно! Вы держали бытового мага. Пьер любил хорошо поесть...

Да, папа любил хорошо поесть, а мама умела и любила готовить... Нет, не стану думать об этом! Мои родители живы, и это главное.

– ...и мог себе это позволить. Мы тоже могли... когда-то. – Люция вздохнула.

Хорошо, что у меня тоже есть магия. Не придется оставаться голодной у волшебной плиты. Я не так хорошо готовлю, как мама, но себя накормить смогу.

Я перекинула с локтя на локоть тяжеленную корзину, размышляя, влезет ли туда еще что-нибудь и смогу ли я это донести до дома. Айгор уже увесился покупками матери, так что на него рассчитывать не приходилось. Почему тут не придумали магазинные тележки – корзинка оборвала мне все руки, а я ведь и половины нужного не купила!

– Если не жаль пары медных монет, найми мальчишку-носильщика, – сказала Люция, заметив мои мучения.

– Мальчишку? Да тут здоровый мужик нужен!

Она рассмеялась. Оглядевшись по сторонам, поманила кого-то пальцем, и вскоре рядом вырос парнишка лет четырнадцати, тощий и оборванный. Я с сомнением посмотрела на него: кажется, корзинка весила больше самого потенциального носильщика.

– Я сильный, леди, не сомневайтесь! – заверил он, буквально вырывая из моих рук корзину.

Я подчинилась, испытывая одновременно и облегчение, и стыд. Этому парню бы в школе учиться, а не тяжести таскать. Нет, все-таки мне очень повезло оказаться титулованной особой. Надо бы в церковь зайти, свечку поставить... вот только разберусь, что тут за церкви.

Вскоре наполнилась и вторая корзинка, за которой пришлось послать мальчишку в плетельный ряд, а потом заплатить второму носильщику. Пожалуй, хватит. Чая не купила, но первое время без него обойдусь...

И тут – на ловца и зверь бежит – в глаза мне бросилась лавочка, на вывеске которой было «Чай, пряности и травы».

Конечно, чай с его тонким ароматом не следовало хранить рядом с пряностями, но я слишком устала, чтобы привередничать.

Оставив Люцию – «прости, дорогая, но у меня от этих запахов так болит голова!» – на улице, я шагнула внутрь. Вопреки ожиданиям, в лавке воздух казался свежим, и пахло не специями, а кофе. Кофе, здесь есть кофе! Жизнь и в самом деле налаживается!

Глава 13

Навстречу мне поднялась хозяйка. Худая, ссутулившаяся от старости, с длинным крючковатым носом. Так могла бы выглядеть Баба-яга, вздумай кто-то обрядить ее в платье девятнадцатого века и соорудить прическу из сложного переплетения седых кос.

– Что желаете, леди? – проскрипела она.

– Кофе. И чай.

– И пряности? – улыбнулась она неожиданно лукавой улыбкой.

– Пряности тоже, хотя я не слишком в них разбираюсь. И еще травы.

Она начала выставлять на прилавок жестяные коробочки.

– Перец. Лавровый лист. Мускатный орех. Корица. Она хороша
В...

– Это не нужно объяснять, спасибо, – сказала я.

Хозяйка кивнула и продолжила выставлять коробочки.

– Анис. Вместе с корицей хорош для сладких блюд. Орегано...

Вот оно! Больше незачем гадать, где искать ингредиенты для аптеки. Конечно, в кулинарии используют не так много лекарственных трав, но для начала и то, что есть, неплохо. Анис сгодится не только в десертах, но и как отхаркивающее. Или, скажем, в нашатырно-анисовые капли... К слову, есть ли здесь нашатырный спирт? Должен быть, если я ничего не путаю, водный раствор аммиака придумали довольно давно. В нашем времени довольно давно, конечно.

Орегано, то есть душица, вместе с чабрецом пойдут в успокаивающие и грудные сборы.

Семена укропа, опять же, пригодятся не только в квашеной капусте и соленьях. Отхаркивающее, желчегонное, ветрогонное, и кормящим мамам для молока и от детских колик, да и как легкое успокоительное сгодится. А лавровый лист обладает сахароснижающим действием, хотя, конечно же, не заменит инсулин. Мята как спазмолитик, противорвотное и легкое успокаивающее... да мало ли трав, что мы привыкли использовать в еде, не думая о других эффектах?

– Да вы меня не слушаете, леди!

– Ох, простите, – опомнилась я. – А нет ли у вас липового цвета?

И ромашки?

В конце концов, тоже чай, вдруг да найдется?

Она смерила меня задумчивым взглядом, раскрыла шкафчик в дальнем углу лавки и начала выставлять на прилавок новые коробочки, гораздо вместительней тех, в которых хранились специи.

– Ромашка. Фиалка. Ноготки. Липа.

– Солодка? – поинтересовалась я наугад, открывая ближайшую коробочку.

Ромашка, причем не измельченная, а цветки, высушенные целиком, так что можно сразу определить, не обманывает ли лавочница, и насколько хорошо обработано сырье.

Еще одна коробочка встала рядом с остальными. Интересно, а солодку-то зачем держать в чайной лавке? Местные хозяйки варят

лакрицу? Хотя я возражать не буду. Грудной сбор, сборы для успокоения желудка...

– Что-то мне подсказывает, вы не для готовки это все покупаете, – заметила старуха.

– Не для готовки, – призналась я. – Лечиться.

Лечить, если точнее, но кто знает, вдруг в этом мире за несанкционированное врачевание – сразу под белые руки и в каталажку? Я сделала мысленную зарубку: разузнать, как здесь регулируются медицинские и фармацевтические услуги. У кого бы узнать? Не у Люции точно. Муж наверняка в курсе, но ведь как пить дать скажет, что не для моего умишка дело.

– Да, услуги целителей очень дороги, – согласилась хозяйка. – Как и квалифицированных зельеваров. Но что поделаться, если сила исцеления и возможность влить магию в зелье даны немногим. Чем реже дар – тем дороже ценится.

А что если мне – не дано? И все, на что хватит моей магии, – осветить дом да печку разжечь? Что ж, пока не попробую – не узнаю.

– А для таких, как мы с вами, есть травы, – улыбнулась она. – Конечно, чуда они не сотворят, но помогут. Если вы собираете запас для семьи, я бы посоветовала еще кору дуба – сейчас лето и расстройства желудка нередки. Еще успокоить желудок может сбор из зверобоя с ромашкой, календулой и тысячелистником...

– Да вы просто сокровище! – восхитилась я, раскрывая коробочки, что она выставляла передо мной одну за другой.

Хозяйка кивнула со сдержанным достоинством.

– У меня хорошие травы. Правильно собранные и правильно высушенные. В свое время сам королевский зельевар у меня сырье покупал, а уж он в этом знал толк.

Вряд ли, конечно, сам королевский зельевар. С такими покупателями незачем на рынке торговать. Но вполне может быть, что кто-то из хороших специалистов, сырье и правда качественное. Конечно, просто так на глаз содержание активных веществ не определишь, а реактивов у меня не было. Но, по крайней мере, выглядели и пахли растения так, как должны, не было заметно ни посторонних примесей, ни грязи или плесени. Значит, придется брать не травы «соло», а сборы. Количество действующего вещества в

растительном сырье непредсказуемо, и несколько трав с одним действием помогут сгладить эти колебания.

– А что случилось потом? – любопытствовала я, прежде чем поняла, что вопрос бестактен.

– Да то и случилось, что пришлось все бросить и ноги уносить, когда его изменником объявили, – с неожиданной горячностью воскликнула хозяйка.

Уж не о моем ли отце она говорит? Конечно, по дому можно было понять, что Алисия – не безродная сирота, и Ксандер говорил «граф», но – королевский зельевар?

– Его же оправдали, – осторожно заметила я.

– Оправдали, конечно. А до того... Вы-то не помните, само собой, – продолжала хозяйка. – Столица от страха дрожала, хватали всех. Оправдали-то его только через три года, когда королевского целителя на том же прихватили. Вот уж точно говорят, не рой яму другому...

Нет, либо речь идет о каких-то других людях – в конце концов, с чего я взяла, что отец Алисии был именно королевским зельеваром, а не просто хорошим специалистом? Либо Ксандер ни при чем. Я и в лучшего-то целителя столицы не слишком верю, учитывая, сколько ему лет, а семь или сколько там годков назад его никто бы к королю не подпустил, но не дорос. Да и прихватили бы – сейчас бы некому было на мне жениться. У королей все просто, за измену – голову с плеч, и вся недолга.

Тогда чего муж вылетел как ошпаренный?

Или я просто выдумываю сейчас невесть что? Фантазия у меня всегда была богатая.

– А потом тоже сказали, что невиновный, – фыркнула хозяйка. – Кругом одни невиновные, только короля чуть... – Она осеклась.

– Чуть что?

– Долгих лет и здоровья его величеству, – протараторила она. – Так что вы берете?

Так, похоже, лучше не продолжать тему королевского зельевара, как бы мне ни хотелось узнать, что же все-таки произошло с родителем Алисии.

Разве что спросить хозяйку, чем именно запасался ее постоянный покупатель, да выбрать то же. Нет, если магические зелья, пусть даже

на простых ингредиентах, стоят очень дорого, значит, покупали у зельевара, необязательно королевского, только богатые. Структура заболеваемости в разных слоях общества разная. Так же, как в нашем мире: в развитых странах главная проблема – болезни сердца и злокачественные опухоли, а в бедных умирают от инфекций, не дожив до инфаркта.

Пока я не знаю своих способностей и не просмотрела толком отцовскую библиотеку, буду исходить из того, что способности делать зелья у меня нет, а значит, придется обходиться простыми сборами для небогатых людей. Чем чаще болеют летом?

Расстройства желудка, как уже сказала хозяйка. В нашем мире я бы прежде всего думала о ротавирусе, здесь, скорее всего, проблема в испорченных продуктах и некачественной воде. Хорошо хоть для меня вчерашняя вода из крана обошлась без последствий. Значит, шелуха семян подорожника в качестве сорбента⁴. А потом, чтобы успокоить слизистую, – зверобой, календула, ромашка и тысячелистник. Или ромашка, тысячелистник, мята и корень солодки. И семена льна, растертые и заваренные в кашу-кисель, они обволакивают и успокаивают раздраженную слизистую. Корень алтея – с той же целью. Заодно сварю из льняного семени и корня алтея гель для укладки волос, отличная штука, жаль, что хранится недолго.

Что еще? Простуды? Едва ли, здесь-то под кондиционером не простывают. Зато могут перепить воды со льда и перекупаться, так что жаропонижающий сбор из равных частей ромашки и липы явно пригодится. Фиалка, шалфей, зверобой и ромашка для полоскания горла.

Дальше... В нашем мире я бы запаслась травами для успокоительного сбора. Душицу и чабрец я уже отложила. Валериана, пустырник... Да, пожалуй, возьму. Не для других, так для себя: стоило только вспомнить, как я вчера сперва хлестнула мужа тряпкой, а потом облила грязной водой, как хотелось со стыда сгореть. Ну да, нечего было лапать, но в нормальном своем состоянии я и словами отшить могу. Все-таки есть у юности и свои недостатки: сохранять самообладание куда труднее.

Что еще может случиться? «Женские» кровотечения, актуальные во все времена и сезоны. Тысячелистник, который уже упоминала хозяйка, крапива, шиповник. И снова мята: в смеси с валерианой и

ромашкой может облегчить женские боли. С красавкой было бы лучше, но сегодня спрашивать о ней поостерегусь. Красавка ядовита, и, пока не разберусь, как здесь регламентируются подобные вещи, лучше не рисковать.

Словом, из «чайной» лавки я вышла с еще одной корзиной.

– Зачем тебе все это сено, дорогая? – изумилась Люция.

– В чай, – ответила я, решив не посвящать ее в свои далеко идущие планы, которые я пока сама представляла лишь очень и очень приблизительно.

И все же начало было положено. У меня есть где жить. Есть небольшой запас ингредиентов на первое время и оборудование для их обработки и хранения. Библиотека, о которой практикующий целитель отозвался как об «очень хорошей». Конечно, в наше время за десять лет большая часть медицинской информации стала бы неактуальной, а то и вовсе ошибочной, но в этом мире прогресс, кажется, не летит такими темпами, так что и старые учебники мне пригодятся.

Пока учусь, почию шкафчики, в перерывах – нельзя же только мозгами работать, нужно же и двигаться – поброжу по городу, поосмотрюсь. Найду библиотеку, в конце концов, здесь уже должна быть хоть одна на столицу публичная библиотека, а в библиотеке должен быть свод законов. Налететь на штраф или, того хуже, оказаться в тюрьме по незнанию мне вовсе не хотелось, а бюрократы во всех мирах одинаковы.

Отличный план, просто отличный, но была в нем дыра, в которую слон пролезет. Муж.

Глава 14

Хорошо, первую брачную ночь я как-нибудь переживу, тем более что Ксандер мне не противен... мягко сказано, не противен. Веди он себя хоть немного поприличнее – сдалась бы с радостью. Но я очень сомневалась, что, реализовав свои супружеские права, он просто забудет о моем существовании и предоставит жить, как мне заблагорассудится.

«Он не из тех, кто позволит жене заниматься делами», – вспомнились слова Люции.

Сумею ли я с ним договориться? Убедить, что я не дурочка-притворщица, которой он, кажется, меня считает, а взрослый

здравомыслящий человек? После нашей последней встречи – ой, вряд ли...

«Я подумаю об этом завтра», – вспомнила я бессмертное. Бесполезно гадать, как поступит человек, которого я почти не знаю. Следующий ход за ним, а там разберемся.

Как выяснилось, следующего хода ждать не пришлось. Когда я подошла к дому, переливов охранного заклинания не было видно.

Это заметили и мои спутники.

– Неужели кто-то смог взломать защиту, которая простояла десять лет? – изумился Айгор.

– Законному мужу не пришлось ничего ломать, – заметила Люция. – Кроме него некому. Нам зайти с тобой, дорогая, помочь... сгладить первые минуты встречи?

Я сглотнула.

– Спасибо, не стоит. Мы уже беседовали с ним вчера.

– Ты не говорила, что он приезжал. – В голосе соседки прозвучало недовольство.

– Я подумала, что некрасиво со стороны молодой жены обсуждать все... моменты супружеской жизни, пусть даже с друзьями, – захлопала я ресницами.

– Да, ты права, – неохотно признала она. – Рада, что у вас все налаживается.

Ну да, налаживается. Так налаживается, что у меня пальцы дрожали, когда я рассчитывалась с мальчишками-носильщиками. Лучше сделать это сразу – вдруг Ксандер мне и слова не даст сказать, а парни честно заработали свои деньги.

Проводив тоскливым взглядом Люцию, я заставила себя вздернуть голову. Это мой дом, и я не буду бояться. Крякнула, подняв корзинки – чуть пупок не развязался, честное слово! – и обнаружила, что дверь открывается на улицу, а у меня заняты обе руки.

Прежде чем я успела снова опустить корзины, дверь распахнулась.

– Я заждался, – сообщил Ксандер.

Я натянула на лицо вежливую улыбку.

– Прошу прощения. Я не хотела заставлять вас ждать.

В конце концов, сила, закон и общественное мнение – на его стороне. Да и вообще, хватит с меня скандалов и побегов. Первый шок

от перемещения в другой мир прошел, пора включать голову и прекращать делать глупости. Взрослые разумные люди всегда смогут договориться.

Вопрос в том, можно ли нас обоих назвать взрослыми и разумными? Я – явно не взрослая. А насчет разумности, то есть договороспособности, Ксандера и его методов «воспитания» у меня были большие сомнения. До сих пор я от него слова доброго не слышала.

С другой стороны, немногие мужчины способны не распустиль руки, получив ведро грязной воды на голову, пусть даже на самого не попало ни капли. Или остановиться, когда девушка, только что страстно целовавшая – при этой мысли меня обдало жаром, – кричит: «Не надо». Меня снова обожгло, на этот раз стыдом. И все же... это внушало надежду. Может, муж не так плох, как о нем отзывается Люция?

– Чего застыли, давайте сюда. – Он забрал из моих рук корзины.

– Если бы вы предупредили, что приедете, я бы встретила вас как полагается.

А как, к слову, тут полагается? Впрочем, «напой-накорми и в баньке попарь» – универсальный способ для всех известных мне культур. Неважно, что в доме шаром покати. Заняла бы у соседней немного продуктов, потом вернула бы. Хозяйка я или где?

Ксандер усмехнулся.

– Мужу стоит предупреждать о своем визите, только если он хочет дать жене время замести следы.

Да чтоб тебя! Не человек – змея, чуть зазевался, и цапнет! Я вздернула подбородок.

– Что ж, надеюсь, вы успели осмотреть дом и убедиться...

– Не успел. – Он направился к кухне, неся корзины, я поспешила за ним. – Я приехал совсем недавно, лишь велел распрячь лошадей и поставить экипаж в каретную. Мой конюх знает свое дело, он приведет и каретную, и конюшню в порядок, может быть, даже и плотника нанимать не придется.

В доме есть каретная? И конюшня?

Стоп, а с чего это он распоряжается в моем доме как в своем собственном? Пока я размышляла, как бы повежливей сформулировать эту мысль, Ксандер водрузил корзины на стол и обернулся ко мне.

– Если вода не идет к коню, конь идет к воде. Вчера я не подумал, что вы соскучились по родному дому в приюте. Может быть, здесь вам и правда будет легче привыкнуть к своему новому положению. Поживем пока в этом доме.

Вот же заботливый какой, чтоб его!

– Скоро приедет ваша горничная с вашими туалетами. Это платье, конечно, милое, но вышло из моды еще во времена вашей матушки.

– Это ее платье, – сдержанно произнесла я, изо всех сил стараясь не заорать и не затопать ногами.

Начала раскладывать по шкафчикам продукты, чтобы успокоиться. Да что он о себе возомнил! Или это во всех мирах мужчинам не все равно, во что одета их... своя собственная женщина! Александр тоже время от времени начинал ныть на тему «оденься поженственной». Попробовал бы сам хоть раз взгромоздиться на каблуки!

– Я так и понял.

– И... – я медленно выдохнула, старательно сдерживая слова, рвущиеся изнутри. – Спасибо за горничную, очень мило, что вы обо мне беспокоитесь. – А заодно приставил ко мне надсмотрщицу. – Но я буду носить то, что нравится и в чем удобно мне самой, а не то, что вам вздум... захотелось на меня напял... надеть. Я ваша жена, но не ваша кукла.

– Дома вы можете хоть вообще ничего не надевать...

Ага, размечтался!

– Но в обществе вы должны появляться в туалетах, подобающих вашему статусу. Вы больше не девочка из приюта, вы – жена придворного целителя.

Я втянула воздух сквозь зубы. «Девочка из приюта». Благодетель нашелся! Так облагодетельствовал, что куда бежать! Все добрые намерения разом выветрились из моей головы. Не вцепиться бы в лицо этому, этому...

– Вас никто не заставлял жениться на девочке из приюта, – сказала я, аккуратно ставя на полку бутылку с оливковым маслом.

Нет, лучше подумаю о том, что к маслу нужно раздобыть ланолин и воск да сделать простейший крем для рук. Они заслужили немного заботы после вчерашней ударной уборки. А если я разобью бутылку о

голову мужа, кухню снова придется мыть, и отдраить ее от масла будет куда сложнее, чем от пыли.

– Долг, – коротко ответил Ксандер.

– Мне вы ничего не должны.

А этому телу точно есть восемнадцать? Эмоции скачут, как у подростка! Или я просто плохо помню себя в столь юном возрасте. Казалось, я была спокойнее. Вот разве что на уме тогда было – то и на языке, ну прямо как сейчас.

– Мы говорили об этом. – В его голосе прорезалось легкое раздражение. – Я обещал своему отцу о вас позаботиться.

А меня кто спросил?

– Для этого вовсе необязательно жениться!

– В самом деле? – ухмыльнулся он. – А раньше вы не возражали.

– Я передумала.

– Видимо, это и есть хваленая женская логика.

А вешать себе ярмо на шею, женившись на едва знакомой девице, потому что отец потребовал позаботиться, – это, видимо, хваленая мужская логика. Почему, кстати, он это потребовал? Кто я ему, чтобы заботиться, наплевав на благополучие собственного сына? Женитьба на девице своего круга была бы Ксандеру намного полезней, хотя и без того высоко взлетел, очень высоко, в его-то возрасте. Или это в самом деле такое искупление грехов и мой муж – именно тот человек, которого проклял мой отец?

Как же я устала от этих тайн! Почему я не попала в тело какой-нибудь зануды-профессорши – синего чулка?! Читала бы книги, завела сорок кошек и не ломала бы голову, как избавиться от непрошеной заботы совершенно чужого мне человека.

– Сегодня передумала, завтра не подумала... Как бы это выглядело, если бы я опекал молодую незамужнюю девушку? Мне-то все равно, я мужчина. А от вашей репутации ничего бы не осталось.

– Что ж, я благодарна вам за заботу, в том числе и о моей репутации, – ядовито произнесла я. – Но вы можете больше не обременять себя. Живите собственной жизнью, я вполне в состоянии позаботиться о себе сама.

– О да, я заметил. – В голосе мужа яда было не меньше. – Я не успел выделить вам денег на хозяйство, так откуда вы взяли их?

– Заложил драгоценности матери.

– Блестящее решение! И что вы станете делать, когда они закончатся?

– К тому времени я буду зарабатывать.

На самом деле я совсем в этом не уверена, но... Деваться-то некуда. Или я очень быстро учусь сама держаться на ногах, или живу милостью мужа на правах домашней кошки. Захотят – погладят, захотят – пнут, а то и повяжут... Тьфу ты! Это уж наверняка, наследники-то нужны. И никто не спросит, хочу ли я рисковать здоровьем и жизнью, вынашивая ребенка нелюбимого мужчины?

– Зарабатывать столько, чтобы содержать себя и дом, не говоря о налогах на имущество?

Налоги! Еще и, поди, за те десять лет, что дом стоял пустой. Пропади оно все пропадом!

– Гувернанткам столько не платят. Впрочем, вас и не возьмут в гувернантки.

– Это еще почему? – возмутилась я.

Он начал загибать пальцы.

– По целым трем причинам. Первое – вы так торопились покинуть приют, что не забрали у них рекомендации и свидетельство об окончании обучения...

Да уж, молодец, Алисия. Не подумать о документах, подтверждающих образование, – надо быть вовсе не от мира сего! Похоже, в том приюте, как в Смольном институте нашего мира, учили чему угодно, кроме того, что понадобится в реальной жизни.

– Второе: гувернантка должна быть скромна и незаметна, и это явно не про вас. Ну и, наконец, никто не возьмет в дом жену знатного человека... да в принципе замужнюю женщину. Ничто не должно отвлекать гувернантку от воспитания хозяйских детей.

А ты не из тех, кто отойдет в сторонку, чтобы жена могла сделать вид, будто и не жена вовсе. Впрочем, карьера гувернантки в любом случае меня не прельщает. Но делиться своими планами с мужем явно не стоит.

Я достала из корзины курицу, безголовую, но не оципанную. Могу позаботиться, как же! Нет, оципать-то и выпотрошить сумею, невелика наука. Но... Курица, молоко в крынке с перевязанным горлышком, сливки, сметана, сливочное масло. Вот же я растяпа! Холодильника-то нет!

– Забыли, где «вечный ящик»? – поинтересовался Ксандер. – Давайте сюда.

Он протянул руку, забирая у меня курицу. Замер, не коснувшись тушки.

– Вы так и не надели браслет. Намеренно демонстрируете пренебрежение?

Вот же параноик несчастный! Делать мне больше нечего, как «демонстрировать пренебрежение».

– Нет, просто забыла.

– Наденьте. Немедленно.

Что-то было такое в его голосе, что у меня по спине пробежал холодок и язык не повернулся спорить. Молча положив курицу на столешницу, я вытерла руки полотенцем и направилась из кухни. Ничуть не удивилась, обнаружив, что Ксандер следует за мной по пятам.

– Подождите меня на кухне. Или в гостиной, вы бывали в доме, значит, знаете, где гостиная, – приказала я.

Точнее, хотела приказать, но, лишь глянув на его лицо, поняла – не послушает, и голос сразу стал неуверенным. Таким тоном уговаривают незнакомую «хорошую собачку» не кусаться. Да что ж это такое!

– А что, вам есть что скрывать? – ухмыльнулся он.

Как есть змей, сцедить бы яд да сделать мазь от болей в спине, на полгорода бы хватило!

Глава 15

– Конечно, есть что скрывать. Может, у меня в будуаре на люстре трус... нижнее белье висит, – огрызнулась я.

Ну как прикажете разговаривать с ним нормально, если он сам то и дело провоцирует?

Ксандер приподнял бровь.

– Могу догадаться, как оно туда попало, но с какой целью оставлять его там?

– Чтобы желание исполнилось. – Меня уже несло. Насколько же плохо было Алисии в приюте и насколько она боялась самостоятельной жизни, что согласилась стать женой этого

невозможного типа! – Люстра – это центр комнаты, и энергетика от тр... панталон распространится по всему пространству.

Даже если муж меня сейчас пристукнет, оно того стоит – просто чтобы увидеть это выражение лица.

– Очень интересная теория. Жажду услышать подробности.

– Нужно загадать желание и левой ногой закинуть панталоны на люстру. И сразу же прокричать загаданное.

– Я даже догадываюсь, какое именно желание не дает вам покоя.

– Правильно догадываетесь. – Остановившись у двери в гардеробную, я пихнула мужа в грудь. – Да в самом деле, неужели обязательно таскаться за мной по пятам?

Надену браслет и вернусь на кухню, у меня там еще полно работы.

– Вчера вы тоже обещали немедленно надеть браслет. Я хочу убедиться, что вы это сделаете.

– Да куда я денусь, вы же и мертвому мозги вынесете!

Он словно не услышал моих слов.

– Или что не запретесь где-нибудь, где я не сразу взломаю замок...

Что?! Он совсем берега попутал? Я теперь и в собственном доме уединиться не смогу? Кажется, я срочно хочу овдоветь!

– ...и не натворите глупостей.

– Каких еще глупостей? – не поняла я.

В его взгляде промелькнуло что-то... странно серьезное, а потом на лице снова заиграла ухмылка.

– Например, не начнете закидывать панталоны на люстру. Красные панталоны. У вас есть такие, в самом деле? Я бы посмотрел, учитывая, что до сих пор не удостоился чести лицезреть ваше нижнее белье.

Я хватанула ртом воздух, разом позабыв все слова. Нет, ну каков нахал!

– И не увидите!

– Посмотрим, – ухмыльнулся он, и от того, насколько двусмысленно это прозвучало, меня бросило в жар.

– Дались вам эти панталоны! Можно подумать, вы ни разу не видели женского нижнего белья!

– Красного? На люстре? Никогда. И если доведется увидеть, это зрелище навсегда останется в моей памяти.

Что ж, сама напросилась. Проглотив ругательство, я ввалилась в гардеробную, или будуар, или как там называлась эта комнатка по соседству со спальней.

Нет, здесь браслета нет, я же уже проверила это днем, когда одевалась.

– К слову, кто помог вам с платьем? – делано безразличным тоном поинтересовался Ксандер, оглядываясь по сторонам. – Может, я зря нанял горничную?

– У меня нет горничной, спасибо за заботу, – сказала я и, не удержавшись, добавила: – Вы всерьез считаете, будто на следующий же день после свадьбы я пустилась во все тяжкие? Совсем за дуру держите?

– Пока что ничего в вашем поведении не показало великого ума, уж простите.

Ах ты...

А ведь он прав. Если посмотреть на ситуацию с его стороны, что получается? Пять обмороков, сколько-то из них притворные. Вместо первой ночи новобрачная сбегает в ночь холодную – что в какой-то степени объяснимо, но все же разумностью и не пахнет. Потом демонстративно пытается справиться со всем сама, отказываясь от помощи мужа, – при том что жить ей очевидно не на что и вариантов честного заработка практически нет. Это я представляю, что такое обеспечивать себя, знаю, что у меня есть и мозги, и знания, и навыки, осталось лишь понять, как адаптировать их к местным реалиям. А что известно ему? Девочка из приюта, которую он облагодетельствовал – я скрипнула зубами при этой мысли, – женившись и которая с первого же дня после свадьбы чудит?

А попробую признаться, кто я, – сдаст в местный аналог психушки, даже не усомнившись в моем нездоровье, и будет в чем-то прав. Я все еще недееспособна по местным меркам, вот разве что цены на продукты и травы узнала.

– Да, вы правы, – пришлось признать мне. Лицо мужа стало нечитаемым, и я торопливо поправилась: – В смысле не «во все тяжкие», а...

Нет, я в самом деле веду себя как дура!

– Одеться мне помогла соседка.

Я снова оглядела комнату. Где же этот браслет, чтоб его? Раз его нет в гардеробной, значит, и снимала я его не здесь. Тогда где? Вспомнить не получалось. Я всегда была рассеянной: не счесть, сколько раз я обнаруживала масло в хлебнице, а хлеб в холодильнике.

Так, после того как сняла занавесь с зеркала, полюбовалась на себя и на платья, я взяла тряпку и пошла... в спальню, вот куда. Может, я бросила браслет там?

Я открыла дверь в спальню и застыла. На откинутах – а ведь утром я заправила постель! – покрывале белела свернутая записка.

– Интересно... – протянул Ксандер из-за моей спины. – Вы поэтому не хотели, чтобы я поднимался за вами в спальню?

Проскользнув мимо меня в дверь – удивительно, как такой огромный он умудрился не толкнуть, – взял записку. Я молчала, слишком ошарашенная, чтобы протестовать.

Развернув бумагу, муж пробежал глазами по строчкам, и, глядя на его каменеющее лицо, я забыла, как дышать. Заставила себя распрямить спину и поднять подбородок. Что бы ни было в той записке – хотя я, кажется, догадывалась, что там, – мне не в чем себя упрекнуть!

Когда только этот гаденыш успел! Он же из-за рояля не вылезал? Или я, сама того не зная, обзавелась еще одним поклонником?

– Объяснитесь, – коротко произнес Ксандер, протягивая мне бумажный лист.

Столько с трудом сдерживаемого гнева было в голосе мужа, что у меня закружилась голова и потемнело в глазах. Нет, я не буду падать в обморок! Я – не всего боящаяся Алисия из приюта, я – Алиса, взрослая женщина, способная за себя постоять!

Способная ли?

Строчки запрыгали у меня перед глазами, когда я попыталась прочесть. Надо собраться. Надо.

– Обморок не поможет, – жестко произнес Ксандер. – Я вижу, что вам плохо по-настоящему, и поймаю, а не как в прошлый раз. Но когда вы придете в себя, продолжу требовать объяснений.

Не дожدهшься! Назло тебе в обморок не свалюсь!

«Любимая...»

– Да что тут объяснять! Козел, урод, гон... – нет, это ругательство из другого мира. – Одна извилина и та прямая, к ней уши крепятся!

– Это вы обо мне? – приподнял бровь Ксандер.

«Сколько бы ты ни пыталась сделать вид, будто больше не любишь меня, твои взгляды куда красноречивей слов...»

– Да при чем здесь вы! Этот прилипший как банный лист придурок с атрезией⁵ межушного ганглия⁶!

«Я понимаю, что, будучи замужней женщиной, ты не можешь открыто выражать свои чувства, но знаю, что они никуда не исчезли».

– Вы-то хоть в своем праве! А этот... – Я потрясла листом, подбирая слова. Как на грех, почти все выходили нецензурными. – Почему мужики через одного такие самоуверенные бестолочи?!

– Не уводите тему в сторону, – жестко произнес Ксандер. – Мы говорим не об умственных способностях мужчин, а о вас и авторе этого... Что между вами?

– Ничего! Я не стала бы давать клятвы верности вам, если бы любила другого!

Не я, но сейчас это неважно. «Я другому отдана и буду век ему верна» – не совсем моя ария, и все же я предпочитаю не смешивать в одной постели разных мужчин. А сейчас мне и вовсе не до них.

– А что было?

«Те минуты блаженства, что ты мне подарила, навсегда останутся...»

Что???

– Я не обязана отчитываться вам о том, что происходило до того, как я согласилась стать вашей женой, – огрызнулась я, лихорадочно соображая.

Если консумация брака соединяет семьи, превращая мужа не просто в члена семьи, но в кровного родственника, которого узнает магия, невеста должна хранить девичество. Дикость и варварство, конечно, Ксандер-то наверняка давно не мальчик. Но правила игры были известны Алисии. Неужели настолько потеряла голову? Нет, не может быть, чтобы моя предшественница была настолько глупа, чтобы влюбиться в этого и позволить ему...

– Интересная точка зрения. Так вы потому не пускаете меня в свою постель? Бойтесь, будто я обнаружу, что кто-то успел раньше? Что я узнаю об этом и наказания не... – Он шагнул ближе, нависая надо мной, и я не выдержала:

– Да делайте что хотите!

Осознание, что я в полной власти этого человека, что он может заставить меня расплатиться за чужие грехи, сорвало остатки самоконтроля. Так себе у этого разума был самоконтроль, если уж начистоту, но мне уже море стало по колено. Вместо того чтобы попятиться, попытаться сбежать, я тоже шагнула навстречу мужу, задрав голову, выкрикнула:

– Вы уже убили меня один раз, так чего мелочиться? Убьете второй раз и наконец овдовеете, как и мечтали!

Ксандер резко притянул меня к себе за плечо – я успела только пискнуть. Вторая рука легла мне на затылок, пробралась в волосы. Я вскрикнула – череп словно проткнули здоровенной спицей от затылка до лба

Ксандер выпустил меня, отступая, и бешенство на его лице сменилось... виной?

– Что вы сделали? – спросила я, растирая затылок.

Боль прошла, сменившись странной легкостью. Исчезла тяжесть в голове, которую я до сих пор толком не осознавала, но она пригибала меня к земле все это время.

– Убрал аневризму с артерии на затылке. Аневризма – это патологическое расширение истонченной стенки....

– Я знаю, что это такое, – перебила я.

На его лице промелькнуло изумление, сменившись отстраненной маской.

– И рубец вокруг нее и на лобной доле. Вы обращались к целителю, после того как убежали из мое... нашего имения?

– Нет.

– Нет или не помните? Кратковременная потеря памяти нормальна для травмы головы. – Голос его тоже стал профессионально-спокойным, таким тоном собирают анамнез.

– Не помню, – поспешно поправила я.

Потеря памяти не кратковременная, но я все еще не была уверена, что стоит об этом говорить. С одной стороны, самый удобный момент для признания. Не в том, кто я, конечно, а в том, что прошлое для Алисии перестало существовать. С другой – учитывая предыдущий, гм, разговор, не сочтет ли он, что я пытаюсь увильнуть от признания, отговорившись беспамятством? Или, того лучше, что травма

необратимо отразилась на моем разуме, чего только стоит «вы меня убили!».

– Раньше вы ударялись головой? Затылком? До позавчерашнего вечера?

– Не помню.

Ксандер кивнул – резко, точно клюнул.

– И что произошло непосредственно перед тем обмороком, тоже не помните?

– К чему все эти вопросы?

Он отвел взгляд, голос зазвучал безэмоционально, словно у лектора:

– Аневризма бывает врожденной, но ваша выглядела следствием травмы, учитывая рубцовые изменения ткани мозга вокруг нее. Еще я видел трещину в затылочной кости, но не могу сказать, свежий ли это перелом, сращенный магией, или давний: плоские кости черепа не образуют костной мозоли. Повреждения лобной доли могли образоваться в результате контрудара либо другой травмы – опять же, я не могу определить их давность. Поэтому я спросил, обращались ли вы к целителю вчера или сегодня и ударялись ли головой раньше.

Глава 16

Я не ответила. Успокаивать совесть этого типа, придумывая сказочку, как в детстве свалилась с качелей, я не собиралась, но и правда вызовет много вопросов. Такие травмы за полдня сами не заживают. Мне-то было очевидно, когда образовалась и аневризма, и рубец – та же непонятная сила, что перетянула меня сюда, заменив Алисию, залечила травму, которая ее убила. Не до конца; наверное, потому что и магия не всеильна.

Интересно, Алисия исчезла навсегда или очнулась в моем теле?

Додумать эту мысль я не успела. Перед Ксандером появилось разноцветное облачко, из которого сформировалось нечто вроде объемного изображения головы по плечи. Мужской головы, насколько я могла судить, видя лишь седой... нет, белокурый затылок.

– Приветствую, – сказал мужчина. – Ксандер, ты знаешь, что кумушки уже все языки стесали, обсуждая вас с женой?

Я ожидала, что муж что-то ответит, но он промолчал. Впрочем, и человек продолжал, будто и не ждал ответа:

– Особенно после того, как с дома Монро исчезла защита. Понимаю, что с такой прелестной женой не до визитов...

Кажется, я зарычала, но Ксандер удостоил меня лишь короткого взгляда, а говоривший словно и вовсе не услышал:

– ...но не стоит совсем уж забывать о приличиях. Я заеду к вам через час. В особняк Монро, я имею в виду, вы же там скрываетесь от света.

Муж отчетливо скрипнул зубами, но снова не возразил. Или этот человек не из тех, с кем спорят, или это не человек вовсе, а его проекция вроде видеосообщения в мессенджере, только волшебная.

– На правах старого друга, так что никаких церемоний. До встречи.

Ксандер проглотил едва не прорвавшееся ругательство, перевел взгляд на меня.

– Вы ведь не знакомы с наследным принцем Калленом?

Я покачала головой. Выходит, и догадка моя была правильной – этому человеку не отказывают. Даже если он называет себя старым другом.

– Значит, познакомитесь в другой раз. Сейчас я отправлю ему извинения, сказав, что не дома.

– Во что вам это выльется? – поинтересовалась я.

Принцам не отказывают, даже если они называют себя друзьями. Не то чтобы меня сильно волновало благополучие Ксандера, но, как ни крути, его проблемы неминуемо отразятся на мне, ведь в глазах всех я его законная жена. Да и не стоит, собираясь начать свое дело, заранее настраивать против себя власти.

– Это мои проблемы. В любом случае мы не сможем встретить его как положено.

На миг я ощутила укол вины. Я уже здорово подставила мужа. Не то чтобы он совсем не заслужил, но усугублять ситуацию не стоит.

– Как следует встречать принца? И почему вы уверены, что мы этого не сможем?

– Потому что у нас всего час, – сказал он так, будто это все объясняло. Но я продолжала смотреть на него с вопросом, и муж добавил: – Кухарка не успеет. Я послал за ней, когда обнаружил, что в доме нет прислуги, и велел предварительно купить все, что нужно.

– Час – это прорва времени, если заняться делом. Что требуется от приема? Десяток разносолов?

Я начала мысленно перебирать продукты, соображая, что из них можно соорудить быстро и вкусно. Знать бы заранее, купила бы что-нибудь поафосней. Только что? Икра здесь деликатесом не считалась, судя по цене...

Бульон с гренками? Мясной свариться не успеет, а овощной – вполне, если заняться им прямо сейчас. Куриная грудка в сливках с домашней пастой? Сладкие блинчики с ягодным соусом: сегодня на рынке я купила туесок⁷ малины. Что ж, придется пустить его в дело, вместо того чтобы слопать в одиночестве, довольно урча.

Или слишком простой стол?

Ксандер едва заметно поморщился, точно услышал заведомую глупость, и мне тут же расхотелось ему помогать. Тоже сделаю вид, будто у меня лапки, новобрачной это простительно. Пусть отказывает, а потом выкручивается, как знает.

– Нет, не десяток. Каллен... его высочество едет без предупреждения, значит, это не официальный визит.

Нет, нельзя мне так поступать. Подставляя мужа, я подставляю и себя. И если я намерена зарабатывать, причем на лекарствах или зельях, как их тут называют, я должна показать себя хорошей и чистоплотной хозяйкой, поддерживая свою репутацию. Это мужчинам прощается безалаберность в быту, женщине – никогда, каких бы карьерных высот она ни достигла.

– Будь это кто другой, отделались бы короткой беседой. Но...

– Но это принц, и, с одной стороны, ему нужно оказать почести. Но одновременно делая вид, будто к нему относятся как к равному? Судя по тому, как он к вам обращался.

Ксандер кивнул:

– Да, мы с ним друг другу многим обязаны. Поэтому я уверен, что его высочество примет мои извинения.

Перед его лицом начало собираться перламутровое облачко.

– Не надо! – воскликнула я.

Облачко растаяло, муж раздраженно посмотрел на меня.

– Алисия, вы и без того натворили дел.

– Именно поэтому, – не стала сдаваться я. – Незачем усугублять ситуацию.

Ксандер явно заколебался, и я добавила:

– В конце концов, это и в моих интересах.

– Что вы предлагаете?

– Скажите, насколько пышным должен быть стол?

– Вполне достаточно чая и десертов. Одного мокрого и одного сухого. Мокрый, – добавил муж, глянув на меня так, словно он напоминал, что дважды два четыре, – едят ложками, сухой – руками.

– Я правильно понимаю, что никто не ожидает, будто моя... наша кухарка переплюнет дворцовых поваров?

– Правильно. Обычно я нетребователен к еде, и все это знают.

– Хорошо. Последнее: вы поможете мне? Второй парой рук и, возможно, магией?

Он ответил не сразу:

– Алисия, вы уверены? Я слышал, что кулинарии в вашем приюте учили из рук вон плохо.

– Я знаю, что делаю. Пожалуйста, поверьте мне.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Распоряжайтесь.

Я вытащила из гардероба два фартука, бросив один мужу. И едва не рассмеялась, увидев выражение его лица.

– Наденьте. Не хватало еще, чтобы вы вышли к принцу обсыпанный мукой и в пятнах от сливок.

Ксандер поколебался мгновение и начал завязывать фартук, настороженно глядя на меня – не поднимут ли на смех. Но длинный передник с рюшечками и кружавчиками на его широкоплечей узкобедрой фигуре вызывал не смех, а умиление.

«Так, некогда лужицей растекаться, – одернула я себя. – Дело надо делать».

Я устремилась к кухне, Ксандер за мной.

Значит, один десерт, который едят ложкой, и один – руками. Что у меня там есть?

– Скажите, вы можете магией быстро заморозить... скажем, пол-литра сливок?

– Могу, – недоуменно пожал он плечами. – Вы тоже, наверное.

– Если не буду занята другим, – нашла я отговорку.

Значит, с первым десертом все ясно. Мороженое. Самое долгое в нем – замораживание, но с этим поможет магия. То, что едят руками... Нет, пожалуй, со сладкими блинчиками заморачиваться я не буду,

сковородки незнакомые, кто знает, как они себя поведут. Хворост. Не тот, который вымешивают и раскатывают, это долго. Из жидкого теста. Формочек, правда, нет, зато есть металлическая толкушка, которая прекрасно их заменит.

– Мойте руки, – приказала я, подавая пример.

Растопить плитку оказалось легко – просто коснуться ее магией, и артефакт отозвался, вернув мне часть тепла. Пусть греется.

Начну с мороженого. Нет, сперва, пока Ксандер не занят...

Я вручила ему каменную ступку и сахар.

– Разотрите в пудру, пожалуйста.

– Если вдруг мне надоест быть целителем, смогу претендовать на место поваренка, – усмехнулся он, принимаясь за дело.

Так, мороженое... Хорошо, что Ксандер не убрал продукты в пресловутый «вечный ящик» – не придется спрашивать, откуда их доставать.

Я отделила белки от желтков, отставила пока в сторону. Успею – сварю простейшую меренгу, как раз дополнит мороженое. Но, скорее всего, не успею, уберу до завтра, а там уже или сделаю простое безе, или, если совсем лень будет, – омлет в лучших традициях фитоняшек.

Гадать, как регулировать силу жара, не пришлось – на плите были круглые ручки, почти как в моем мире. Отличная штука – магия, с дровяной печью так бы не получилось.

Пока грелось молоко, я быстро взбила желтки с сахаром, не особо усердствуя – все равно, пока прогреваю, сахар разойдется. Добавила горячее молоко и вернула на плиту, теперь на медленный огонь.

– Готово, – сказал Ксандер, возвращая мне ступку.

– Спасибо. – Я вручила ему перелитые в кастрюльку сливки и еще один, чистый, венчик. – Остудите их, пожалуйста, не замораживая, и взбейте. Только не переусердствуйте. Нужна пена, а не масло.

Он взял в руки кастрюльку.

– Если есть риск перестараться, может, вы сами этим займетесь? А я послежу за... варевом. – На его лице снова промелькнуло нечто... нечто неуловимое. – Когда-то я немного учился варить зелья. Как определить готовность?

– Когда начнет густеть. Проводите пальцем по лопатке, если остается след, значит, пора снимать.

Ксандер кивнул с отстраненным видом, вернул мне кастрюлю.

– Осторожней, холодное.

В самом деле холодное, жаль, я не посмотрела, как именно работала магия, пока объясняла. Хорошие сливки, и взбиваются отлично, даром что венчиком.

– Все, – сказал Ксандер, показывая мне лопатку

Я, осторожно перемешивая, влила в сливки яичную смесь, вернула ему кастрюлю и лопатку.

– Теперь так. Замораживаете по краям, слоем где-то в полпальца. Перемешиваете. Снова замораживаете. И так пока не получится...

– Гомогенная⁸ смесь?

– Да, мороженое, – кивнула я, с трудом сдерживая смех.

Когда-то в троллейбусе я узнала коллег, еще не видя лиц, услышав: «Я в кабачковую икру овощи сперва обжариваю, так она более гомогенная получается». Кажется, целитель – в любом мире целитель.

Теперь хворост.

Я налила масла в глубокую сковородку, поставив греться. Смешала жидкое тесто на воде с яйцами, ложкой сахара и щепоткой соды, плеснула туда добытого в лавке с травами спирта – Ксандер изумленно вскинул брови, но промолчал. Прогрела в раскаленном масле металлическую решетку толкушки.

Теперь самое сложное – макнуть ее в тесто только нижней плоскостью, не залив целиком. Снова сунуть в масло, чтобы тестяная решетка осталась плавать, прогреть с полсекунды – и в тесто, а потом снова в масло. Буквально через полминуты перевернуть, дать зазолотиться и вытащить шумовкой на бумажное... здесь бумажных нет, придется пожертвовать нормальным полотенцем. Откипячу потом, если что.

Через четверть часа на тарелке выросла горка золотистого хрустящего кружевного хвороста. Я присыпала его сахарной пудрой и отставила в сторону. Глянула на часы. Есть время, но, пожалуй, с меренгами рисковать не стоит. Тогда – быстро подварить малину с сахаром и протереть, отделяя косточки – вот и топпинг к мороженому.

– Готово, – сказал Ксандер.

Я попробовала мороженое. Чуть мягковато.

– Проморозьте целиком, пожалуйста. Только не до абсолютного нуля.

Он усмехнулся, но просьбу исполнил. Вот, теперь как надо. Горячей ложкой легко сделать шарик, но он не расплзется мгновенно.

– Это пока в хол... в «вечный ящик», – распорядилась я. – А это, – я подвинула к нему малиновый соус, – охладите до комнатной температуры, пожалуйста. Я пока поставлю греться чайник.

Глава 17

– Не думал, что можно научиться готовить, просто наблюдая, как это делают другие, – заметил Ксандер, выполняя мою просьбу.

– Прошу прощения? – не поняла я.

– Я слышал, что в приюте, где вы воспитывались, обучали кулинарии, но очень своеобразно: ставили наблюдать за работой кухарки.

Я пожала плечами:

– Мало ли что говорят. – И поспешно сменила тему: —У его высочества нет аллергий на травы?

– К чему вам это знать? – насторожился Ксандер.

– Хочу добавить в чай. – Нет, душицу лучше не предлагать. От пары кружек чая проблемы с мужской силой, конечно, не появятся, но береженого бог бережет. – Чабрец и мяту.

– Принц терпеть не может мяту.

– Поняла, спасибо.

Я вытащила из шкафа заварочный чайник, поставила на край плиты – пусть прогреется. Подготовив заварку и травы, убрала корзину в шкаф. Надеюсь, визит не затянется, и у меня будет время все разобрать и разложить по местам. И привести в порядок шкафчики, повесив, как полагается, дверцы.

Еще предстоит ужин, одна бы я и яичницей обошлась. Вот, спрашивается, почему у мужчин отрастают лапки, едва рядом появляется женщина? Все мои кавалеры умели готовить, и все стремительно утрачивали это умение, едва наши встречи становились регулярными, не говоря о совместном быте.

От Ксандера, впрочем, умения готовить ждать не приходится – для этого прислуга есть. Хотя надо отдать ему должное, одна я могла бы и не успеть управиться, а так даже останется немного времени отдохнуть. Может, переплести волосы по-быстрому, как на каком-то старинном портрете: две косы кольцами на висках, одна узлом на

макушке? Несложно, когда волос хватает, но я на свои и в прежней жизни не жаловалась, а в этой и вовсе копна.

– К слову, зачем вам столько трав? – поинтересовался Ксандер.

– В приправы, – ответила я, не желая вдаваться в подробности.

Уставилась на чайник, словно мой пристальный взгляд мог ускорить закипание. Начала мысленно перебирать, все ли в порядке. Дом вылизан, и со вчерашнего дня пачкать было особо некому. Угощение готово. Беседа – забота мужа.

Стоп.

– Как следует приветствовать принца?

– Реверансом, – недоуменно ответил Ксандер. – Я вовсе перестаю понимать, чему и как вас учили в приюте.

Я снова пожала плечами – понятия не имею, чему там учили. Вспомнила еще кое-что. Обернулась к мужу.

– Очень прошу вас: если не хотите поставить себя и меня в неловкое положение, не просите меня сыграть, или спеть, или что-то подобное. Развлеките гостя ученой беседой, а я буду смотреть на вас обоих восхищенным взглядом и хлопать ресницами, как и полагается юной новобрачной.

– Почему? У вас прекрасный голос, и играете вы хорошо.

– Откуда вам-то знать?

– Гости были в восторге, когда вы музицировали в нашем имении.

Слухи наверняка дошли до принца, и он захочет послушать.

Деваться некуда, придется все же признаваться.

– Я этого не помню, – ровным голосом произнесла я.

Он застыл на миг, сверля меня взглядом.

– Вот как? Решили сменить тактику после того, как узнали...

Внутри глухо заворчалось раздражение – сколько можно видеть во мне не то дурочку, не то прирожденную актрису, не то все разом! И вообще, о последствиях черепно-мозговых травм я не сегодня впервые услышала. Я не стала давать воли этому чувству – не время и не место сейчас для истерик и скандалов.

– Думайте что хотите. – Я посмотрела мужу прямо в глаза. – Но, очнувшись после того, как вы «перестарались с воспитанием», я не смогла вспомнить, где я и кто вы. И до сих пор не помню ничего из случившегося до этой минуты. Ни своего детства, ни приюта, ни вашего предложения, ни почему я на него согласилась.

Ксандер нахмурился.

– Алисия, это не смешно. Если боитесь, что я все же вернусь к разговору, прерванному вестником от принца, лучше подберите достойное объяснение вместо того, чтобы придумывать нелепицы. Потому что я все равно к нему вернусь.

– Это в самом деле не смешно, – согласилась я. – Если личность – это память и опыт, то девочка из приюта, на которой вы женились, умерла.

– Но при этом вы помните, как готовить, знаете, что такое «аневризма» и смысл слова «гомогенный»?

– Возможно, в трещину черепа проникло немного новых знаний, – не удержалась я от ехидства.

– И храните в спальне любовные записки? От человека, которого должны были бы забыть вместе со всем остальным?

Я хотела было сказать, что не храню и вообще не знаю, каким образом Айгор умудрился телепортировать ее в спальню, не вылезая из-за рояля, как вспомнила – пауза в разговоре с Люцией, слышно, как муха стучит о стекло... Вот же паршивец!

Мои размышления прервал звук «дверного звонка».

Ксандер озадаченно перевел взгляд на часы, висевшие на кухне. Я понимала его: даже в наше не слишком замороченное этикетом время являться в гости раньше оговоренного бестактно.

– Горничная, – сообразил он. – Или кухарка. Пойдемте. Нашу увлекательную беседу продолжим потом.

Я не стала спорить. Поругаться у нас еще будет время – очень, очень много времени, судя по всему.

За дверью оказалась женщина возраста Ксандера. Глухое темное платье под горло, гладко зачесанные волосы. За ее спиной маячили два крепких мужчины.

– Ты вовремя, Энн, – сказал ей Ксандер, обернулся ко мне. – Алисия, в день свадьбы вам было не до того, чтобы как следует познакомиться с Энн, но у нее хорошие рекомендации, и она вам понравилась... как мне показалось, – добавил он.

Неужели поверил? По крайней мере прозвучало это так, будто он представил мне горничную, при этом не знакомя заново. Или я придумываю? Но не спрашивать же открыто...

– Покажите, куда занести ваш гардероб, и переоденьтесь, пока еще есть немного времени.

Опять переодеваться? Сколько раз на дню дама должна менять наряды? Я вздохнула и покорилась неизбежному.

Мужчины занесли в гардеробную здоровенный сундук и исчезли. Горничная откинула крышку.

– Прошу прощения, миледи, дайте мне, пожалуйста, немного времени разобрать и подготовить ваши туалеты.

– Тогда, может, не будем переодеваться? – обрадовалась я. – Гость, который свалился нам на голову, должен прибыть с минуты на минуту.

– Ну что вы! – воскликнула она.

Безошибочно сунувшись в шкафчик у стены, извлекла оттуда таз, на вид – оцинкованный. Неужели Энн бывала в доме? Или просто подобные шкафчики во всех домах служили одинаковой цели?

– Еще раз простите, где я могу набрать воды? – спросила она.

– Ванная через две двери, как выйдешь из комнаты, сразу направо.

– В доме есть ванная? – удивилась она.

Я кивнула, не слишком понимая, что в этом странного.

Энн подхватила тазик и торопливо выскользнула из комнаты. Я заглянула в сундук: на самом верху лежало что-то ярко-изумрудное. Кто, интересно, подбирал гардероб для Алисии?

Горничная вернулась в считанные минуты. Пристроила таз на шкафчик.

– Водные артефакты просто потрясающее изобретение, миледи!

Водные артефакты? Я думала, обычный водопровод. Значит, можно не опасаться, что вчерашняя вода из крана все-таки мне аукнется. Едва ли магия станет создавать воду с микробами.

Я хихикнула – рассуждаю тут, на что способна или неспособна магия, знаток нашлась!

– Повернитесь миледи, я помогу вам раздеться, – скомандовала горничная.

– Но зачем? – заупрямилась я.—Занимайтесь спокойно своей работой...

Я осеклась, когда она бесцеремонно зашла мне за спину и начала расшнуровывать платье.

– Это дневное платье, а дело к вечеру, – сказала Энн, будто это все объясняло. – С вашего позволения, я все же займусь своей работой.

Действовала она куда ловчее Люции, и не прошло и минуты, как я оказалась лишь в сорочке и панталонах. Горничная обмакнула невесть откуда извлеченное полотенце в таз, протянула мне.

– Оботритесь, миледи. Я пока достану свежее белье и платье. Насколько важный гость ожидается?

– Его высочество наследный принц, – сказала я, искренне надеясь, что назвала его правильно.

В дореволюционной России за ошибку в титуле членов царской семьи можно было и в Сибирь загреметь.

– Большая честь служить в вашем доме, миледи, – сказала она. – Еще раз простите, что я...

– Перестань. – Я отвернулась, стянула сорочку, смущаясь неизвестно чего.

Надо же, я думала, что разучилась стесняться еще на первом курсе меда.

– Простите, миледи.

За спиной что-то зашуршало.

– Давайте я помогу вам надеть сорочку, миледи, – сказала Энн.

За сорочкой последовала нижняя юбка, еще одна – со множеством оборок. Нижний корсаж, заменявший корсет. Сатиновая юбка глубокого зеленого цвета, украшенная завязанными в банты лентами, и корсаж того же цвета.

– Сядьте, миледи, я уберу вам волосы, – велела горничная, отодвигая от зеркала банкетку.

– А успеем? – спросила я, усаживаясь.

Энн накинула мне на плечи полотенце.

– Простите, миледи, пеньюар я достану позже. – Она быстро и ловко извлекла шпильки, прочесала волосы редким гребнем, на удивление бережно. Не успела я опомниться, как волосы были уложены.

– Да ты просто волшебница! – восхитилась я, разглядывая в зеркало сложное переплетение прядей.

– У вас чудесные волосы, миледи, – сказала Энн. – На них даже самая простая прическа выглядит хорошо.

Кому простая, а кто в жизни такое на себе не соорудит. Всю жизнь я обходилась обычной косой или пучком на затылке.

– Все готово, миледи.

Она сняла с моих плеч полотенце. Я снова уставилась на себя в зеркало. Или все же не на себя? Никогда я не была такой красавицей. Ткань корсажа оказалась как раз такого оттенка, чтобы превратить бледную кожу в изысканно-белую и придать кошачий зеленоватый отблеск моим вообще-то серым глазам. Декольте – неглубокое, но все же заметное, и убранные наверх волосы подчеркивали стройную шею и линию плеч. Красотка в зеркале явно не умела сутулиться. И – я чуть приподняла голову – никого и ничего не боялась.

– Спасибо, Энн, – сказала я, вставая и расправляя юбки.

Двигаться во всех этих ворохах ткани поневоле приходилось плавно и с достоинством. Женщина, одетая так, не побежит за автобусом и не поволочет на себе сумки из магазина.

– Позвольте туфельки, миледи. – Горничная присела передо мной на колени, и я почувствовала себя неловко.

– Я и сама могу.

Она промолчала, помогая мне переобуться в атласные туфельки с драпировкой на мысках и совершенно без каблука.

– Я разберу ваши туалеты.

А шкаф-то занят!

– Энн, в шкафу – туалеты моей матери. Они мне дороги. – Пусть хозяйка этого дома и не была мне матерью, но я хотела оставить хоть что-то, связывающее с ней. – Если среди них найдутся те, что будут выглядеть милой отсылкой к старине, оставь их, пожалуйста. Остальные можешь убрать, но не выбрасывай.

– Как я могу что-то выбросить без вашего разрешения! – испугалась она.

Вот и хорошо. Я шагнула к двери.

– Миледи, еще украшения, – донеслось мне вслед.

– Обойдусь, – отмахнулась я, все равно толком не умею их носить.

– Но... – донеслось мне вслед, но дальше я уже не слышала.

Мне казалось, по лестнице придется спускаться осторожно, контролируя каждый шаг, но стоило подумать, что надо бы подобрать юбку, как одна рука сама подхватила подол, не столько поднимая, сколько прижимая его к бедру, а вторая легла на перила, но не цепляясь за них, а едва касаясь.

– Спасибо вам за Энн, – совершенно искренне поблагодарила я, спускаясь по лестнице. – Она великолепна.

И восхищенный взгляд Ксандера был мне ответом.

Глава 18

В следующий миг лицо его потемнело. Ксандер поддернул рукав, стянул браслет – такой же простой и тонкий, как был и у меня. Едва я шагнула на последнюю ступеньку, поймал меня за запястье и молча надел украшение. Блеснула разноцветными переливами магия, металлический обруч сжался, став как раз мне по руке.

– Полагаю, куда вы дели свой, вы тоже не помните, – сказал муж, тщательно поправляя обшлага так, чтобы полностью скрыть запястье.

Я заколебалась. Сказать правду: подозреваю, что его стащил чересчур навязчивый поклонник? Вопрос номер один: как я объясню пребывание чужого мужчины в собственной спальне? Ну то есть я-то знаю, что ни в чем не виновата, но поди докажи. Вопрос второй: если муж мне поверит, что он сделает с Айгором? С него ведь и прибить станется, и что потом? Не то чтобы мне было жалко соседа, сам нарвался. Но, во-первых, подозрения – не повод для убийства, а во-вторых, мне было по-настоящему жаль Люцию. Какой бы она ни была, сын у нее единственный.

Впрочем, Ксандер и не ждал ответа.

– Пока вы одевались, пришла кухарка. Ее зовут Руби. Я велел ей пойти на кухню, заварить чай и разобрать продукты.

– Спасибо, – кивнула я, коснулась браслета.

Тонкий ободок ощущался чем-то вроде кандалов. Знак принадлежности мужчине, которого я вовсе не выбирала.

– Не советую терять и его, – усмехнулся Ксандер.

Возможно, он хотел что-то добавить, но в который раз за этот вечер пиликнул «звонок».

– Пойдемте. – Он подставил мне локоть. – Не прошу вас притворяться любящей супругой, но, чтобы не поставить себя и меня в неловкое положение...

Я скрипнула зубами – он говорил ровно теми же словами, что и я, когда просила не заставлять меня музицировать.

– ...постарайтесь вести себя прилично.

Я обратила на него самый наивный взгляд, который только могла изобразить, и захлопала ресницами. Ксандер снова усмехнулся и отворил дверь.

Принц выглядел моложе Ксандера, но старше Айгора. Высокий, плотный – не толстый, а именно плотный, светловолосый и круглолицый. Этаким Иванушка из старых фильмов. Но стоило заглянуть ему в глаза, и становилось ясно – дурачком он точно не был. Наверняка прекрасно знал, какое впечатление производит, и пользовался этим. Интересно, много ли голов тех, кто решил, будто хитрее этого простодушного медведя, уже полетели с плахи? Хотя пока он принц, а не король...

Ксандер поклонился, я присела в реверансе, и опять, как на лестнице, тело словно само вспомнило, что делать. Нет, все-таки отличная штука – нейронные связи. Жаль, что они все же не заменят память.

– Рад видеть, граф, – кивнул принц. – Графиня, вы обворожительны.

– Спасибо, ваше высочество. – Я снова склонила голову.

Ксандер жестом пригласил гостя в дом.

– Алисия, будьте добры, позаботьтесь об угощении...

– Не стоит беспокойства, – запротестовал принц.

Я бросила быстрый взгляд на мужа, тот едва заметно качнул головой.

– Ну что вы, никакого беспокойства, – заверила я. – С вашего позволения...

Я направилась на кухню, краем уха прислушиваясь к отдаляющемуся разговору.

– В медовый месяц ты решил заделаться аскетом? Собственноручно открывать дверь и заставлять жену носить угощения гостям?

– Алисия соскучилась по родному дому и пока не слишком опытна в обращении с прислугой, – сказал муж. – За пару дней я не переломлюсь, открывая дверь, тем более, что скоро должен прибыть Томас с моими вещами.

Я мысленно ругнулась. Вот ведь как вывернул – что это он сделал мне одолжение, а не я ему, разрешив пожить в собственном доме. Еще и Томас. Лакей? Да какая разница – снова чужой человек рядом.

А как бы я попробовала запретить мужу остаться в доме? И что бы сделала, если бы он просто взял меня в охапку и уволок к себе?

Снова бы в окно прыгала? Тогда-то я была уверена, что вернусь домой, а сейчас бежать мне некуда.

– Скорее всего, медовый месяц мы проведем здесь, тихо и скромно, – продолжал Ксандер.

– Положим, тебе все равно, кроме своего дела, вовсе ничем не интересуешься, но жену-то за что запер? Такая красавица должна блистать в свете.

Что ответил муж, я не услышала, мысленно перебирая свой словарный запас нецензурный слов, русских и латинских. «Должна» я блистать! А меня кто спросил?

Как ни странно, успокоиться удалось гораздо легче, чем утром. Но удивляться внезапно обретенному самообладанию было некогда. Едва я вошла на кухню, мне навстречу поднялась женщина лет сорока пяти и поклонилась. Невысокая, полная – какой обычно и представляется повариха, но вместо здорового румянца мне бросилась в глаза бледность. Даже губы у нее были белыми.

– Здравствуй, Руби, – сказала я.

Обращаться на «ты» к незнакомому человеку старше себя было неловко, но сословное общество диктовало свои правила. Сегодня на рынке я по привычке обратилась к молочнице «вы» и обидела ее – женщина решила, будто я над ней издеваюсь. А потом еще Люция долго отчитывала, что незачем переносить в свет приютские привычки. С моим статусом... Как же я устала слышать о своем статусе.

– Чайник вскипел, миледи, – сказала кухарка. – Я заварила чай, когда услышала, что пришли гости.

– Спасибо. Будь добра, возьми в угловом шкафу креманки, в хол... «вечном ящике» мороженое и разложи.

Я начала расставлять на подносе все, что нужно. Чашки, чайник, десертные тарелочки, блюдо с хворостом. Нет, на один поднос не поместится.

– Поставь вот сюда и помоги мне донести. – Я достала второй поднос.

– Да, миледи. – Она подхватила его и креманки.

Я двинулась к гостиной и едва не выронила еду из рук, когда за спиной загрохотало.

Я обернулась. Кухарка опиралась о стену, хватая ртом воздух, у ее ног валялся поднос, шарики мороженого разляпались белыми пятнами.

– Тебе плохо? – встревожилась я, лихорадочно соображая, как освободить руки и помочь женщине сесть.

– Нет-нет, мне хорошо, – запротестовала она, кое-как отлепляясь от стены.

Да, я вижу, как хорошо, вон снова в сторону повело. И лоб блестит от пота.

– Я подвернула ногу и... простите, миледи, я такая неуклюжая. Слава богу, мороженое еще осталось, сейчас я положу и все приберу. За посуду вычтете из моего жалованья, как это обычно делают. Просто подвернула ногу, я совершенно здорова.

Это упорное «я совершенно здорова» звучало слишком уж настойчиво. Конечно, никто не станет держать в доме больную прислугу, да еще и слухи пойдут, и в другой дом не устроится.

– Хорошо, – согласилась я.

Когда гость уйдет, непременно расспрошу кухарку, что с ней. В конце концов, в доме целый придворный целитель есть. Хотя снизойдет ли он до кухарки? Я-то давно не врач, только теоретические знания и остались, да и те...

– Еще раз простите, миледи...

Поняв, что единственный способ прервать поток извинений – просто уйти, я так и поступила. Вернувшись к гостю, расставила тарелочки и чашки, разлила чай, то и дело поглядывая на мужа, и судя по тому, как он едва заметно опускал ресницы в ответ на мои взгляды, все делала правильно.

– Сейчас принесу мороженое, – пропела я и удалилась, шурша юбками и чувствуя спиной взгляды обоих мужчин.

Интересно, если качнуть бедрами, как это делалось в нашем времени, будет заметно под всеми этими слоями ткани? Или лучше не рисковать? Но походка вспомнилась сама собой, и, судя по тому, как принц «завис» на полуслове, сработало. Я мысленно хихикнула. Ксандер взбесится, но эта мысль не напугала, а развеселила.

Вообще странно, как резко у меня изменилось настроение с утра. То я всего боялась, срывалась по любому пустяку и готова была пристукнуть любого, кто не успеет увернуться, а сейчас... Нет, я не превратилась в воплощение спокойствия, но стала гораздо

уравновешенней. Сейчас я больше напоминала себе... себя такой, какой привыкла быть.

Что изменилось? Браслет? Я в который раз тронула тонкий обруч и вдруг осознала, что Ксандер натянул его на меня, не помечая собственность, а чтобы принц не начал задавать вопросы. «Я-то мужчина, мне все равно, а вашей репутации конец», – вспомнилось мне.

Или я опять домысливаю за него, придумывая невесть что?

Как бы то ни было, браслет ни при чем. Легче мне стало раньше. Когда Ксандер убрал аневризму и рубцы – по крайней мере сказал, что убрал.

Я даже остановилась на миг. Похоже, именно в этом и дело: поражение мозга отразилось на психике, пусть не напрямую, добавив мне проблем с самоконтролем. А Ксандер меня вылечил.

Спросить у него, что ли, действительно ли в этом дело? Я не слишком сильна в неврологии.

Нет, опять скажет, что я притворяюсь и сочиняю отговорки. И если «гомогенность» можно объяснить, дескать, услышала от отца, и запало в память слово, то объяснить, откуда я знаю о влиянии органических поражений мозга на психику, так просто не получится.

А ведь все равно рано или поздно придется объяснять. Если я решу заняться делом, у мужа неизбежно появятся вопросы.

«Вот когда появятся, тогда и буду думать», – решила я, снова заходя в кухню.

Руби уже разложила мороженое по креманкам – хорошо, что мы с самого начала сделали с запасом! – и теперь, присев на корточки, собирала с пола осколки.

– Сейчас я все уберу, миледи, – заверила она меня.

– Хорошо, и отдохни потом. Голова не кружится?

– Я просто оступилась, – упрямо повторила она. – Я совершенно здорова.

Покачав головой, я вернулась к гостю.

– У вас отличная кухарка, – сказал принц, попробовав мороженое.

– Спасибо, ваше высочество, я ей передам. Уверена, ей будет приятно это услышать.

От меня не ускользнула улыбка, промелькнувшая на лице мужа. Принц между тем не унимался:

– Все же я считаю, что граф неправ, заставляя молодую жену жить в таких, – он покрутил кистью, точно подбирая слова, – суровых условиях.

– Это мой дом, и я люблю его, – сказала я так мягко, как могла.

– Простите, я вовсе не хотел сказать что-то плохое о вашем доме. Но вам наверняка тяжело справляться с ним почти без прислуги. В особняке Гилбрайт больше дюжины слуг, и я считаю, что, – он многозначительно посмотрел на Ксандера, – дом в отсутствие хозяев требует меньше забот. Ваш супруг вполне мог бы перевести их сюда вместо того, чтобы с первых же дней подвергать вас испытанию.

Интересно, кого принц сейчас проверяет – мужа или меня? Я захлопала ресницами.

– Прошу прощения, ваше высочество, но я не могу с вами согласиться. Я считаю, что граф Гилбрайт поступил как по-настоящему заботливый супруг, давая мне время побыть в родном доме и освоиться со своим новым положением.

Жаль, что нет фотоаппарата, кажется, даже гипотетические красные панталоны не шокировали Ксандера до такой степени.

– Мне было бы куда труднее сразу попытаться справиться с такой уймой слуг, – продолжала я. – И я привыкла...

Договорить я не успела. Перед принцем повисло облачко, из которого соткалась голова в золотистых локонах.

– Ка... ваше высочество. Кажется, началось... Вы обещали, что придворный целитель...

Принц подскочил и обратился к Ксандеру:

– Поедешь в моем экипаже...

Муж невозмутимо отхлебнул чай.

– Сядьте, ваше высочество. Роды – это надолго.

– Ксандер, не при твоей... – возмутился принц.

Мне надо было покраснеть и рухнуть в обморок? Я изобразила улыбку Джоконды и ковырнула ложечкой мороженое. Муж продолжал, тоже совершенно не смутившись:

– Допивайте чай, ваше высочество, мне как раз подготовят экипаж. Неизвестно, насколько это затянется, и я не намерен идти домой пешком.

Закрыв за мужем дверь, я облегченно выдохнула. Повезло, что какая-то дорогая принцу дама собралась рожать именно сейчас. Интересно, что бы Ксандер делал, если бы это случилось во время нашего бракосочетания? Самого принца там, похоже, не было, не по статусу, но вестника прислать недолго.

Как его делают, хотела бы я знать? Надо поискать, нет ли в библиотеке учебников магии для детей постарше, в которых найдется описание чего-то подобного. Алисии было восемь, когда она лишилась родителей, это уже не «самый маленький» возраст.

Надеюсь, Ксандер не додумается последовать совету принца и не потащит меня на какой-нибудь бал. Танцевать я не умею...

Но ведь когда-нибудь придется! Графине, жене придворного целителя, избежать света можно только в монастыре, а туда я совершенно не рвусь. Положим, какое-нибудь пособие по этикету я найду если не в доме, так в библиотеке. А музыка и пение? Притвориться, что у меня ревматизм и хроническая простуда одновременно? А танцы? Ногу сломать для верности? Как-то это слишком радикально...

«Я подумаю об этом потом», – в который раз повторила я себе. Сейчас есть дела поважнее. Понять, что с кухаркой. Удостовериться, что ее болезнь не представляет опасности для других, – сомнительно, конечно, но лучше проверить. Санитарные книжки не просто так придумали, стоит лишь вспомнить историю «тифозной Мэри»⁹. Не разберусь сама – подключу мужа, когда вернется и отдохнет.

Платье, что на мне, конечно, очень красивое, но в нем только гостей и принимать, и сперва надо переодеться. А для этого нужно позвать горничную. Вопрос на засыпку: как это сделать? Кричать что есть мочи или бегать по всему дому? Меня не прельщало ни то, ни другое. Как-то ведь Ксандер передал конюху все, что нужно. С виду казалось, что он просто произнес слова в пространство.

Или попробовать? Максимум, чем я рискую, – почувствую себя идиоткой. У всех упражнений, что я делала ночью, было одно общее правило – четко представить, что ты хочешь получить. Я визуализировала лицо Энн, ее рядом с собой и сказала, представляя, как между нами тянутся невидимые волны:

– Энн, я хочу переодеться.

Ничего не произошло, и я ощутила себя дура душой. Ну и ладно. Поднимусь в гардеробную и посмотрю, нет ли там какого звонка для вызова прислуги. В крайнем случае покричу погромче. Но когда я оказалась наверху, горничная уже ждала у дверей, а на козетке в гардеробной был приготовлен наряд глубокого синего цвета.

Кто бы ни собирал мне гардероб, он явно видел меня своими глазами. Окажись оттенок чуть другим – и превратил бы меня в зеленоватую мумию вместо того, чтобы подчеркнуть белизну кожи и цвет волос. Похоже, Ксандер изрядно потратился, и это меня смущало. Будь он любимым мужчиной – приняла бы подобный подарок с радостью и благодарностью, а так... Терпеть не могу быть должной.

– Миледи, простите, что я спрашиваю... Вы хотите, чтобы я ночевала здесь, на сундуке? – спросила Энн.

– Что? – не поняла я. – Зачем тебе спать на сундуке? Сейчас найдем комнату...

Ох, ведь и кухарку нужно куда-то поселить! И конюха... Или с этим муж сам разобрался? Хорош гусь, притащил в дом толпу народа, а мне, никогда не имевшей прислуги, теперь разбирайся!

Я вспомнила, что на первом этаже, неподалеку от выхода на задний двор, видела две комнаты, в каждой стояло пять кроватей. Почти как в больничной палате, только места меньше, а вместо тумбочек – сундуки у изножья. Наверное, это и была людская, или как называются такие помещения? Отдельно для прислуги женского и мужского пола.

Я проводила Энн туда и, оглядев помещение, она просияла.

– Вы очень добры, миледи.

– Располагайся. Белье возьми в комод. Если что-то еще нужно будет, скажи.

– Нет-нет, у меня все есть, спасибо.

Я кивнула – в конце концов, эта женщина старше меня и наверняка в состоянии о себе позаботиться – и направилась в кухню.

Там уже снова все сверкало чистотой, а Руби пристроилась за столом и что-то писала, обмакивая в чернильницу металлическое перо.

– Покажи мне, пожалуйста, как ты разложила продукты, – попросила я.

Нет, я не хотела ее проверять – но надо же знать, где и что лежит на моей собственной кухне! Вдруг я захочу заморить червячка между

делом, не поднимать же ради этого на уши всю прислугу.

Кухарка тяжело поднялась и начала показывать, а я старательно запоминала. Не по-моему, все не по-моему, но, если готовить ей, придется смириться.

– Спасибо, Руби, – сказала я.

Не удержавшись, глянула на листок. Тут же отвела глаза – некрасиво так себя вести, – но успела увидеть: «Яйца – 2 дюжины, 6 бит...»

Кухарка заметила мой взгляд.

– Это список того, что я купила сегодня, для графа Гиблрайта.

– Отдай мне, когда закончишь, – велела я, лихорадочно соображая, как бы перейти к вопросам о ее самочувствии, не спровоцировав при этом очередную волну заверений, что женщина «совершенно здорова».

– Простите, миледи, но я служу в особняке Гилбрайт, и меня нанял граф, ему я и буду отчитываться.

Так...

– Сейчас ты в особняке Монро, и здесь хозяйка я. Поэтому ты отдашь мне этот список, как закончишь его.

На ее лице появилось упрямое выражение, и я добавила, подпустив в голос холода:

– Или можешь прямо сейчас возвращаться в особняк Гилбрайт.

– Граф велел мне быть здесь.

– Хорошо, – не стала спорить я. – Будь здесь. Но к плите ты не подойдешь.

Я подняла руку, над ладонью повис прозрачный с переливами пузырь, похожий на мыльный. Слетев с руки, он упал на плиту, разросся и окутал ее куполом.

В учебнике это упражнение так и называлось «радужный купол». Насколько я поняла, щиты, барьеры и прочие разновидности охранных заклинаний строились на его основе. Конечно, тот, что создала я, ни одного мага бы не удержал, но без магии добраться до плиты было невозможно.

Так же методично я заблокировала «вечный ящик» и шкафчики с продуктами.

– Можешь расположиться в людской, – сухо произнесла я. – Она неподалеку от выхода на задний двор. Пойдем, провожу.

– Я сама, миледи, не утруждайтесь, – поджала губы кухарка.

Подхватив бумагу и чернильницу, она шагнула к двери и начала оседать кулем, так что я едва успела ее подхватить.

Нет, обморок не был притворным. Прислуге не годится лишаться чувств, это привилегия знатных дам, нежных и трепетных. Женщина оказалась намного тяжелее меня, и удержать ее по-настоящему не удалось, хорошо хоть вышло смягчить падение и чуть направить ее так, чтобы Руби не ударилась ни о край стола, ни о табуретку.

Я проверила пульс и дыхание – все в порядке. Пользуясь моментом, оттянула кухарке нижнее веко, глянув на слизистую. Ну так и есть – практически белая вместо ярко-розовой. Конечно, в нашем мире без анализа крови я бы не стала торопиться с диагнозом, но тут приходится обходиться тем, что есть. Впрочем, о диагнозах потом. Оглядевшись, я вытащила из шкафа таз, перевернув, подложила его под ноги кухарки, приподнимая их. Развязала ей фартук и расстегнула пояс юбки. В принципе, можно больше ничего не делать, сейчас кровообращение восстановится, и кухарка придет в себя. Я подошла к окну, распахнула створки, впуская свежий воздух. Надо же, солнце еще высоко, а мне казалось, что уже совсем вечер...

За спиной заворочалась, застонала Руби. Я обернулась. Кухарка, ошалело оглядевшись по сторонам, попыталась вскочить, но снова пошатнулась, и мне едва удалось ее поймать и усадить на табурет.

– Как давно у тебя слишком обильные... – я проглотила термин, который кухарка едва ли знала, – слишком обильное кровотечение в дни женского нездоровья? – спросила я прежде, чем она успела опомниться.

Самая частая причина анемии у женщин – регулярная кровопотеря. Не зная, как должно быть, невозможно понять, когда кровотечение становится слишком сильным, так что организм не успевает восстановиться. А учитывая отношение к беременности в этом мире, обо всех других особенностях женского организма тоже едва ли говорят.

– Не знаю, миледи. – Она потупилась и, наверное, покраснела бы, если бы было чем краснеть. – Я совершенно здорова! Это просто...

– Я вижу, насколько ты здорова. Когда вернется граф, я...

– Не надо, миледи, прошу! – Она попыталась броситься мне в ноги, и я едва ее удержала. – Я могу работать!

– Я не собираюсь... – начала было я и осеклась, вспомнив, что нанимала ее не я.

Что, если я зря рассчитываю на Ксандера, вдруг граф в нем возобладает над целителем. Кто знает, какие в этом мире представления о профессиональной этике. Гиппократ вот, тот самый, как-то предложил родственникам больного, у которых закончились деньги, тихо притравить бедолагу, чтобы не мучился...

– Я не думаю, что он тебя уволит. Граф – целитель, ты не забыла?

– Миледи, да я от стыда умру, если придется разговаривать о подобных вещах с женщиной! Да и денег у меня таких нет, чтобы оплатить лечение!

Я вздохнула. Ну и что прикажете с ней делать? Дома я бы знала что: на пинковой тяге дотащить к специалисту. Нужно обследоваться— вдруг дело не в женских проблемах, а, скажем, в давно и упорно кровоточащей язве, а то и в чем похуже. Нужно лечение, нормальное лечение, возможно хирургическое, и переливание крови. А здесь? Максимум моих диагностических возможностей – собрать анамнез.

Что ж, придется сделать, что можно. Я начала задавать Руби вопросы, и с каждым разом она отвечала все неохотнее и неохотнее.

– Простите, зачем вам это знать, миледи? – сказала наконец она.

– Я – дочь королевского зельевара, и он успел кое-чему меня научить.

– Простите, миледи. Вы в самом деле можете мне помочь?

– Я постараюсь.

Предварительный диагноз был мне ясен, но легче не стало. Положим, сбор, уменьшающий кровотечение, я сделаю, почти все для этого у меня есть, а чего нет – отправлю вон Энн купить, я еще не все деньги потратила. Но как быстро получится восстановить уровень железа в крови? Красные кровяные клетки живут почти четыре месяца...

Дома я бы знала что делать, а здесь? Вспомнить дедовский метод – утыкать гвоздями яблоко, а на следующий день съесть? Так себе метод... Как ни крути, без разговора с мужем не обойтись. Но это потом, а пока...

– Хорошо, Руби. Я смешаю для тебя травы и покажу, как готовить настой. Будешь пить по полстакана два раза в день. Долго, не меньше двух месяцев, через месяц смогу сказать точнее. Один сбор – чтобы

уменьшить кровотечение, второй – витам... чтобы быстрее восстанавливалась кровь.

Листья земляники, плоды шиповника, черноплодной рябины и смородины. Витамин С облегчает усвоение железа. И...

– И еще тебе надо будет есть мясо каждый день...

Из растений железо усваивается в разы хуже.

– Не смейтесь надо мной, миледи. Это только господа могут себе позволить.

Понятно...

– Хорошо, тогда я приготовлю тебе еще один сбор.

Правда, за ним придется посылать Энн в лавку или бежать самой. И пользы от него будет... больше, чем ничего, но не сравнить с теми препаратами, к которым я привыкла.

Или пока начать с яблок и гвоздей? А то и по методу Гиппократы настоять железо в вине? В своем мире я бы не пожалела эпитетов в адрес коллеги, предложившего пациенту такое извращение при наличии современных легкоусвояемых лекарств. Так что пусть для начала будет сбор: синюха, сушеница, тимьян, лапчатка – за этим придется сбегать, – подорожник, шалфей, шиповник. А там посмотрим, что скажет Ксандер и что я сама вычитаю в отцовской библиотеке. Может, здесь уже тоже изобрели нормальные препараты железа, обычные или магические.

– Миледи, век за вас буду бога молить. Только не говорите господину графу!

– Хорошо, Руби. Пойдем, я провожу тебя в людскую.

Передав кухарку на попечение горничной, я вернулась на кухню. Подняла оброненный лист, вчиталась и хмыкнула. Ладно, это подождет. Подобрала перо с чернильницей – крышечка на ней закрывалась плотно, и ничего не пролилось. Села за стол и задумалась.

Нет, не стоит торопиться со списком трав, за которыми нужно отправить горничную. Сперва загляну в библиотеку – может, лучше сразу написать рецепт да отправить Энн в аптеку.

Глава 20

Рецепт. Я рассмеялась сама над собой. Еще бы про личную печать врача вспомнила. Как все-таки много вещей кажутся нам само собой

разумеющимися! И сколько всего еще нужно узнать, прежде чем я обживусь здесь по-настоящему!

Значит, и времени терять не стоит. Я забрала из шкафа корзину с травами и направилась в лабораторию. Пробежала взглядом по полкам. Книги стояли не в беспорядке, а собранные по темам. Вот учебники, в которых рассказывается понемногу обо всем. А вот – пособия, глубоко раскрывающие какую-то одну область. Я сняла несколько томов и погрузилась в чтение, заглядывая то одну, то в другую книгу.

Удивительно, но рецепты волшебных зелий не содержали никаких экзотических ингредиентов вроде желчи девственницы или слез единорога. Травы, химические вещества вроде тех же солей железа, или соединений серы, или соляной кислоты. Однако, кроме перечня ингредиентов и указаний, в каком порядке их смешивать – для некоторых лекарственных форм это принципиально, – в каждом рецепте была приписка: «вливать магию». Где-то в самом начале, где-то в конце, иногда – после введения ключевого ингредиента, а то и на протяжении всей работы непрерывно или отрезками равной продолжительности. Мало-помалу я начала улавливать закономерность: чем активней были действующие вещества, тем меньше магии требовалось. Она словно сама была еще одним ингредиентом.

Действительно ли Алисия унаследовала дар отца? Смогу ли я влить магию и превратить обычный сбор в волшебное зелье? И как не испортить все, по незнанию взявшись за слишком сложный для себя рецепт? Вопросы, вопросы...

И все же у графа Монро была действительно хорошая библиотека, там нашелся и сборник «для начинающих» – то ли для детей оставил, то ли для учеников. Вот, к примеру, рецепт «простого притирания», в котором я, к своему изумлению, узнала крем для рук, что собиралась сделать. А вот – «настой для укрепления сил», витаминный сбор. Справлюсь с этими двумя, попробую и что посложнее.

Я выписала нужные ингредиенты, отправила Энн в лавку, подробно описав, как ее найти. Пока она ходила, я измельчила нужные травы и сделала сборы из того, чем запаслась сама, приготовила настой и отнесла его Руби. Написала для нее инструкцию, как заваривать и пить травы: не получится с магией, будем действовать по-

просто, – и даже успела прикрутить оторванные дверцы шкафчиков прежде, чем горничная вернулась с покупками.

Значит, сперва «простое притирание», он же крем для рук. В самом деле просто, всего три компонента. Но когда я отвечивала ингредиенты, руки дрожали, а в животе словно поселился холодный слизень. Магия-то у меня есть, я в этом уже убедилась, но вдруг не та?

Сплав из разноцветных стекляшек под решеткой-подставкой, на который я обратила внимание в самый первый день, тоже оказался нагревающим артефактом. Я коснулась его магией, и он начал стремительно теплеть. Правда, в отличие от плиты, ручки для регулировки жара я не нашла. А что если попробовать остудить его, как Ксандер сегодня – мороженое?

Как, кстати, он это сделал, если холодных лучей не существует? Потянуть на себя излишек тепла? Артефакт в самом деле стал холоднее, а вот у меня в груди разлился жар, и скорее интуитивно, чем сознательно, я резко выдохнула— и с воплем отпрыгнула от внезапно закоптившегося стола.

М-да, оказывается, чтобы превратить женщину в огнедышащего дракона, вовсе не обязательно доводить ее до белого каления. Или, наоборот, обязательно, только в прямом смысле. Но ведь Ксандер кухню не сжег! Наверное, надо сразу рассеять излишек тепла, законы физики не обманешь.

Магия. Законы физики. Я хихикнула – слишком уж странно сочетались эти слова. И все же... Я попробовала еще раз. Нагреть, забрать лишнее тепло, но не себе, а словно пропустив сквозь кисть и тут же рассеяв в воздухе. Получилось! Осталось добыть термометр и потренироваться, и я смогу регулировать температуру с точностью до градуса! Но это потом, сегодня и так справлюсь. Кстати, и нагрев можно снова прибавить, чтобы быстрее дошла водяная баня.

Я растопила в фарфоровой чашечке воск, добавила ланолин, перемешивая, пока не растопился и он. Сняла с огня, влила масло. Теперь надо перемешивать, пока не остынет. И магия, не забыть про магию. «Не менее трех минут», как гласил учебник.

Если бы не осыпающиеся песчинки в часах, я бы решила, что прошла вечность. Но вот, наконец, последняя упала на дно стеклянного сосуда. Я отпустила магию. Заглянула в чашечку. Ничего. Типичный аптечный крем: желтый, густой, с отчетливым запахом жира

и нерафинированного масла; я ведь не подумала добавить какой-никакой отдушки. На глаза навернулись слезы – сколько я ни уговаривала себя не надеяться особо, все равно надеялась.

Ладно. Не все коту масленица. Будет просто крем, как и планировала – на руки-ноги-локти, ни для чего другого он все равно не сгодится: забьет все поры намертво. Улыбаемся и машем... то есть мешаем, у всех компонентов разная температура плавления, поэтому останавливаться не стоит, пока смесь не загустеет и не станет однородной, как бы ни хотелось запустить посудиною в стену и пойти пореветь в подушку.

Я сморгнула слезы и ахнула – желтая густая масса вдруг стала перламутрово-белой и, кажется, немного увеличилась в объеме. Не веря своим глазам, я едва не сунулась в чашку пальцем. В последний момент опомнившись, зачерпнула немного крема лопаточкой, положила на тыльную сторону кисти. Размазала его, удивляясь нежной и бархатистой консистенции. И запах пропал – сейчас субстанция в принципе ничем не пахла.

Я взгляделась в собственную руку. Может, будь это тело постарше, разница была бы заметна – в теории «простейшее притирание» должно было «надолго продлить молодость», а так... Нет, есть разница. Я замороженно наблюдала, как свежая ссадина, оставленная сорвавшейся отверткой, побледнела и исчезла без следа.

Получилось! В самом деле получилось!

Издав торжествующий вопль, я изобразила нечто вроде триумфального танца племени мумба-юмба: экспрессивный, бессвязный и короткий. Хорошо, что дверь закрыта магией, даже если прислуга и сбежит на шум, внутрь не пройдет.

Успокоившись, я вымыла посуду, благо раковина была тут же, в углу, и принялась за средство для Руби. Сперва «зелье, усмиряющее женские кровотечения» – тот же состав, что я уже готовила, плюс магия. Теперь я уже не ждала немедленного эффекта – и снова ошиблась, жидкость преобразилась, едва я закончила добавлять магию. Из коричневато-розовой она стала ярко-изумрудной, с теми самыми жемчужными переливами, которые, как я поняла, выдавали магию. Если в этом мире есть мошенники, подделывающие волшебные зелья, как в нашем – лекарства, они наверняка пользуются перламутровым пищевым красителем. Я прогнала нелепую мысль. Капнула на

фарфоровую пластинку каплю зелья, оценивая цвет, понюхала, лизнула, растерла в пальцах. Цвет, запах, консистенция, вкус – все совпадало с описанным в учебнике. Оставалось только узнать, действует ли, и я засомневалась. Теоретически отравиться в этом зелье было нечем, а на практике – кто его знает, если магия так сильно меняет физические свойства, то, может, и само действие тоже меняет? Зелья предписывалось пить не по половине стакана, как обычный травяной настой, а отмерять в стаканчик из плотной бумаги с нанесенными внутри метками – в шкафу несколько десятков таких стаканчиков, и в любой из них вошла бы в лучшем случае столовая ложка.

Перелив получившееся зелье в бутылку темного стекла, я приготовила еще два: «укрепляющее жизненные силы» и «восстанавливающее после кровопотери». В последнее кроме трав предлагалось ввести железный гвоздь или шуруп, почти по дедовским рецептам, только после того, как я закончила вливать магию, от гвоздя и следа не осталось.

Надо было отнести препараты пациентке, но я трусливо убрала все три флакона в «вечный ящик», который нашелся и здесь – я опознала его по такому же узору, что был на кухонном.

Когда я мыла посуду, едва не разбила стакан – усталость накрыла разом, хотелось упасть и уснуть. Прямо как вчерашней ночью, видимо, снова переусердствовала с магией. Ничего. Я пока не слишком понимала в волшебстве, но весь мой прошлый опыт говорил – мозг тренируется точно так же, как и мышцы: давай ему регулярные и посильные задачи, и рано или поздно то, что раньше казалось чрезмерной нагрузкой, станет простым делом.

Тем более что спать было рано, как бы ни хотелось. И время «детское» – сумерки еще не превратились в ночь. И дел полно. Отстранив кухарку от работы, я добавила забот прежде всего самой себе. Позорнейшим образом забыла про ужин, увлекшись другими делами. А он сам себя не сготовит, и нужен он не только мне. Я и куском хлеба с молоком могу перебиться, а то и вовсе стаканом молока, стройнее буду. Но в доме еще два... нет, три человека, чуть не забыла конюха. И Ксандер. Кто знает, покормят ли его в доме роженицы или просто отправят восвояси. В теории должны накормить,

но на практике родственники могут так переволноваться, что обо всем забудут.

Если муж вообще вернется, а не предпочтет заночевать в своем особняке. Почему-то при этой мысли меня кольнуло сожалением – тот Ксандер, что сегодня помогал мне на кухне, совсем не походил на того, от которого я сбежала в окно. С этим мы бы ужились...

Ну да. Это сейчас мне кажется, что ужились бы, вот только это он вломился ко мне в дом без приглашения, заявив о своих правах супруга. И кто его знает, на что он вообще способен, может, его не только голодом морить, а сразу топором по голове нужно.

Впрочем, ужин готовить все равно придется. Руби, хоть и благодарила меня за заботу, извиниться не попыталась. Значит, и на моей кухне ей делать нечего. Хочет считать хозяином Ксандера – пусть в его доме и готовит, сколько ей заблагорассудится. Я, как выразился муж, не переломлюсь, стоя у плиты.

Что бы такого сделать, чтобы много, сытно и ненапряжно? Пусть будет плов, тем более что кухарка в своей описи упомянула «шесть фунтов говяжьей лопатки». Всех забот – порезать и обжарить мясо и овощи, добавить рис и воду, а дальше плита все сделает сама, надо только не забыть ее выключить. Но сначала – подготовить комнату для Ксандера, а то с него станется, вернувшись, сразу ломануться в спальню.

Так что я снова занялась домашними делами. Застелила постель в одной из гостевых спален, подальше от моей. Накрыв крышкой плов и оставив томиться, решила оципать курицу: завтра ведь тоже надо что-то есть, а мне пока совершенно нечего делать. Занятие оказалось удивительно нудным, дурацкие перья лезли в рот и нос, заставляя чихать, так что я успела несколько раз обругать непотребными словами и курицу, и кухарку, и собственное упрямство. Стряхнула очередную пушинку с браслета и невольно задумалась – где же все-таки мой свадебный. Если его в самом деле прихватил на память Айгор, как забрать свою вещь обратно, ничего не обещая? Пригрозить рассказать мужу – так еще неизвестно, кому первому прилетит.

Решив подумать об этом на свежую голову, я вернулась к делам насущным. Чтобы опалить тушку, пришлось снова вспомнить учебник по магии для малышей, ведь в плите, работавшей на артефактах, не было открытого огня. Мысленно я в который раз поблагодарила отца

Алисии, собравшего в библиотеке не только «взрослые» серьезные книги, но и самые простые пособия.

Убрав чистую и выпотрошенную курицу в «вечный ящик», я поняла, что не знаю, как принято кормить прислугу. В людской? На кухне? На кухне, наверное, вряд ли кто-то будет бегать с посудой в людскую.

– Энн, будь добра, передай Руби, чтобы шла на кухню ужинать, – сказала я в пространство. – А ты найди на заднем дворе конюха, пригласи и его и приходи тоже. И простите меня, вы обе, что запоздала с ужином.

Руби появилась в дверях первой.

– Вам не за что извиняться, миледи, – сказала она. – Вы очень добры. Это вы простите меня, я забыла свое место.

– Хорошо, – кивнула я. – Можешь возвращаться к работе.

Я убрала магические коконы со шкафов и плиты.

– Вы ведь не станете беспокоить графа...

– Такой ерундой – не стану, – уверила я.

Впрочем, графа все равно придется побеспокоить. Но об этом я тоже подумаю потом. Что-то слишком много стало этих «потом»...

Глава 21

– Спасибо, миледи. Если вы не ужинали, мы с Энн сейчас накроем вам в столовой.

– Да я и на кухне поем, – брякнула я и поняла, что говорить этого не стоило.

– Что вы, миледи, как можно! Сейчас я все сделаю!

Выглядела она лучше, чем несколько часов назад, и, кажется, крепче держалась на ногах. Отдохнула, наверное, а может, успокоилась и поверила, что о ней позаботятся и что отвар, который я ей дала, поможет. Сам-то отвар еще никак не мог подействовать.

Пришлось ужинать в гордом одиночестве. Честное слово, на кухне, среди людей, я бы поела куда с большим удовольствием. Но наверняка и прислуга хотела отдохнуть и расслабиться, и не стоило мешать.

Однако, едва я положила в рот первую порцию плова, тренькнул дверной звонок. Я озадаченно глянула в темноту за окном. Кого несет в такое время? Ксандер бы просто вошел, как сделал уже не раз.

Звонок пиликнул снова. Неохотно выбравшись из-за стола, я заглянула в дворницкую, прихватила топор – мало ли кого там несет на ночь глядя в дом одинокой девушки – и только после этого пошла открывать.

– До чего теплая встреча! – ухмыльнулся Ксандер.

Смутившись, я попыталась спрятать топор в складки юбки. Получилось так себе, судя по тому, что улыбка мужа расплылась до ушей.

– Приятно знать, что вы мне рады.

За его спиной застыл навтыяжку мужчина лет сорока. Тот самый Томас? В руках у него был саквояж, с которым Ксандер уехал из дома, и еще один, побольше.

– Так вы меняпустите?

– Да, конечно, – спохватилась я, отступая. – Я ждала не вас...

– Кого же?

– В смысле никого уже не ждала и думала, что вы войдете сами.

Ксандер невнятно хмыкнул, коротко глянув на слугу. Я сказала что-то, чего не следовало бы обсуждать при посторонних? Как же я устала от всего этого – словно по минному полю ходишь, шаг в сторону, и – бабах!

– Покажите, пожалуйста, Томасу мою комнату.

– Да, конечно. – Я снова посмотрела на мужа: выглядел он безумно уставшим, хотя прошло не так уж много времени – для родов, особенно родов первых.

– Вы сразу пойдете отдыхать или поужинаете? – поинтересовалась я, поднимаясь по лестнице. Не морить же живого человека голодом, в самом деле!

– Поужинаю, благодарю.

Я подвела его к двери комнаты, муж снова вскинул бровь и опять ничего не сказал. Решил, видать, подкопить яд и выплеснуть без посторонних.

– Тогда я подожду вас в столовой. Или пришлите Томаса на кухню, чтобы принес ужин вам в комнату.

– Я спущусь, – ухмыльнулся Ксандер. – К тихому семейному ужину.

– Хорошо. – Я сделала вид, будто не заметила этой ухмылки. – Томас, если ты голоден, как только граф разрешит...

– Я сыт, спасибо, миледи.

– Людская у выхода на задний двор, по правую сторону от двери, – сказала я.

Не знаю, бывал ли Томас в доме, но Ксандер объяснит, если что.

– Благодарю, миледи.

Дойдя до лестницы, я обнаружила, что все еще сжимаю топор. Подумав с полмига, зашла в свою спальню и приставила его к ножке кровати. Пусть болтают что хотят, но мне так будет спокойней.

Хотя кого я обманываю на самом деле? Не хватит у меня духа рубануть топором живого человека, как бы он себя ни вел.

Плов почти остыл, но, как ни странно, аппетит у меня не убавился, и засуетившаяся прислуга тоже не помешала. Я как раз собирала последние крошки с тарелки, когда в столовой появился Ксандер. Опустился – тяжело, почти упал – за стол, и, когда он взял в руку вилку, стало видно, что пальцы подрагивают.

– Тяжелые роды или проблемы у ребенка? – спросила я, невольно ему посочувствовав.

Роды, конечно, процесс естественный, но слишком многое совершенно естественно может пойти не так, прибавив проблем и женщине, и младенцу, и врачу.

– Я не обсуждаю своих пациентов, – отрезал муж.

Я пожала плечами. Не больно-то и хотелось. Молча налила себе чай, захрустела хворостом. Может, и правду говорят, будто женщины неспособны не болтать, но и у меня денек выдался длинный, причем уже который подряд, так что сейчас я с удовольствием посижу в тишине.

– Я не хотел вас обидеть, – сказал Ксандер после долгого молчания.

– Я не обиделась.

В самом деле не обиделась. Врачебная тайна есть врачебная тайна: одно дело – обсудить случай с коллегами или даже пожаловаться на скандального пациента близким, не называя имен, но говорить о конкретном человеке – совсем другое.

– И не хотел вас пугать и беспокоить. Но мой браслет остался у вас, а без него я сквозь защитные заклинания не пройду.

Так вот в чем дело! А напустил-то туману: «потому что муж»! Наверное, во время ритуала в храме браслеты окропляют кровью

обоих, и без магии не обходится. Потому защитные заклинания его и пропустили. Кстати, а свой-то браслет я так и не искала, отвлеклась на другие, более важные дела. И, получается, если он не найдется, просто так такой же не купишь... С другой стороны, ну не будет у меня доступа в дом Ксандера, что с того? Мне и в своем хорошо.

А вот возвращать ли мужу его браслет, я еще подумаю.

– Спасибо, что позаботились об ужине, – продолжал Ксандер. – Дом баронессы Эстель гостеприимен, но хозяйке было немного не до того, чтобы помнить об удобстве гостей.

Баронессы? Выходит, та дама – фаворитка принца, и все об этом знают. Впрочем, когда в дворцовых борделях удавалось что-то скрыть? Взять хоть наших царей...

– Не за что, – сказала я, утаскивая с тарелки еще одну «хворостину».

Не стоит наедаться сладким на ночь, но один раз – простительно. Тем более что я тоже жутко устала, но уходить в спальню пока не хотелось. В конце концов, в первый раз за время знакомства я видела Ксандера, ведущего себя по-человечески, когда еще доведется лицезреть этакое?

– Что вы хотите на завтрак? – поинтересовалась я. – Я передам Руби.

«Ничто не дается так дешево и не ценится так дорого, как вежливость», – сказал кто-то из философов прошлого. Я не хочу превращать дом в поле боя. Станет Ксандер нарываться – дам отпор по мере сил, но сама первая выкапывать топор войны – я мысленно хихикнула, представив вполне конкретный топор в собственной спальне, – не стану.

– Она знает мои вкусы. – Муж подцепил на вилку немного плова, замер, разглядывая его. – Интересно, раньше она не готовила ничего подобного.

– Это я готовила.

– Зачем? – нахмурился он. – Из принципа, лишь бы ничего от меня не принимать?

Вот же параноик! Можно подумать, весь мир крутится вокруг него! И все же я ответила так мягко, как могла:

– Нет, я очень признательна вам за заботу. – Это в самом деле было так: с местными нарядами я одна не справлюсь, а готовить хоть и

умею, но не люблю, поэтому с радостью переложу на чужие плечи хозяйство. Подумав, добавила: – Впрочем, вы правы. В какой-то степени из принципа, хотя дело не в вас, и все объяснения прекрасно подождут до утра.

Ксандер налил себе чая, не дожидаясь, пока это сделаю я. Взял хворост, покрутил его в руках. Сменил тему:

– Каллен... наследный принц просил извиниться перед вами за то, что сразу не оставил чаевых для кухарки. Кажется, мы можем честно разделить их: три четверти вам, одну – мне.

– Оставьте себе, – улыбнулась я. – Молодые дарования надо поощрять.

Он усмехнулся.

– Нет, скорее это вы должны взять мою долю в качестве платы за науку. – Стал серьезным. – Скажите, где вы заложили драгоценности. Я выкуплю их.

Я заколебалась, и муж добавил:

– Все-таки, деньги на хозяйство – моя забота.

Если бы речь шла только обо мне, стоило бы настоять на своем. Но, в конце концов, в доме, кроме меня, столовалось три... нет, пять человек, если считать самого Ксандера, и я их не приглашала. Так что все честно.

– В соседнем квартале. – Я подробно описала дорогу и дом ростовщика.

Муж кивнул.

– Хорошо, с утра отправлю Томаса. – И добавил совсем другим, жестким тоном: – Так что вы не поделили с Руби? И не надо отнекиваться. Я не настолько устал, чтобы не соображать, и утром не забуду, как бы вы ни хотели избежать разговора.

– Я вовсе не собираюсь его избегать, – пожала я плечами. – Не хотите сперва отдохнуть...

– Не хочу портить утро нового дня женскими склоками.

Вот как...

– Хорошо, – сухо сказала я. – Пойдемте.

Столовая – не место для сложных разговоров и ссор. Тем более что список Руби я оставила в аптеке.

Когда мы оказались там, Ксандер огляделся по сторонам.

– Сколько вы заплатили плотнику?

– Я не нанимала плотника.

– Тогда кто навел здесь порядок? Джек?

Джек? Конюх, вспомнила я.

– Нет, я сама.

– Вы сами? Вот этими нежными ручками? Придумайте что-нибудь поубедительней.

Я пожала плечами.

– Дел-то было, десяток шурупов вкрутить. Ну, два десятка. – Я взяла лист бумаги, протянула его Ксандеру. – Этот список составила Руби, чтобы вы возместили ей траты на продукты. Она всегда так поступает?

– Обычно она отдает список экономке, а я раз в месяц проверяю записи и выдаю деньги на хозяйство. Но в вашем доме экономки нет, а у моей хватает дел и без того... Что именно вас в нем возмутило настолько, что вы сами взялись готовить?

Я дала мужу еще один лист бумаги.

– А это – сколько и на что я потратила сегодня на рынке.

Ксандер пробежал глазами по строчкам, нахмурился.

– Вы хотите сказать, моя прислуга меня обманывает?

– Я не хочу этого сказать, – покачала я головой. – Возможно, ваша прислуга ходит не на рынок, а в какую-нибудь – чуть не сказала «фермерскую эколавку» – дорогую лавку.

Возможно, Руби до сих пор была честна, а сейчас решила рискнуть, боясь, что ее уволят. По моим прикидкам, она зависила цены примерно на треть, и на излишек один человек мог бы прожить неделю, имея крышу над головой. На хлебе и воде – дольше. Возможно, обманывает не она, а экономка, а кухарка с ней не спорит, боясь увольнения.

– И все же вы выставили ее из кухни.

– Я выгнала ее из кухни, потому что Руби настаивала, что отчитываться будет только перед вами и слушать только ваши приказы.

Да, я обещала «не беспокоить» графа этим, но не обещала, что буду молчать в ответ на прямые вопросы или врать, покрывая ее.

– Логично, ведь именно я ее нанял.

Я в упор посмотрела на мужа.

– Это моя кухня. И хозяйство веду я. Горничная может сколько угодно докладывать вам о том, как я провела день, но слушаться она

будет меня, а не вас. Кухарка пусть готовит, ориентируясь на ваши вкусы – в конце концов, я сама учла бы их, как учитывала бы вкусы любого гостя.

– Гостя? – приподнял бровь Ксандер.

– Это мой дом, – упрямо повторила я. – Если кто-то не желает понять это с первого раза, пусть возвращается в ваш дом и живет по заведенным вами правилам сколько угодно.

Он помолчал, сверля меня взглядом.

– Или вы в самом деле изменились, или великолепная актриса. Так здорово притворяться милой наивной скромницей...

– Если вам нужна милая наивная скромница, поищите ее в другом месте, как и полуобморочную барышню. Я не помню, какой была до того, как очнулась в вашем особняке.

– Очень удобно списывать все грехи на потерю памяти.

– О грехах, если они у меня есть, я буду разговаривать со священником, не с вами. – Я мило улыбнулась, прекрасно понимая, что эта улыбка и тон моего голоса противоречит смыслу слов. – И не советую бить меня по голове, чтобы вернуть память и манеры прежней Алисии.

– А то что? – приподнял бровь Ксандер. – Вы в самом деле пытаетесь мне угрожать?

– А то может неловко выйти, – проворковала я, продолжая улыбаться мило и нежно. – Труп-то все равно, а вот вам придется возиться и прятать его или объясняться с властями. Разговоры, опять же, пойдут, репутация...

– Ваш труп, если он вдруг попадет мне в руки, я забальзамирую и поставлю в своем кабинете как напоминание, насколько меняется женщина после свадьбы. – Муж широко улыбнулся, словно мысль о моем трупе в самом деле его порадовала.

М-да. На моей могильной плите определенно напишут: «Довыдывалась».

Глава 22

– Так с кем поведешься. – Как бы то ни было, сдаваться я не собиралась. – Это же после общения с вами я так переменилась.

– Переменились или перестали притворяться? Правда, врать следовало бы лучше. Пять минут назад вы сказали, что выставили

Руби с кухни, чтобы показать, кто хозяйка в доме. Полчаса назад – что передадите ей, какой завтрак для меня готовить. Или опять скажете, что потеряли память?

– Нет, скажу, что вы торопитесь с выводами. Ужин готовила я. Завтрак готовить будет Руби, потому что в конце концов мы поняли друг друга. Конечно, я присмотрю за ней. Если вот это, – я указала на список, – больше не повторится или найдется разумное объяснение, я бы оставила ее. И если... – Я осеклась.

– Если она в состоянии будет готовить? – договорил за меня Ксандер. – Вы это хотели сказать.

– И давно вы заметили, что она нездорова? – спросила я.

– Сегодня. Я очень редко бываю на кухне, так что раньше случая заметить, насколько она бледная, не было. Я собирался разобраться с этим, когда освобожусь. Все настолько плохо?

– «Насколько плохо» – понятие растяжимое, так что не знаю. Но с вами она не станет говорить.

– Это почему же? Я – целитель. И ее наниматель, в конце концов.

– Вы – мужчина.

– Понял. – Он помолчал. – Но нельзя же это так оставить. Это же... просто нелепо: отказываться от помощи из-за предрассудков!

– Можно подумать, все ваши пациенты блещут умом, – хмыкнула я.

– Да, среди знати предрассудков не меньше, правда, других. – Он покачал головой. – И все же я пойду попробую поговорить с ней.

– Погодите! – воскликнула я, озаренная внезапной догадкой. – Вы можете определить качество зелья, не экспериментируя на пациенте?

– Если это известный рецепт, которым многие пользуются, – в какой-то степени могу.

– В какой степени?

– Органолептически. Примерно так же, как вы определяете, не испорчены ли продукты: вид, запах, вкус, консистенция...

– Тогда подождите немного. – Я шмыгнула в лабораторию, оглянулась, убедившись, что за мной не наблюдают, подхватила зелья, вернулась к мужу. – Я нашла это в «вечном ящике».

В конце концов, раз он называется «вечным», почему бы внутри не осталось то, что готовил прежний хозяин? К слову, а в самом деле, почему не осталось ничего, кроме книг? Или отец Алисии сам убрал

все, зная о предстоящем аресте, и положил в тайник послание для дочери? Или это сделала его жена, чтобы в зелья не подмешали яд, превратив в доказательство вины? Кто сейчас скажет?

Ксандер отцепил с пузырька привязанный лист бумаги, на котором я, как полагается, написала название лекарства, состав и способ применения.

– Как интересно, – протянул он. – И в «вечном ящике» были именно эти три зелья? Больше ничего?

– Еще «простое притирание», – глядя на него честными глазами, сказала я. – Принести?

– Принесите.

Я сходила за баночкой с кремом. Ксандер покрутил ее в руках, понюхал, изучил этикетку – такую же, написанную от руки и привязанную толстой ниткой к банке. Я мысленно ругнулась – прав был, зараза, когда говорил, будто я совершенно не умею врать, сейчас сличит почерки на этикетках и списке и все поймет! Но муж, казалось, был занят только зельями.

– Слишком простое притирание для работы Монро, – задумчиво произнес он, открыв крышку и принюхиваясь. – Он даже моему отцу делал сложнее.

– Вашему отцу?

– Для рук. Целители часто моют руки, кожа сохнет и трескается... – По лицу Ксандера пробежала тень. Он снова покрутил в руках баночку. – Можно я возьму это?

– Можно, – не стала жадничать я.

В конце концов, я себе еще сделаю, и от пары дней без крема со мной ничего не случится. Даже приятно будет вспомнить те благословенные времена, когда из всего ухода можно было обходиться одним умыванием.

– Спасибо, – серьезно ответил он. Вскинул голову, как будто что-то вспомнил. – Я совершенно забыл, что женщинам нужны притирания и косметика. Завтра я дам вам денег на хозяйство, возьмите из них, сколько надо.

– Хорошо, спасибо. – сказала я.

Что, спрашивается, на уме у этого человека? То гадости говорит, то, вот, сходи за косметикой и ни в чем себе не отказывай... Видимо,

все это отразилось у меня на лице, потому что Ксандер усмехнулся, но не зло, а как-то задумчиво.

– Все же я обещал заботиться о вас, а обещания надо выполнять.

Обида скрутилась внутри колючим комком.

– Вы обещали не мне, и если это обещание – единственная причина, которая держит вас рядом со мной, обойдусь без вашей заботы!

Да что же такое, вроде бы эмоции поутихли, а сейчас я снова готова разреветься! Что мне до того, почему этот человек – недобрый, с острым языком – остался в моем доме? Да пусть катится, мне же легче будет!

– И без притираний с косметикой обойдусь!

– Как ни странно, в этом я больше не сомневаюсь, – все так же задумчиво произнес он и взял в руки зелье, изучая его.

У меня упало сердце – догадался! Точно догадался! И как я ему объясню?

Но Ксандер не стал задавать вопросы. Посмотрел зелье на просвет. Вынул пробку, понюхал. Капнул на палец, растер, снова понюхал, лизнул.

– Насколько я могу судить, в этом пузырьке ровно то, что на нем и написано. Зелье для укрепления сил. Так с ходу не сказать, насколько оно эффективно, но похоже, что сделано правильно.

– По крайней мере никого не отравит? – не удержалась я.

– Не отравит. – Ксандер точно так же изучил два оставшихся пузырька, поставил их на стол передо мной. – Можете отдать их Руби. Кровотечение я бы остановил мгновенно, но раз она настаивает... К тому же, чтобы восстановить нормальный состав крови, все равно понадобятся время и зелья. Ничто не возникает из ниоткуда. – Он усмехнулся. – Как удачно, что в «вечном ящике» сохранились именно они.

– Да, очень удачно, – сказала я, хлопая ресницами. – Пойду унесу их Руби, пока она не легла спать. И вы тоже ложитесь. У вас наверняка был тяжелый день.

– Погодите. Вы спросили, что держит меня рядом с вами. Нет, не только обещание. Уже не только.

Его лицо и голос стали жесткими.

– Теперь это дело принципа. Если вы думаете, что ваши выкрутасы заставят меня отойти в сторону и освободить место для другого, – вы здорово ошибаетесь.

Я осторожно поставила зелья на стол – руки тряслись, и хотелось разбить склянки об голову этого... этого...

– Я ничего не думаю, – ровным голосом произнесла я.

– Совсем ничего? С чего-то же вы решили, будто я стерплю, что вы выставили меня из своей постели?

Значит, правда не хотел устраивать скандал при слугах. Ну ничего, аргумент у меня есть. Увесистый аргумент.

– С того, что сегодня под моей постелью будет лежать топор.

– Так это же отлично! – зло рассмеялся Ксандер. – По народным поверьям, это верный способ зачать мальчика.

– Топором по лбу? А я думала, что дети получаются другим способом.

– А откуда вам, девице, вообще знать, как получаются дети?

Я фыркнула:

– Я вас умоляю! О чем, как вы думаете, девчонки шепчутся с подружками по ночам?

– Не знаю, я никогда не был девчонкой. – Он шагнул ближе. – Но намереваюсь узнать, о чем вы шепчете по ночам.

Казалось, между нашими телами повис разряд статического электричества, пробежался мурашками по коже, по спине.

– Топор, – напомнила я, прокашлялась.

– Думаете, он меня остановит? – Ксандер отвел с моего лба прядь волос.

Захотелось закрыть глаза и потянуться к его руке.

– Думаю, нет, – призналась я.

Он усмехнулся. Склонился еще ниже, так, что его дыхание скользнуло по моей щеке.

– Вы все же не так глупы, как пытаетесь казаться.

Как, пропади оно все пропадом, как он это делает? Еще пара прикосновений, поцелуй – щеки запылали, стоило вспомнить, как он умеет целоваться, – и я растекусь лужицей у его ног.

Вот только сейчас ему нужна не я, а подтверждение своего статуса мужа. А еще – убедиться, что он первый.

Первый ли? Самой бы знать. Впрочем, какая разница? Едва ли в свой единственный день супружеской жизни Алисия бы успела наставить мужу рога, а мне и вовсе было не до того. Так что измены не произошло точно, а что было до свадьбы, Ксандера не касается.

Я выпрямила спину.

– В моей постели нет других мужчин. Не помню, были ли, но сейчас – нет.

– А записка? От кого она?

Я покачала головой.

– Я больше не пушу на порог этого человека.

– Бойтесь за него? Значит, он вам дорог.

– Не за него. Он – единственный сын, и мне жаль его мать.

Надеюсь, в столице много вдов с подросшими сыновьями, и я не подставлю Айгора. Гаденыш заслужил, конечно, чтобы ему начистили морду но... Люция.

И что я буду делать, если он и в самом деле украл браслет? Прекрасно зная, что просто купить такой же и притвориться, будто ничего не случилось, не получится? Почему не боится, что я пожалуюсь мужу и тот сотрет его в порошок? Или здесь запрещены поединки, по-настоящему запрещены, а не как когда-то у нас – строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения?

– Значит, когда он лезет в спальню к чужой жене – мужчина, а как отвечать за свои проделки – маменькин сынок? – Ксандер помолчал. – Но бог с ним, я все равно узнаю. Вернемся к вам. Вы испытываете мое терпение. Не стоит, не такое уж великое у меня терпение.

– Вы, конечно, сильнее, и можете... Можете заставить или «воспитывать». – Я сглотнула.

Как уживались в одном человеке тот, что с горькой улыбкой прятал в карман артефакт, защищающий, но – как я теперь понимала – не защитивший беременность, тот, что, откровенно веселясь, предлагал поделиться чаевыми, заработанными на кухне, и этот – жестокий хищник, который вот-вот потребует свою добычу?

– Не знаю, смогу ли я полюбить вас, – продолжала я, собрав всю свою смелость. – Не буду врать – не знаю. Но вы можете провести жизнь рядом с женщиной, которая искренне вам благодарна, уважает вас и заботится. С той, что ляжет в вашу постель если не с радостью,

то без страха. А можете – с той, что ненавидит и содрогается от омерзения, когда вы к ней прикасаетесь. Решать вам.

Он замер, очень внимательно на меня глядя, и по лицу его совершенно ничего невозможно было прочесть. Наверное, потому что он был слишком близко, так что я могла видеть только его глаза, спокойные и серьезные.

– Хорошо же вы обо мне думаете, – сказал Ксандер.

– Так развеите мои сомнения.

Он улыбнулся, одними губами, взгляд по-прежнему оставался серьезным, и промелькнуло в нем что-то...

– Не знаю, правда ли вы не помните, но я не бил вас. На пятом обмороке за день я не стал вас ловить. Понадеялся на инстинкт самосохранения, а вы, видимо, решили доиграть до конца. Что меня, конечно, не оправдывает.

– Вы целитель! – не удержалась я. – Вы же знаете, что у людей нет инстинктов, их заменила высшая нервная деятельность и способность к самообучению!

Он покачал головой:

– Интересные знания вы получили в приюте, очень интересные. – Выпрямился, отступая. – Возьмите зелья и идите к Руби, пока она в самом деле не отправилась спать.

– Ксандер, – окликнула его я его уже от двери.

Он обернулся.

– Это ваше. – Я протянула ему браслет.

Браслет, без которого ему не войти в мой дом.

Он вернулся ко мне. Потянулся к браслету так медленно, словно ждал, что я сейчас спрячу его за спину и засмеюсь. Взял его, другой рукой разворачивая мою кисть, и склонился к ней, коснувшись губами. Выпрямился, не выпуская моей руки, глядя в глаза, поцеловал ладонь, запястье там, где колотился – слишком часто колотился – пульс.

Я неровно вздохнула – от каждого этого поцелуя, казалось бы целомудренного, мурашки пробегали по коже.

Ксандер выпрямился, по-прежнему глядя мне в глаза, выпустил руку, и я едва сдержала разочарованный вздох.

– Доброй ночи. – Он улыбнулся уголком рта.

Мягко закрылась дверь.

Я выругалась – то ли от облегчения, то ли от разочарования.

Глава 23

Может, у кого-то ночь и была доброй, а мне уснуть удалось не сразу. И снилось такое, что, выбравшись из кровати, я долго плескала водой в лицо, пытаясь охладить горящие щеки. Умеет же мое подсознание подкидывать подлянки, ничего не скажешь!

Энн, казалось, не спала вовсе – едва я заходила по комнате, осторожно постучала в дверь и, дождавшись разрешения, облачила меня в нечто кружевное и воздушное —идея идти до ванной в сорочке повергла ее в ужас.

Может, она и была права, хотя ночная рубашка по нашим меркам выглядела сверхскромной: ниже щиколотки, с длинными расклешенными рукавами и кружевом. В конце концов, в доме хватало чужих людей, и вовсе не стоило щеголять в ночнушке ни перед камердинером Ксандера, ни перед ним самим. Особенно перед ним самим.

Похоже, Алисия, как и я, была «жаворонком»: когда я выходила из спальни, уже полностью одетая, лучи солнца только-только заглянули в окна. Я думала, что буду завтракать в одиночестве, и по дороге в столовую прихватила в кабинете «указ о содержании зелейных лавок», чтобы просмотреть за едой. Конечно, за десять лет нормативные акты наверняка изменились, но для начала неплохо было бы хоть примерно понять, что от меня требуется.

Первые же абзацы заставили загрустить – содержать аптеку, то есть зелейную лавку, мог только зельевар, доказавший свои знания коллегии, и неважно, сам ли он делает зелья или нанимает специалиста. Экзамены сами по себе меня не пугали – получая свои две «вышки», я сдала их столько, что почти разучилась волноваться по этому поводу. Но, учитывая прошлое Алисии, как отнесутся ко мне будущие коллеги? Не окажутся ли предвзяты, с самого начала решив, что такая юная девушка не может знать так много. Отчасти они будут правы, я-то на все в общей сложности одиннадцать лет потратила.

Додумать я не успела – в столовую вошел Ксандер, и пришлось быстро прятать брошюру в складках юбки.

– Доброе утро. – Он устроился напротив, кивнул Руби, которая поставила перед ним тарелку с овсянкой.

Вчера я отдала ей зелья, и сегодня кухарка выглядела куда лучше. Даже какое-то подобие румянца появилось, или это от кухонного жара? Но руки у нее не тряслись, и ступала женщина уверенно и с достоинством.

Ксандер тоже проводил ее взглядом и снова обратился ко мне:

– То притирание, что вы вчера мне дали... Я хочу предложить его баронессе Эстель...

Я не сразу вспомнила, кто это. Только когда муж добавил:

– Если состав указан правильно, конечно. Только база и магия, ничего лишнего: ни эфирных масел, ни растительных экстрактов. Идеально для кормящей матери, которой понадобятся притирания, чтобы восстановить красоту после родов.

– Она будет кормить сама? – удивилась я, вспомнив нравы аристократии нашего мира.

– Конечно, – удивился моему удивлению Ксандер. – Грудное вскармливание ускоряет сокращение матки после родов.

Казалось, он ждал какой-то моей реакции, но я лишь молча кивнула. Значит, здесь не принято отдавать малышей кормилице. Все-таки этот мир, хоть и походил на наше прошлое, во многом и отличался от него.

Молчание затягивалось, Ксандер по-прежнему с любопытством разглядывал меня. Что опять не так?

– Так вы не против? – поинтересовался муж наконец.

– Как я могу быть против, если отдала этот крем... притирание вам. Вы можете делать с ним что угодно – хоть передарить, хоть выбросить.

Он кивнул. Спросил небрежным тоном:

– Как вы думаете, в «вечном ящике» вашего отца не найдется еще сколько-то такого притирания? Этого хватит ненадолго.

Я поперхнулась чаем.

– Конечно, я могу заплатить королевскому зельевару, – продолжал Ксандер как ни в чем не бывало, – но за такую баночку он просит три пула.

Я снова закашлялась. Вчера на рынке, накупив еды для себя на неделю, я потратила в два раза меньше.

– Поэтому, если вы найдете в лаборатории еще, я с куда бóльшим удовольствием отдам две трети от того вознаграждения, что получу,

вам, чем королевскому зельевару. – Ксандер широко улыбнулся.

А здесь нормально, что врач сам продает пациентам лекарства? Впрочем, многие века это было нормальным: стоимость лекарства просто включалась в гонорар.

– К тому же это сэкономит мне деньги на булавки, что вам непременно понадобятся.

«На булавки» – это на личные мелкие расходы? Но... Я сунула нос в чашку, не зная, смеяться или паниковать, что меня раскусили. Глянула на мужа из-под ресниц, но лицо его было совершенно безмятежным, а что в глазах прыгали смешинки – так это могло и померещиться.

– Не уверена, – осторожно сказала я. – Конечно, я еще не разобрала все до конца. Кто знает, что там еще найдется?

– В самом деле, кто знает? – делано задумчиво произнес муж.

Если не врать самой себе, очевидно, что он все понял, – как бы себя Ксандер ни вел, дураком он не выглядел никогда. Это я чувствую себя дура душой, не зная, как теперь признаваться.

Вопрос в том, насколько он честен сейчас – и был вчера, когда говорил, что Алисия сама себя переиграла. Вот и проверим. По крайней мере в мою спальню он... Нет, не время сейчас думать о спальне! Притирание для него я «найду» – правда, заодно придется найти и более-менее подходящее объяснение. Впрочем... отец научил. В старые времена и воинскому искусству, и ремеслу, и домашним делам начинали учить очень рано.

– Я поищу, – заверила его.

– Спасибо, – снова улыбнулся муж, и у меня на миг перехватило дыхание от этой улыбки. Пришлось снова прятать лицо в давно опустевшей чайной чашке.

Ксандер поднялся из-за стола.

– У меня сегодня много визитов, так что рано не ждите.

Это намек или провокация? Впрочем, пусть провоцирует сколько угодно, скрывать мне нечего, и, явись он без предупреждения, любовника под кровать прятать не придется.

– Я оставил Томасу деньги на хозяйство, он вам передаст.

Надо завести тетрадь с бюджетом. Не для того, чтобы отчитываться перед мужем за траты. Это дома я знала, сколько оставлю в продуктовом и сколько могу спустить на маленькие и

недешевые женские радости. Здесь непривычные деньги и непривычное соотношение между ними. Бит – не сотая и даже не десятая часть, а лишь восьмушка от рада, следующей по величине монеты. Пул в двенадцать раз больше рада, а двадцать пулов составляют сол. Ум за разум заходит, честное слово! И это я даже не пыталась пока подсчитывать стоимость будущих зелий. Впрочем, под это нужно будет отдельную тетрадь.

Надо узнать, какие требования здесь предъявляют к косметической продукции, или как она тут будет называться. Чтобы открыть аптеку, мне нужен товарный запас, а это ингредиенты и посуда, а значит, деньги. Но если к производству косметики нет особых требований, то я смогу сделать сколько-то разных притираний и поискать в городе лавки, которым нужны поставщики, – вот и будут первые деньги, а я тем временем подготавливаю к экзаменам, просчитаю ассортимент...

Занятая этими мыслями – все же как хорошо, что пока у меня есть где жить, на что есть и не приходится разрываться на десяток Алис, чтобы решить все проблемы разом, – я очнулась, только когда Ксандер положил на стол передо мной тонкий серебристый ободок.

Неужели нашелся? Вчера перед сном я перерыла весь дом. Неужели я зря грешила на Айгора?

– Настоящий не заменить ничем, но чтобы заткнуть рты... возьмите.

– Спасибо. – Я заставила себя поднять взгляд.

Да, когда просто бросила в спальне свадебный браслет, я не представляла его ценности. И все же было мучительно стыдно. Сколько бы гадостей ни говорил Ксандер, он прикрывал меня как мог: когда сообщил гостям о моем якобы нездоровье; вчера, когда отдал мне свой браслет, сейчас... Да просто когда перебрался в мой дом – люди ведь начали болтать, Люция говорила мне об этом не раз и не два! Да, он и о своей репутации беспокоился, и все же...

– Спасибо, – повторила я. – Мне очень стыдно, что так...

Он покачал головой.

– Не стоит. Сожаления ничего не вернут.

– Да, вы правы. – Я тоже встала. – Хорошего вам дня.

– И вам. – Ксандер склонился к моей руке, и получилось у него это так подчеркнуто официально, что я едва сдержала ругательство. –

И вам хорошего дня, – вежливо улыбнулся он.

Вот и поди пойми его, то в спальню грозитя вломиться, то вот... ведет себя как истукан! Я тряхнула головой. Бесплезно гадать, что на уме у другого человека, да и времени на это нет, дел полно.

Забрав у Томаса деньги, я взяла Энн и отправилась в город. В коляске я могла бы ездить одна, но ходить по улицам знатной даме следовало с сопровождением, да и мне самой так было спокойней, все-таки я еще не привыкла к новому миру.

Теперь по дороге до рынка я не просто таращилась по сторонам, а выискивала взглядом аптеки. Не нашлось ни одной – и это не в самом бедном квартале! Зато обнаружились целых три лавки со «средствами для красоты», и в одной мне даже удалось договориться, что я принесу образцы, а хозяйка посмотрит и назначит цену. Конечно, цена меня может и не устроить, но отказаться я всегда успею. Лиха беда – начало.

И все же мысли мои то и дело сворачивали к браслету. Как забрать свою вещь у поганца Айгора? Не мог же он быть настолько глуп, чтобы полагать, будто я не замечу пропажи! Так какой реакции ждет и что мне теперь делать? Прийти и прямо потребовать вернуть украденное? Люция выставит меня вон. Еще и растрезвонит на весь свет, какая я неблагодарная дрянь: она ко мне со всей душой, а что в ответ? А поговорить с Айгором наедине нам не дадут.

Сказать мужу? Поверит ли он или опять обвинит в шашнях с другим? И что потом? Он ведь тоже не может прийти к Айгору и потребовать ответа. Поединок? Еще дуэлей из-за меня не затевали, и неизвестно, чья возьмет... По спине пробежал озноб. Пропади оно все пропадом, я вовсе не хочу его хоронить!

– Что с вами, миледи? – спросила Энн. – Вы так побледнели.

– Все хорошо...

Но ничего не поделаться, придется все-таки рассказать обо всем Ксандеру. Сама я с этим не справлюсь. А там... будь что будет.

Не слишком вдохновляли эти мысли, и я решила отвлечься от них проверенным способом – работой. Записала расходы, как и планировала. Вернувшись домой, сварила еще порцию притирания, опробовала рецепт зелья «от катара», по нашему – противопростудное, получив ровно то, что описано в учебнике. Прогнала мысль сварить и подлить Айгору что-нибудь на основе сенны¹⁰. Некогда глупостями заниматься. Надо просмотреть рецепты «притираний», выбрать самые

простые, проверить и просчитать себестоимость, чтобы не продавать их себе в убыток.

Вооружившись стопкой учебников, бумагой и пером, я вышла в свою аптеку. В лаборатории не было окон, а волшебный свет, хоть и имитировал дневной, все же отличался от солнечного.

От работы меня отвлек скрежет засова. Я вскинула голову. Задвижка на двери шевельнулась словно сама. Я поднялась из-за стола, нащупывая учебник поувесистей: если это не Ксандер, двину незваного гостя по голове и сделаю ноги.

– Увидел в окно, что ты здесь, и решил зайти, – сказал Айгор.

Глава 24

На миг меня затопило облегчение – все же не вор и не бандит. Следом пришла злость: он еще смеет показываться мне на глаза?!

– Как вы прошли сквозь защитные заклинания? – холодно поинтересовалась я.

– Их не было. Когда дом открылся, открылась и лавка, и потом заклинания не вернулись.

Ну да, логично, если вход в аптеку будут закрывать заклинания, как покупатели попадут внутрь? Но плохо, что я недоглядела. Надо будет попросить мужа, чтобы на ночь накрыл лавку защитой.

– А ты не заметила? – Айгор подошел ближе, улыбаясь. – Ты всегда была такой рассеянной.

Он бесцеремонно потянулся к моему запястью, я отдернула руку, и Айгор снова улыбнулся.

– Рассеянной и наивной. Думаешь, муж не заметит, что браслет не настоящий?

Я хватанула ртом воздух, ошеломленная его наглостью. Заставила себя улыбнуться.

– Не заметит, если ты немедленно вернешь мне мою вещь и уберешься из моего дома!

Что за игру он затеял? Взять с меня нечего, и он это прекрасно знает. Сам же сопровождал нас с Люцией к ростовщику!

– Фу, как грубо, Алисия. Ты нахваталась от мужа дурных манер.

– Браслет... – прошипела я.

– Не так быстро, любовь моя. Ты разбила мне сердце, и я хочу компенсацию.

– И почему нынче лекарство от разбитого сердца?

– Недешево. – Он потянулся к моей талии, и я не раздумывая шарахнула его учебником по уху.

Айгор отскочил, шипя.

– Белены объелась?

– Пошел вон из моего дома, ворюга! – рявкнула я. – Маменьке пожалуйся на разбитое сердце! И не забудь рассказать, что ты украл мой свадебный браслет! Глядишь, она заслонит тебя юбками от Ксандера!

Но моя вспышка, похоже, помогла Айгору вернуть самообладание. Кажется, даже развеселила.

– Не-ет, – протянул он. – Лечить разбитое сердце я поеду на воды. Хорошие гостиницы, вино, красивые женщины – все это, знаешь ли, недешево. И все это оплатишь мне ты.

Я оторопела.

– Ты в своем уме? У меня гроша ломаного за душой нет, вся столица знает, что придворный целитель взял в жены бесприданницу!

– Есть, Алисия, есть. – Он снова улыбнулся. – Твой отец позаботился о твоём будущем, положив неплохую сумму в отделение Беарнского банка.

– Может, и положил, да только все наши сбережения забрали, когда конфисковали имущество государственного преступника. Как и ваши, уж ты-то должен знать, – фыркнула я.

Он снова улыбнулся, и мне захотелось вцепиться когтями ему в рожу.

– Нет, моя мать оказалась умнее твоей. Она сразу же отреклась от отца и велела отречься мне. Жаль, что у нее не хватило ума разобраться в делах и не растратить состояние, ну да чего ждать от женщины?

Что ж, многое становилось яснее. И все же, как я и подумала раньше, не мне ее судить. Я не оставалась с ребенком одна без средств к существованию.

– К слову, тебе стоит заплатить мне и за это, – продолжал Айгор. – Ведь это из-за твоего отца арестовали моего. Он предупредил друга, за что и поплатился.

– Повторяю, у меня ничего нет.

– Есть. Беарнский банк не раскрывает тайны своих клиентов, и те, кто описывал имущество графа Монро, до него не добрались. На твоём счету несколько тысяч.

Это много? Или мало? Я до сих пор не освоилась с местными деньгами.

– Узнай об этом кто-то раньше, очередь желающих на тебе жениться выстроилась бы отсюда и до королевского дворца. – В его голосе промелькнула досада.

А далеко ли отсюда дворец? Впрочем, смысл я поняла. Похоже, у меня действительно есть деньги. Если Айгор не врет.

Я усмехнулась.

– Что ж сам-то не подсуетился? Серенады пел, а жениться маменька не велела?

– Ну ты и с... стерва.

Я медово улыбнулась.

– Она самая, милый. Наивная девочка, которой ты вешал лапшу на уши, умерла, теперь на её месте – зубастая сука. Поэтому – катись отсюда, пока не откусили то место, которым ты думаешь. И спасибо, с твоей стороны было очень мило принести мне такое радостное известие, учитывая, что ты с этих денег и гнutoго медяка не получишь!

– Значит, ты не получишь своего браслета. Ксандер страшен в гневе, не просто же так ты надела эту обманку.

Сказать или не сказать ему, что браслет дал сам муж? Нет, не стоит раньше времени раскрывать все карты.

– Посмотрим.

– Посмотрим, – согласился он. – Посмотрим, что скажет твой муж, узнав кое-какие пикантные детали.

– Такие же придуманные, как мои мифические тысячи?

Неважно, о чем сейчас болтать, неважно, что скажет Ксандер, договариваться с шантажистом нельзя. Никак нельзя, заплати один раз – будешь платить и платить, пока не кончатся деньги, а потом тебе все равно конец, потому что разозленный из-за того, что лишился дохода, мерзавец все равно обнаружит компромат.

– Деньги не мифические, – прошипел Айгор. – Я нашел расписки в дневниках моего отца. Вклад на пять тысяч на твоё имя плюс проценты, накопившиеся за это время.

– Нашел только сейчас? Или эти расписки так же правдивы, как твои слова о любви?

– Я хотел жениться на тебе! – заорал он. – В самом деле хотел, готов был со всеми рассориться, и с матерью... Я почти сделал тебе предложение!

Да, серьезные намерения, ничего не скажешь...

– А ты, вместо того чтобы подождать немного, выскочила за Ксандера!

А Алисия-то душой не была. Наивной – может быть, но не душой. Одного она не знала заранее – каково ей будет ложиться в постель с мужем, когда все мысли о другом. Наверное, потому и изображала обмороки. Перестаралась...

Что ж, в моем мире – если она очнулась в моем мире – у нее будут нестарые еще родители, которые умеют и любить, и поддерживать. Помогут в первое время, а там, глядишь, освоится и будет жить сама. Да и Игорь, хоть и подложил мне знатную свинью, куда лучше Айгора. А может, она оказалась в одной из бесконечности параллельных вселенных, где она счастливо замужем за Игорем-Айгором. Или – чем черт не шутит! – в мире, отличающемся от этого лишь тем, что ее родители остались живы.

Айгор тем временем продолжал разоряться:

– Как же, придворный целитель, ради его состояния можно и забыть, что это его отец донес на твоего, правда?

Так вот, значит, кого проклинал мой... отец Алисии. И Ксандер это понял, потому и вылетел с перекошенным лицом. «Через три года самого на том же прихватили и тоже потом сказали, что невиновен», – кажется, так говорила травница. Выходит, проклятье сбылось.

Вот, значит, почему он взял с сына обещание позаботиться об Алисии. То ли с самого начала знал, то ли потом понял, что оговорил невиновного. Почему-то мне хотелось думать, что понял потом, а в самом начале произошла какая-то чудовищная ошибка.

Придворный целитель и королевский зельевар. Наверняка они если и не были друзьями, то приятельствовали. Не просто же так сын первого заговорил артефакт для жены второго. Едва ли мать Алисии пользовал Ксандер, не доверили бы совсем молодому человеку вести проблемную беременность. Вот его отец – мог.

Выходит, семья с самого начала знала, кто за всем этим стоит. Поэтому мать Алисии прогнала целителя. А до того, наверное, сорвала с руки кольцо, забыв или не подумав о том, к чему это может привести. Или ей уже было все равно...

– Поняла, что можно похлопать глазками, прикинуться бедной сироткой, и этот идиот почувствует себя виноватым и купится? – не унимался Айгор.

– Пошел вон из моего дома! – велела я. – Катись, пока я не позвала слуг и тебя не вышвырнули пинком под зад! Говори что хочешь и кому хочешь, мне стыдиться нечего!

– В самом деле? – ухмыльнулся он, вытаскивая из кармана листок бумаги. – Любимый! – пропищал он. – Это была самая прекрасная ночь в моей жизни...

Я рванулась, попытавшись выхватить у него записку, но Айгор с хохотом отскочил.

– «Быть с тобой, не думая о том, что ждет нас завтра...» – он ухмыльнулся и заговорил своим обычным голосом: – У меня есть еще. Как думаешь, что скажет муж, если получит эти твои письма, адресованные не ему?

Да уж, я догадываюсь, что он скажет. Я усмехнулась, хотя внутри все смерзлось от страха.

– Что бы он ни сказал мне, ты-то точно труп. А покойникам деньги ни к чему.

– После вас, милая леди, только после вас. Необузданные вспышки гнева – у них наследственное. От его отца жена сбежала не просто так...

Не знаю, правда или нет про его отца, но меня Ксандер до сих пор и пальцем не тронул.

Нет, это он так сказал, что не тронул. Мог ли он соврать, чтобы выставить себя в лучшем свете? Мог, наверное.

Но убьет он меня один раз, а платить этому мерзавцу я буду всю жизнь. Платить и бояться, всю жизнь бояться, потому что это никогда не кончится.

– Впрочем, я сделаю лучше, – продолжал ухмыляться Айгор. – Я отошлю их... скажем, герцогине Аделари. Она так надеялась, что придворный целитель сделает ей предложение, и уж поверь, она не упустит возможности смешать соперницу с грязью.

– Поступай как знаешь, – пожала я плечами, из последних сил стараясь держаться спокойно. – Платить я не буду.

Теперь он пожал плечами.

– Надо отдать тебе должное, Алисия, ты всегда была умной. Поэтому... Подумай хорошенько. Две тысячи – невысокая цена за спокойствие и счастливую семейную жизнь. Твой муж не знает об этих деньгах и даже не заметит их потери.

– Убирайся.

– Две тысячи. Ассигнациями, никаких чеков. Получу деньги и сожгу все письма тут же, у тебя на глазах. И в знак моих добрых намерений, – он вытащил из кармана браслет и положил его на стол, – возьми.

– Зачем ты вообще его украл, если у тебя были письма? – надо же, у меня еще остались силы любопытствовать.

Он победно улыбнулся.

– Надеюсь, что его одного хватит. Что ты будешь благоразумной и не придется пускать в ход письма. Все же в них есть и мое имя. Но... – Айгор покачал головой. – Сама виновата. И не думай, что я не осмелюсь их обнародовать. Я мужчина. Мне еще и посочувствуют – коварная соблазнительница разбила сердце и предпочла другого, побогаче и постатусней. Тебя – уничтожат.

– Плевать. Убирайся.

Я взяла в руки браслет. На вид вроде такой же, что утром дал мне муж. Простой серебристый ободок, и в серебряном блеске почти незаметны перламутровые переливы магии. Только настоящий, когда я взяла его в руки, засветился чуть ярче, и по руке к сердцу словно пробежало тепло. Почти такое же, что я ощущала, заходя в дом. Но дом как будто накрывал мои плечи пушистой теплой шалью, а этот браслет просто на миг напомнил о муже.

Рассказать ему все? Но как он воспримет историю о воре в спальне, как он отреагирует на письма?

«Самая прекрасная ночь в моей жизни...» Как она могла всерьез любить этого слизняка?

Впрочем, я же любила мужчину, который нечаянно меня убил. А его двойник, кажется, в самом деле убьет меня. Что же мне делать?

– Подумай, Алисия, – сказал Айгор, подходя к двери. – Я понимаю, сейчас ты немного взбудоражена и не можешь как следует

соображать. Успокойся и подумай.

– Вот спасибо, благодетель! – не удержалась я. – Прямо век за тебя придется бога молить!

– Я дам тебе неделю. Это довольно много времени. Через неделю, если ты не одумаешься, эти письма получит твой муж. Или герцогиня Аделари. У меня тоже будет время подумать, к тому моменту и решу, как с ними поступить.

Я запустила в него учебником. Айгор сиганул за дверь, и книга ударилась о дверное полотно.

Не чувствуя под собой ног, я затворила ставни – еще не хватало, чтобы этот гад заглянул в окно, – сползла спиной по стене и разрыдалась.

Глава 25

Отреветшись, я перенесла записи и книги обратно в лабораторию: Айгор Айгором, слезы слезами, а дела сами себя не сделают. Хотя нужны ли мне эти дела теперь? Если Айгор обнаружит письма, моей репутации конец. Меня нигде не примут, со мной никто не будет иметь дела, и с идеей аптеки придется проститься. Даже если каким-то чудом муж все это проигнорирует – а я очень сомневалась, что Ксандер просто махнет рукой и скажет, дескать, ничего страшного, от ошибок юности никто не застрахован.

Так что рассказывать мужу нельзя – да и что он может сделать, если подумать? Свернуть шею шантажисту и спалить его дом, чтобы письма точно не всплыли? Звучит соблазнительно, конечно, но это уже не придворный целитель, а какой-то бандит получится. И не факт, что вначале не свернут шею мне.

Забрать деньги из банка – сумма по всему выходит немаленькая, – уехать, сменить имя и начать жизнь заново? В незнакомом мире, ничего о нем не зная?

Да и, в конце концов, почему я должна бежать и прятаться, если ни в чем не виновата? Это Айгор пусть боится и прячется!

Я снова мрачно хмыкнула: мечтать, конечно, не вредно, но ему-то как раз бояться нечего. Я-то ему шею не сверну, как бы ни хотелось это сделать. Или нанять кого-то, чтобы обыскал дом и вытащил письма? Опять же я здесь ничего и никого не знаю. К тому же таким, как я, добропорядочным до отвращения, лезть в криминал – верный способ

заработать дополнительные неприятности на голову. А еще я – графиня и жена человека, к которому принцы запросто заваливаются в гости. Да я при первой же попытке кого-то найти спалюсь!

Самой Айгора отравить, в самом деле? А потом напроситься помочь безутешной матери и обыскать дом. Меня передернуло. Каким бы поганцем Айгор ни был, брать на душу убийство – не сгоряча и не защищаясь, а хладнокровно и обдуманно...

Я обнаружила, что остановившимся взглядом смотрю на верхнюю полку, где выстроились рядом пять томов с надписью «сильнодействующие и ядовитые зелья».

Истерически хихикая – хорошо, что меня никто не видит, – я взгромоздилась на стул и, сняв первый том, заглянула в перечень.

Да, примерно все те же вещества, что у нас, разве что в наших, утвержденных разнообразными постановлениями, списках указывались химические соединения. Здесь большей частью – травы, содержащие эти соединения. Болиголов, красавка, борец, наперстянка, дурман... Да, и еще в этом мире пока не додумались оговаривать условия отпуска подобных средств, то есть теоретически купить их мог кто угодно. Даже странно, что тут на каждом шагу никого не травят.

Перечней оказалось два. Один – алфавитный указатель, а второй – указатель зелий на основе этих ядов, сгруппированный по механизмам действия. «Все есть яд, и все есть лекарство»¹¹, – вспомнила я бессмертное, пробегая взглядом разделы.

Сердечные. «Против вялых параличей» – здесь умеют лечить параличи? Судя по рвотному ореху¹² – как минимум пытаются. Хотя если целитель может убрать аневризму и рубец на мозговой ткани – почему бы потом и паралич не вылечить? «Противосудорожные» – тут все понятно. «Зелья, влияющие на разум» – успокоительные? Успокоительное мне бы не помешало сейчас, а то гоняю по кругу одни и те же мысли, и, главное, все без толку. Жаль, что нельзя влиять на чужой разум: внушить бы Айгору, чтобы отдал мне письма и свалил в закат, и моя проблема решилась бы сама собой. Но придется обойтись успокоительными. Что там есть интересного?

«Зелье правды».

Я моргнула. В нашем-то мире «сыворотка правды» – скорее легенда. Но любопытство всегда было сильнее меня, и, выхватив

подсказанный указателем том с полки, я начала торопливо листать страницы.

«Зелье правды следовало бы назвать зельем подчинения».

Я медленно опустила книгу, глядя в пространство перед собой. Не может быть. Не может быть, чтобы подобные рецепты вот просто так печатали в книгах, не снабженных грифом «перед прочтением сжечь». С другой стороны, возьми любой учебник по токсикологии, и получишь отличный перечень легкодоступных ядов.

Но если это правда... Вот оно, решение! И не надо никого убивать. Просто подпоить Айгора и попросить принести письма, все до единого. А потом дать антидот, чтобы уж точно не отравить. Правда, чуть ли не половину описания зелья занимал перечень законов, ограничивающих его применение, и перечисление разнообразных нежелательных явлений, которые особенно ярко давали о себе знать при повторном применении. Но я вовсе не собиралась использовать средство повторно, а что до запретов... Другого выхода я не видела.

Вернувшись за стол, я переписала ингредиенты – самой безобидной среди них была спорынья¹³ – и, кликнув Энн, отправилась в город. Зелье выглядело сложным – имел значение и порядок ингредиентов, и продолжительность варки, и периодичность вливания магии. С первого раза точно не получится сделать все правильно, хорошо, если с третьей-четвертой попытки выйдет учесть все нюансы. Поэтому незачем откладывать покупки на завтра, тем более что до вечера у меня оставалось еще много времени.

Хозяйка чайной – или следовало назвать ее травяной? – лавки встретила меня с улыбкой.

– Решили добавить кое-что к запасам?

– Да. – Я протянула список. – Вот.

Травница пробежала его глазами, и улыбка сползла с ее лица.

– Милочка, выйди-ка, – скомандовала она Энн.

Служанка вопросительно посмотрела на меня. Я кивнула:

– Подожди снаружи, пожалуйста.

Едва за Энн закрылась дверь, хозяйка скомкала листок и швырнула в меня. Я машинально поймала бумажный комочек за миг до того, как он прилетел мне в лицо.

– А не зарвалась ли ты, девочка? Новое платье получила, браслет добыла – все мало?

– То есть? – оторопела я.

– Забудь этот рецепт! – прошипела она. – И дорогу до моей лавки тоже забудь! Не умеешь вовремя остановиться – вовсе ничего не получишь.

Я сжала в кулаке список. Едва удержалась, чтобы не развернуть и не проверить – не написала ли название зелья. Нет, точно не писала, я же не совсем безумная. Но, видимо, опытному человеку хватило одного перечня ингредиентов, чтобы понять.

Новое платье и брачный браслет. Травница решила, что я заполучила их, опоив и подчинив волю какого-то богатея.

– Прошу прощения, – пробормотала я, понимая, что оправдываться и объясняться бесполезно. Попятилась к выходу.

– И знай, если ко мне придут, скрывать ничего не стану, – продолжала разоряться она. – На дыбу вслед за тобой я не пойду!

Я вылетела из лавки, не зная, то ли смеяться, то ли плакать. Надо ж было так сглупить! Едва не влипла: если бы хозяйка не накричала на меня сразу, а с милой улыбочкой продала все, что надо, а потом донесла в полицию, было бы куда хуже. Впрочем, нет, не донесет. Мало ли в городе рыжеволосых девушек?

Много ли в городе молодых рыжеволосых леди? Моя одежда выдает мое положение мгновенно. Стащить, что ли, платье у Энн? Нет, не получится. Во-первых, едва ли у нее столько платьев, чтобы она сразу не заметила пропажу. Во-вторых, из своих юбок я без посторонней помощи не вылезу. И, естественно, горничная тут же доложит Ксандеру.

Что ж, придется быть вдвойне осторожной.

Домой я пошла не сразу: заглянула для конспирации в шоколадную лавку, купила конфет, про себя ужаснувшись ценам на заморское лакомство. Вернувшись и отпустив Энн заниматься делами, снова зарылась в книги. Выписала с полдюжины рецептов, в каждый из которых входило по одному ингредиенту из нужных мне, поднялась в будуар, вытащила из шкатулки с украшениями несколько колец и снова выскользнула на улицу, в этот раз через дверь аптеки и никому ничего не говоря.

В окне соседнего дома мелькнула тень, я мысленно показала ей кукиш. Еще посмотрим, кто кого!

Значит, сначала в ломбард.

– Ваши украшения выкупил сегодня утром мужчина. Он подробно описал вас и сказал, что действует по вашему поручению, – сказал ростовщик после приветствия.

Да, Ксандер же обещал послать Томаса, а я совсем забыла, занятая своими проблемами. Да что такое, все одно к одному! Будь я более суеверна, решила бы, что вселенная против моего замысла.

– Значит, мой друг меня опередил, – улыбнулась я. – Приятно, когда о тебе есть кому позаботиться.

Да и пусть хоть весь мир будет против! Сложить лапки и ждать финала – это не для меня. В конце концов, у меня осталось еще немного тех денег, что я вчера выручила, заложив украшения. Прорвусь.

Когда я выходила из ломбарда, на углу мелькнул мужчина, похожий на Айгора. Вот даже как?! Поганец решил проследить за мной? Ну пусть следит, времени у меня много, погуляем. Тем более что мне все равно придется гулять: я не знаю, где в городе еще есть лавки с травами.

Первая попавшаяся чайная лавка меня разочаровала: там были чай – надо сказать, самые разнообразные – и ничего, кроме чаев. И в лавке со специями нашлись только специи. Пришлось идти дальше, внимательно глядя по сторонам и запоминая дорогу: еще не хватало заблудиться. Насколько я, оказывается, избалована картами в телефоне! И до чего трудно искать нужный магазин без помощи интернета.

Хотя город, по нашим меркам, был не сильно большим, я потратила не один час, исследуя его. Нашла еще один рынок. Он оказался попроще и подешевле, чем тот, куда водила меня Люция, и среди его завсегдатаев я выделялась, как попугай среди воробьев. Пришлось очень внимательно следить за кошельком. Но на этом рынке обнаружились целые ряды травников. Качество сырья у всех было разным, и это сыграло мне на руку: я спокойно прошла по всему ряду, перебирая травы, покупая там и сям понемногу. Но когда я уходила с рынка, моя корзинка была полна, и ровно тем, что мне было

нужно, а поверх трав красовались пышные кудряшки петрушки и пушистая зелень укропа, это всегда на кухне пригодится.

На обратной дороге я посидела в кафе, неторопливо запивая кофе трубочку со взбитыми сливками, а потом заглянула в лавку с кружевами и лентами. Разнообразной красоты там было действительно много, и я долго перебирала товар, время от времени злорадно поглядывая в окно, за которым нет-нет да и мелькал Айгор.

Неужели он полагал, что я помчусь в банк проверять его слова? А то и сниму деньги и попытаюсь скрыться с ними? Или ненавязчиво напоминал о себе? Кто знает, подходить и спрашивать я не стала. Хочет он тратить время – его дело, я-то провела эти полдня с пользой и не без удовольствия. Вернулась, правда, поздно: до прихода мужа едва успела заглянуть на кухню, проверить, все ли в порядке, переодеться к ужину да разобрать купленные травы.

В последний миг вспомнив, я сняла настоящий браслет, заменив подаренной Ксандером обманкой. Говорить правду сейчас было нельзя, врать не осталось сил. Расскажу, что браслет нашелся, потом, когда придумаю более-менее приемлемое объяснение.

Когда Ксандер спустился к ужину, выглядел он куда приличней, чем вчера. Не измотанным, а уставшим – как выглядит уставшим любой вернувшийся с работы человек.

А ведь наверняка граф Гилбрайт мог бы проводить жизнь в праздности, не утруждаясь работой. Нет же, катается весь день по пациентам. Впрочем, я ведь тоже могла бы просто позволить мужу себя обеспечивать, а вместо этого полдня провозилась с числами, которые я ненавижу, но открывать свое дело, не просчитав хотя бы приблизительно, что к чему, – сущее безумие. Так что мы оба с ним неугомонные и в других обстоятельствах могли бы поладить. Даже жаль немного.

Глава 26

– Как прошел ваш день? – поинтересовалась я, принимаясь за еду.

– Довольно плодотворно. А ваш? Удалось найти притирание?

– Да, можете забрать.

Он улыбнулся – легко и открыто. Снова стал серьезным.

– Хотел бы я знать, чему отец успел вас научить, – задумчиво произнес Ксандер. – У Монро был сильный дар, и, если вы его

унаследовали, просто грех не развивать такой талант.

– Хотела бы я сама знать, – в тон ему ответила я. – Но приходится пробираться ощупью: память так и не вернулась.

– Может быть, нанять вам наставника?

На миг я лишилась дара речи.

– Вы... серьезно?

– Я совершенно серьезен. Повторюсь, такой дар грех не развивать. К тому же... – Ксандер помедлил, явно подбирая слова. – Любящая пара из нас не получилась и едва ли получится, судя по всему...

Внутри царапнула, сворачиваясь колючим комком, обида. Да что со мной творится? Я-то его точно не люблю. Наверное, просто отголоски чувств к Сашке.

– ...но, возможно, мы могли бы отлично сработаться. Я могу быть полезным вам, вы – мне, придворный зельевар окончательно зарвался без сильных конкурентов.

Он издевается? Где я, а где придворный зельевар? Нет, я не собиралась умалять своих достоинств: я умею быстро учиться, аккуратно и добросовестно работать и со временем – если не окажется, что я по незнанию просчиталась в чем-то важном, – смогла бы обзавестись постоянными покупателями. Но...

– К слову. – Ксандер усмехнулся. – Благодаря вам я сегодня имел продолжительную и очень познавательную беседу с экономкой. Не возьметесь ли вы найти новую?

Я едва не подавилась курятиной.

– Даже если меня учили обходиться с прислугой и заниматься ее наймом, я просто не помню, как это делается! Я ничего не помню!

– Тем не менее у вас прекрасно получается с ней обходиться. Экономка служила еще моему отцу, и я ей верил, а она обманывала нашу семью все эти годы... – Он помрачнел. – Это по ее приказу кухарка завышала цены. Ее тоже нужно сменить.

– Но...

Лицо его стало жестким.

– Я верю людям, как бы глупо это ни звучало в устах человека моего возраста и положения. Но обмана я не прощаю. Руби нужно уволить, немедленно.

Я положила вилку на стол, чтобы она не выдала, как дрожат руки. И я еще подумала, что мы бы ужились? Да он и меня вышвырнет в

один день, как котенка, если вдруг что-то пойдет не по его. Повезло, что у меня есть свой дом. Осталось обеспечить собственный доход. Повторять судьбу тети Люды из моего мира и Люции из этого я не намерена.

– Я не смогу так поступить. Пожалуйста. Получается, я ее сда... я на нее донесла.

– Вы раскрыли обман. Или, – Ксандер приподнял бровь, – вы бы позволили ей воровать у меня – у нас – и дальше?

Я сглотнула, представив реакцию Ксандера на проклятые письма. И что толку в том, что обманывала его не я! Впрочем, и я тоже – я ведь притворилась его женой, хотя на самом деле вовсе не она.

– Нет, я не собиралась позволять ей подворовывать и дальше. Если помните, я говорила, что присмотрю за ней. Должно же быть у человека право на ошибку?

– Руби этим правом воспользовалась. Те зелья, что вы ей дали, стоят ее полугодового жалования, и отбирать их я не буду. Пусть благодарит вас за милость, с ними она восстановится за неделю и сможет найти новое место. – Он добавил, уже мягче: – Не переживайте, я понимаю. Избавлю вас от тягостного разговора, тем более что это я, а не вы ее нанимал и я же решил ее уволить.

– Спасибо, – прошептала я. Есть расхотелось совершенно.

Ксандер встал, но вместо того, чтобы просто уйти, обошел стол, положил ладони на мои плечи.

– Отдохните, Алисия. Похоже, у вас был тяжелый день. – Он коснулся губами моего виска и вышел из кухни, оставив меня ошалело смотреть ему вслед.

Закончив ужин, я заперлась в лаборатории. Во-первых, чтобы в самом деле избежать тягостного разговора: пусть Ксандер беседует с кухаркой без меня. Во-вторых и в-главных, с Айгором следовало разобраться как можно скорее. Велеть ему забыть обо всем, что было между ним и Алисией. А письма сжечь.

Работа шла трудно. Почти каждый компонент зелья сперва нужно было обработать отдельно – причем не только руками, но и магией, а потом – соединять в определенной последовательности, опять же, вливая и магию, причем я никак не могла уяснить логику воздействий. И медицина, и фармакология, как и химия, лежащая в ее основе, насквозь логичны, а сейчас я словно снова оказалась на первом курсе

над микроскопом, разглядывая разноцветную кашу, в которой предлагалось найти какую-то структуру.

Если бы у меня было больше времени! Если бы ставки не были так высоки!

Стук в дверь сбил меня с мысли, я потеряла контроль над магией, и зелье тут же приобрело неопиcуемый серо-буро-малиновый оттенок, завоняв тухлым яйцом. Я выругалась: додумался же кто-то устроить лабораторию в помещении без окон! Как теперь это проветрить?

Стук повторился, я распахнула дверь. На месте Ксандера я бы шарахнулась от волны удушливой вони, но он и бровью не повел.

– Вы сказали, что я могу забрать притирание.

– Да. – Я отступила внутрь, пропуская его.

Все равно придется объясняться, запах выдал меня с головой. Опомившись, я метнулась к столу, снимая с нагрева пробирку с зельем.

Муж огляделся, улыбнулся, но не ехидно, как обычно, а словно бы даже сочувствующе.

– Решили вспомнить уроки отца? Тогда лучше активировать вытяжку. Вот здесь.

Он коснулся резного завитка на ножке стола, блеснула магия, и в комнате поднялся сквозняк, шевельнув бумаги на столе. Куда он, интересно, уходит? Похоже, где-то здесь есть вентиляционное отверстие.

Изучая комнату в поисках вентиляции, я не сразу обратила внимание, что Ксандер затих, а когда опомнилась и оглянулась, было поздно. Он стоял у самого стола и крутил в руках браслет – настоящий браслет.

Который я оставила на раскрытой странице с рецептом подчиняющего зелья.

Я замерла, не в силах оторвать взгляд от Ксандера, а тому, казалось, вовсе не было до меня дела, так пристально он разглядывал браслет.

– Нашелся, значит, – сказал наконец муж. Поднял на меня глаза. Лицо его перестало что-либо выражать, но во взгляде было столько горечи, что мне захотелось провалиться сквозь землю. Я ведь не сделала ничего плохого! – Интересно, где он был. Или на самом деле не пропадал?

– Нет. – Голос сорвался, пришлось помолчать, чтобы справиться с ним. – Нашелся. Я собиралась вам сказать, но повода...

Он усмехнулся, покачал головой.

– Действительно, ерунда, не заслуживающая упоминания.

Небрежно брошенный браслет зазвенел о стол. Ксандер поддернул рукав, покрутил обруч на запястье.

– Наверное, я в самом деле зря все это затеял.

– Вам виднее. – Я постаралась сказать это нейтрально, но в голосе против воли прозвучала обида. Я вообще-то не напрашивалась к нему в жены, сам предложил, так чего теперь жалеет. – Я не помню, ни зачем вы это затеяли, ни почему я согласилась.

– Алисия, хватит, – жестко произнес он. – Не унижайте враньем ни себя, ни меня. Вы не помните своего детства, но, сбежав от меня, направились напрямик домой? И я должен в это поверить?

– Мне помогли, показав дом.

– Кто?

– Одна... кое-кто из приглашенных гостей, возвращаясь, встретил меня на дороге и узнал. Я попросила о помощи.

– И вас отвезли не ко мне, а сюда?

– Я умоляла не возвращаться к вам. – Ксандер дернул щекой, и я добавила: – Я не помнила вас, сколько можно повторять! Представьте себя на моем месте: приходишь в себя непонятно где, на голове шишка, и здоровенный мужчина, которого вы не знаете, говорит, что перестарался с вашим воспитанием! Вы бы вернулись к нему?

– Я бы хотел поверить. Очень хотел бы. – Он горько усмехнулся. – Смешно, но мне на какое-время показалось, что мы смогли бы... Неважно. Каждому есть что скрывать, и так или иначе врут все. Я сказал сегодня, что не выношу лжи, но обычно она безобидна, и я не пытаюсь во что бы то ни стало ее разоблачить. Но вы перешли все границы. – Он потерев браслет на запястье. – Вначале я решил, будто вы не слишком умны, но на самом деле вы далеко не дура, Алисия. Так почему вы считаете, что я такой дурак, будто поверю?

– Потому что я говорю правду! – воскликнула я. Ну, почти правду. – В самом деле, если вы не считаете меня душой, захоти я соврать – неужели бы не придумала более складную сказочку?

И придумала бы, знай я этот мир получше. Да если бы не подлянка от Айгора, и придумывать бы ничего не пришлось: надела бы

браслет, когда поняла, что это аналог обручального кольца, носила бы спокойно, никакой записки в моей спальне не появилось бы, и у Ксандера не нашлось бы повода злиться и подозревать меня невесть в чем.

– Ничего не помните и рассказываете мне про инстинкты и высшую нервную деятельность? Ничего не помните, но старательно скрываете имя человека с «атрофией межушного ганглия» – к слову, отличная формулировка для девочки, выросшей в приюте!

Да захоти я признаться сейчас – снова не поверит и скажет, что я выдумываю совсем уж несурязицу!

– Я могла слышать это от отца, и оно осталось в подсознании!

– Он был зельеваром, а не целителем. И он не употреблял это слово, я бы запомнил.

– Значит, от вашего отца!

Кажется, я в самом деле несу несурязицу.

– Откуда вы знаете, что мой отец так часто бывал в вашем доме, что вы могли подхватить какое-то из его выражений, если, как говорите, память о детстве полностью стерлась?! К тому же и он так не выражался, его оскорбления были куда грубее. – Ксандер снова поддернул рукав. – Вы заврались, Алисия. Хватит. Мы женаты совсем недолго, а меня уже тошнит от вашего вранья! И от вашего отношения тоже, – добавил он тише.

Стащил с запястья браслет, бросил рядом с моим.

– Вы говорили о разводе. Если я вам настолько противен, что даже свадебный браслет носить не желаете, пусть будет по-вашему.

– Нет! – охнула я.

Странное дело, пару дней назад я сама бы отдала что угодно, чтобы избавиться от этого человека, а сейчас его слова резанули ножом по сердцу. Может быть, потому что успела увидеть его с другой стороны? Его спокойную, ненавязчивую заботу, его ум и даже его ехидство, что так удачно дополняло мое.

Его чувство собственного достоинства, не позволявшее ему «насиловать перепуганных девственниц» – и которое, пропади оно все пропадом, сейчас заставляет его разорвать все отношения.

Отношения... Один поцелуй – вот и все отношения, а все остальное я себе придумала. И сейчас придумываю. Он женился на мне... Нет, не на мне, на Алисии, потому что решил, будто это его долг.

И через несколько дней понял, что брачные узы не для него, только и всего.

– Завтра я заявлю в храм о прелюбодеянии, – продолжал Ксандер, точно не услышав моего возгласа.

Я вздернула подбородок.

– Я, конечно, не идеальная жена, но прелюбодеяния не было. Заявлять вы можете что угодно, попробуйте доказать.

Он усмехнулся.

– Думаете, так трудно пройти по борделям? В любом из них найдется полдюжины свидетелей моего падения.

Вот тебе и «чувство собственного достоинства». И все-таки... Грязь польется на него, не на меня.

Может, оно и к лучшему? Представляю, какая физиономия будет у Айгора, когда он узнает. При мысли об этом я почти развеселилась, и это не укрылось от мужа.

– Вижу, я вас порадовал.

– Нет. Но если вы не верите моим словам – какой смысл мне что-то говорить? – Голос дрогнул, и мне пришлось помолчать, чтобы справиться с ним. – Делайте что хотите.

Врать бесполезно, правде он не поверит. Замкнутый круг.

– Именно так. И позволю вам делать, что хотите. Живите, как вам вздумается, варите зелья, какие вам вздумается, вот хоть... – Он осекся. Медленно, точно сам себе не веря, взял в руки справочник. – Зелье правды?!

Глава 27

Ксандер положил справочник на стол, шагнул ко мне.

– И для кого оно предназначалось?

– Не для вас! – вскинулась я. Выпрямилась, вместо того чтобы отступить.

Ксандер придвинулся еще ближе, приподнял мой подбородок, заглядывая в лицо. Я прокусила губу – от него словно волны статического электричества шли.

– Правда? И вы полагаете, я поверю?

Низкие рычащие ноты, что прорезались в его голосе, словно став осязаемыми, прошли холодом вдоль позвоночника и – вот уж некстати – пробежались мурашками по груди.

Я разозлилась – на него, на себя и собственную неуместную реакцию. Терпение лопнуло –дохлое у меня, похоже, было терпение.

– Да плевать мне, поверите вы или нет! Вам же все равно, что бы я ни сказала: заяви я, что сейчас белый день, вы ответите – ночь!

Наверное, надо было держать себя в руках. Постараться быть спокойной и разумной. Учитывая все мои недоговорки, что должен был подумать Ксандер, увидев этот рецепт? Наверняка я бы на его месте тоже взбеленилась. Только все эти, безусловно, разумные мысли мелькнули и исчезли, сметенные бурей эмоций. Пропади они пропадом, мои внезапные восемнадцать с их гормональными скачками! В двадцать восемь быть разумной куда проще.

– Вообще-то сейчас действительно ночь, – заметил муж, улыбнувшись краем рта.

И от этой полуулыбки, от прикосновения его пальцев, легко скользнувших от моего подбородка по краю челюсти, я окончательно потеряла голову. Вместо того чтобы отступить, разорвать дистанцию, отдышаться, шагнула навстречу, глядя снизу вверх, точно моська на слона.

– Вот и я о чем! Вбили в свою упрямую голову, будто я вру, и слышать ничего не хотите! Вот и не слушайте, катитесь в бордель, к герцогине как-ее-там, да хоть к кузькиной матери, и не лезьте в мои дела!

Его улыбка стала шире, а я уже не могла заткнуться:

– Я вам не нужна, и вы мне тоже, еще зелье на вас тратить! На которое дай бог если полдня работы уйдет, а то и больше, не говоря об ингредиентах!

Ксандер снова посерьезнел, вглядываясь в мои глаза. Что он хотел там увидеть? Темный внимательный взгляд гипнотизировал, притягивал, не давая отстраниться.

– Если вы не врете, то все еще хуже, – медленно и пугающе спокойно произнес муж и вдруг взорвался: – Да что же ты творишь, дура! Во что лезешь? Ладно бы в самом деле меня отравить собралась – я и антидот найду, и доносить не побегу, сам разберусь!

– Сам прибьешь и прикопаешь? – тоже перешла на «ты» я.

– Сам прикрою тебя, идиотку этакую! – рявкнул он, схватив меня за плечи и притягивая еще ближе, хотя ближе, казалось, уже невозможно. – Только когда эта твоя затея провалится, всех моих денег

и связей не хватит, чтобы тебя прикрыть! Кому ты собралась подливать зелье правды? Как намерена выкручиваться, когда попадешься, если действительно ничего и никого не помнишь?!

– Не провалится! Я буду осторожна и не попадусь!

– Королева тоже так думала! Все так думают, и все попадают, кто раньше, кто позже. А ты влипнешь сразу же! Хочешь кончить на плахе, как твой отец?

– Тебе какая разница! Хоть на плахе, хоть под забором – тебе-то какое дело! Собрался разводиться – вот и разводишься, и катись на все четыре стороны! И не переживай, даже если сдохну – тебя за собой не...

Договорить я не успела. Рука Ксандера легла мне на затылок, а губы накрыли мои. Я задохнулась от возмущения. От возмущения или желания, что током пробежало по телу, едва муж коснулся меня?

Его язык пробрался мне в рот и коснулся моего, скользнул и отстранился, точно приглашая, – и я потянулась навстречу, впилась в его губы. Поцелуй длился и длился – тот жаркий и настойчивый поцелуй, когда каждый хочет лишь брать и не желает отступить. Я вцепилась в плечи мужа – колени перестали держать. Прихватила зубами его губу – низкий рык стал мне ответом. Ладонь Ксандера легла мне пониже спины, притянула, впечатывая в сильное тело, давая возможность животом ощутить его желание. Пальцы другой руки пробрались мне в волосы, потянули, заставляя откинуть голову. Он заглянул мне в лицо.

– Еще немного, и я не остановлюсь.

Его дыхание опаляло лицо, запах его кожи дурманил разум, жар волнами пробегал по телу, бросая в дрожь.

– Не останавливайся, – прошептала я.

Он выдохнул – резко, неровно, – снова склонился ко мне. Жарко и щекотно прошептал в ухо:

– Сама напросилась.

Прихватил зубами мочку, и я не выдержала – застонала, запрокидывая голову, подставляя шею под поцелуи, вжимаясь в мужа всем телом, словно пытаюсь слиться с ним сквозь одежду. Забралась ладонью за его воротник, ощутив, как перекачиваются под кожей мышцы, перебирала его волосы, пока он неторопливо спускался по

моей шее, лаская, целуя, прикусывая, пока прокладывал дорожку поцелуев вдоль ключицы.

Ксандер попытался сдвинуть платье с моего плеча, досадливо рыкнул, когда ткань не поддалась. Выпрямился, оглядываясь по сторонам. Воспользовавшись моментом, я стащила с него расстегнутый сюртук, занялась жилетом. Какой садист придумал эти пуговицы, целый десяток пуговиц?! А может, мне просто мешали дрожащие от нетерпения пальцы. Муж отвел мои руки, сам справившись с застежкой, сбросил жилет, оставшись в одной рубашке. Я потянула ее кверху – хотелось увидеть его без одежды, коснуться кожи не только в ворохе рубахи, но Ксандер снова перехватил мои руки, бесцеремонно развернул меня спиной. Ругнулся. Нет, все эти шнуровки, юбки и корсажи точно придумал какой-то извращенец, уверенный, что супруги любят друг друга только ночью под одеялом...

Корсаж вдруг разом ослаб, на столешницу рядом со мной упал нож, которым я измельчала сырье. В следующий миг его накрыл верх моего платья, следом легла рубашка Ксандера. Я развернулась к нему, прижалась, потерлась щекой, точно кошка, слушая, как бешено мчится его сердце. Он подхватил меня, усадив на стол, потянул вниз сорочку, и я повела плечами, помогая спустить ее до пояса, выгнулась, подставляясь под ласки, когда он прильнул к груди.

Желание пробежало нервной дрожью по коже, наливалось горячим теплом между ног, и я невольно попыталась стиснуть колени, чтобы хоть немного утишить его, но между коленями уже вклинился Ксандер, а его руки хозяйничали у меня под юбкой, пробравшись в прорезь панталон, и я всхлипнула, когда пальцы, едва коснувшись чувствительной точки, скользнули дальше и снова вернулись. Заерзала, пытаясь прижаться к нему, заполнить тянущую пустоту, которую мог заполнить только он, сама подалась ему навстречу, опираясь руками за спиной, – и вскрикнула, когда он толкнулся внутрь.

Муж замер, глаза изумленно распахнулись.

– Не останавливайся, – выдохнула я.

Он накрыл ладонями мою грудь, прильнул к губам и, только когда я застонала, не в силах больше сдерживаться, качнулся снова, еще и еще, пока боль не растворилась в удовольствии, пока меня не выгнуло сладким спазмом, срывая дыхание в крик.

Я обмякла, повиснув на плечах мужа, казалось, если бы он не обнимал меня, стекла бы на стол да и осталась там лежать, свернувшись калачиком.

Ксандер погладил меня по спине, коснулся губами волос.

– Прости. Я был уверен...

– Все хорошо, – шепнула я ему в ключицу. – Все было... лучше, чем хорошо.

Он тихонько хмыкнул. Прижал меня крепче, погладил по волосам, по спине.

– Лиска-Лиска... Умеешь же ты душу вымотать.

Теперь настала моя очередь невнятно хмыкать. Еще неизвестно, кто кому больше крови попил. Хотя кто его знает, как бы все сложилось, познакомься мы нормально, а не когда я была совершенно дезориентирована, а он – расстроен и зол. Может, и никак: стали бы мы присматриваться друг к другу, если бы не череда недоразумений и связывающий нас брак?

– Тебя так волновала моя девственность?

Язык мой – враг мой. Зачем мне знать, что Ксандера интересует только нераспечатанный товар?

– Нет. Не она.

Ксандер отстранился, подобрав с пола свой сюртук, укрыл мои плечи. Взял со стола мой браслет и протянул мне на раскрытой ладони.

Я посмотрела ему в глаза – туман страсти уже исчез из них, и, хотя лицо оставалось спокойным, напряженное ожидание во взгляде было слишком заметно. Я молча взяла с широкой ладони металлический обруч, надела себе на запястье, и магия согрела меня – магия или улыбка мужа? Ксандер потянулся ко мне, приподняв пальцами мой подбородок, поцеловал так нежно и ласково, словно это и не он несколько минут назад с рыком сдирал с меня одежду.

Ксандер надел свой браслет, потянулся за рубахой.

– Подожди немного, я велю Энн сделать нам ванну, прихватчу твой пеньюар и вернусь.

Да, в том, чтобы держать прислугу, есть один большой минус: по дому в одном белье не походишь.

– Нам? – улыбнулась я.

– Я задолжал тебе... надо посчитать, сколько ночей. – Он убрал прядь волос с моего лба, погладил по щеке, и я поймала его ладонь,

прижимаясь к ней. Хихикнула.

– В самом деле. Придется компенсировать, с процентами.

Я проводила его взглядом, запахнула покрепче сюртук – от вытяжки ощутимо сквозило, – ткнулась носом в поднятый ворот, вдыхая запах сандала и мускуса, запах моего мужа.

Муж! Я усмехнулась. Как быстро и странно я к нему привязалась. А теперь магия, укрывающая дом, будет считать его не просто членом семьи, но кровным родственником. Магия! Может, дело не во мне, а в браслете? Не просто же так Люция советовала мне не снимать его. Я опасно коснулась серебристого ободка.

Нет, если бы брачные браслеты действительно связывали супругов эмоционально, мать Ксандера не оставила бы мужа. И Алисия вряд ли бы изображала обмороки, не справившись с собственными чувствами. Подождала бы, пока браслет подействует, да и все. Что бы ни стало причиной моей так стремительно появившейся симпатии к этому невозможному типу, это мои эмоции, а не наведенные магией.

«Невозможному». Я снова хихикнула, можно подумать, я такой уж подарочек. Тараканы у нас обоих в головах бодрые и откормленные, но, кажется, маршируют в лад. Посмотрим, что будет дальше.

Я поерзала – между ног саднило. Вот уж, в самом деле, сюрприз. Но тогда что значит письмо Алисии про «чудесную ночь»? Вряд ли тут додумались до интимной пластики, и даже если додумались, у приютской девочки явно не было ни возможностей, ни денег. Или она, наивный ребенок, просто писала, как есть – ведь провести ночь можно, просто глядя на звезды и слушая соловьев, а не так, как подсказывает мне испорченное воображение. Или они с Айгором дошли до достаточно откровенных ласк, но не перешагнули черту? Кто теперь скажет, не его же спрашивать?

Но на самом деле это ничего не меняет. Если письма станут достоянием общественности, никто не подумает про соловьев и звезды... Еще и по мужу этот скандал ударит рикошетом.

– О чем задумалась? – Ксандер обнял меня за плечи. – Так глубоко, что даже не услышала, как я вошел?

– О нас, – почти не соврала я. – О том, как странно все получилось.

– Странно, – согласился он, прижимаясь ко мне всем телом и целуя в висок. – Не думал, что могу увлечься настолько сильно и настолько быстро.

– Быстро? – Я прижалась щекой к его щеке.

– Да. Ты же помнишь...

– Не помню. – Где-то внутри шевельнулась обида. Вот сейчас он скажет, что Алисия очаровала его с первого взгляда, но я-то не Алисия.

– Прости. – Он крепче обнял меня. – Когда я делал тебе предложение, то честно сказал, что не намерен обещать любви, но все, что должен обеспечить жене порядочный мужчина, у тебя будет.

Тот, кого Алисия любила, не обещал и этого.

– И... что я ответила?

– Что твое сердце не свободно, но, если оно мне не нужно, ты согласна быть верной и заботливой женой.

Бедная девочка! Бедная, бедная девочка, которой некуда было деться, кроме как согласиться на брак с нелюбимым. С человеком, который ее пугал. Не она первая, не она последняя, конечно. И все же, где бы она ни оказалась сейчас, пусть ей там будет лучше, чем здесь.

Руки мужа огладили мои плечи, прошлись по груди, и я невольно прижалась к нему теснее.

– А потом я вдруг понял, что влип и никому тебя не отдам. – Он спустился поцелуями по шее. – Пойдем. А то я снова не дотерплю до спальни.

Ксандер отодвинулся, и я тихонько вздохнула. Надела поданный пеньюар. Кажется, я тоже не прочь повторить, и вовсе необязательно в постели.

– Пойдем. – Ксандер легонько подтолкнул меня пониже спины. – Ванна готова. И жду тебя в спальне.

Глава 28

Мы засыпали и просыпались, не в силах оторваться друг от друга, пока, открыв глаза в очередной раз, я не обнаружила, что солнце заливает комнату, а Ксандер, приподнявшись на локте, смотрит на меня.

– Доброе утро, Лиска. – Он чмокнул меня в нос.

– Доброе. – Я погладила его по отросшей за ночь щетине.

– Выспалась?

– Угу. – Я сладко потянулась, покрывало сползло, открыв грудь, и я заметила, как муж устался на нее.

Но, вместо того чтобы перейти к действиям, натянул покрывало обратно, укутав до самых плеч, и придвинулся так, чтобы видеть мое лицо.

– Тогда рассказывай.

– В смысле, – не поняла я.

– В смысле – кого и зачем ты собралась поить зельем подчинения.

Я помрачнела, и он добавил:

– Не думаешь же ты, что за ночь у меня мозги в... вниз утекли. Я помню нашу ссору и по-прежнему не хочу, чтобы ты оказалась на плахе.

Я вздохнула.

– Может, оденемся? Спальня – не лучшее место для серьезных разговоров.

Он покачал головой.

– Самое место. Тут же и помиримся, если что.

Я не выдержала – рассмеялась. Вот же самодовольный нахал! Впрочем... ночь и в самом деле выдалась незабываемой.

– Тогда ты первый рассказывай.

– О чем?

– О том, что случилось десять лет назад. Кого проклял мой отец – ты же явно догадался. И почему твой взял с тебя такое обещание, ведь дочь изменника, к тому же бесприданница, – не лучшая пара для придворного целителя.

– Тогда я еще не был придворным целителем. – Ксандер притянул меня к себе, поцеловал в макушку. – Не буду врать, я бы не хотел вспоминать. История вышла грязная и кровавая, и мертвых уже не вернешь.

– Мне нужно знать. – Я легко коснулась губами его ключицы. – Правда нужно. Я не тяну время и потом отвечу на все твои вопросы.

Не факт, что правдиво, но постараюсь врать как можно меньше.

– Хорошо. Это не та история, о которой можно посплетничать в салонах.

Я кивнула. Ксандер выпустил меня, откатился на подушках, заложив руки под голову и уставившись в потолок.

– Однажды у его величества испортились отношения с сыном. Надо сказать, наследник как раз вошел в тот возраст, когда подростки будто специально испытывают терпение родителей. Но со стороны казалось, будто принц остался почтительным и внимательным сыном, и тем не менее он все чаще стал избегать общества, а те, кто знал его достаточно близко, чтобы встречаться без приглашения, стали замечать синяки. Никогда раньше король не поднимал руку на сына. Это продолжалось около года, и в конце концов принцу велели отправляться в монастырь, дабы смирить чрезмерную для наследника гордыню. Вслух никто ничего не сказал, но всем было ясно, что дело закончится постригом.

– Наследника? – не поверила я. – У короля подрастали другие сыновья?

– Нет, незадолго до того королева, вторая его жена, родила третью девочку.

– Дурдом какой-то. Прости, – спохватилась я. – Продолжай.

– Перечить отцу принц не мог. В тот год вообще мало кто рисковал перечить королю, он стал гневлив и несдержан. Зато принц мог набрать в дворцовом саду плодов бобовника.

– Отравить отца? – ахнула я.

– Себя. И не отравить, а сорвать отъезд. Конечно, он рисковал: растительные яды непредсказуемы. Но ему повезло. Поездку пришлось отложить, позвали придворного целителя, и принц, воспользовавшись возможностью, попросил его о помощи. Подробности этого разговора мне никто не пересказывал, но так или иначе отец обещал разобраться.

«Отец». Значит, я была права, отец Ксандера был придворным целителем. Тем, кто донес на отца Алисии и отправился на плаху через три года.

– Он начал копать, и по всему выходило, что виноват королевский зельевар. Зелье правды, то самое, что ты пыталась сварить. В дозировке ниже эффективной его не может определить ни один артефакт, выявляющий яды. Но если воздействие в таких дозах регулярно, рано или поздно эффект накапливается, и на разум можно влиять. Еще побочные...

– Я читала, – кивнула я.

Вспыльчивость, подозрительность, галлюцинации. Неприятный набор, если не сказать больше.

– Словом, отец узнал про зелье. И... Говорили, будто придворный целитель донес на своего старого друга, королевского зельевара. Отец всегда был прямолинейней тарана и сперва делал, потом думал, даже удивительно, что он долго удержался на своей должности. Так что, возможно, слухи правдивы. – Ксандер продолжал разглядывать потолок, словно увидел на нем нечто необыкновенно интересное. – Он перед смертью твердил, что просто поделился сомнениями не с тем человеком, и я ему верил, но... Ты слышала проклятие, слышала формулировки. Имен названо не было, и все же проклятие сработало.

Я придвинулась к нему, обнимая. Ксандер погладил меня по плечу и продолжал:

– Как бы то ни было, жернова Тайной канцелярии закрутились. Один человек, служивший там, был дружен с твоим отцом и предупредил друга, но слишком поздно. Он ничего не успел сделать – а может, не смог, кто знает? Графиня ждала ребенка и носила плохо, в ее положении нельзя было пускаться в дорогу, да и куда им было бежать?

Муж надолго замолчал, продолжая смотреть в потолок, лицо стало вовсе непроницаемым, и только по тому, как колотилось сердце в груди, к которой я сейчас прижималась щекой, было понятно, что ему нелегко даются эти воспоминания.

– Когда я узнал, что в вашем доме обыск, приехал... – Он усмехнулся. – Малолетний идиот. Графиня выставила меня из дома. И, видимо, швырнула вслед кольцо, которое я зачаровал, – судя по тому, что оно валялось на полу все эти годы. Вообще-то за ее здоровьем следил мой отец, но работать с артефактами мне оказалось легче, чем ему. В доме были люди Тайной канцелярии, и, когда графине стало плохо, она пыталась не показывать свою слабость перед теми, кого считала врагами. А может, знала, что помощи от них не дождется... Словом, и мать, и ребенок погибли. До сих пор думаю: если бы я не уехал, если бы остался под дверью, может, сумел бы... – Он горько усмехнулся. – Прости. Выглядит так, будто я ищу себе оправдание.

– Мне не за что тебя прощать, – сказала я.

Мне – в самом деле не за что и винить не за что. Может, Алисия и не смогла простить, в том и причина ее обмороков. И все же... Сколько

Ксандеру было тогда? Восемнадцать? Много ли мог сделать вчерашний подросток?

Он снова усмехнулся.

– Полетели головы, самые ушлые воспользовались моментом, чтобы утопить тех, кто им мешал. Тот человек, что предупредил твоих родителей, тоже...

– Наш сосед?

– Да. Значит, ты что-то знаешь?

– Люция Сапфира проболталась кое о чем. Но отказалась рассказывать полностью.

– Ну вот, теперь ты услышишь эту историю полностью. Справедливость восторжествовала, принц вернулся во дворец, не успев принять постриг... а через три года король снова начал... чудить. И в этот раз обвинили моего отца. Добавив к обвинениям, и что он оговорил друга, дабы выгородить себя. И снова полетели головы.

– Тебя тоже... – начала было я, но осеклась.

Слишком страшно было спрашивать. На теле Ксандера не было шрамов, но в мире, где магия способна исцелять, это ничего не значило.

– Допросили. Признаваться мне было не в чем, оговаривать отца не стал, так что в конце концов отпустили, – сказал он, и снова я побоялась вдаваться в подробности. Слишком уж спокойно он это произнес. – Меня, конечно, это не устроило.

– То есть? – Я приподнялась, оперла подбородок о кулак, который пристроила на груди мужа, заглянула Ксандеру в лицо. – Не устроило, что отпустили?

Он рассмеялся, взъерошил мне волосы.

– Не смотри на меня так. Я в своем уме, не страдаю от кошмаров, здоров и жив. – Он помрачнел. – В отличие от многих других. Меня не устроило, что отец оставался в тюрьме и дело шло к плахе. Я-то был уверен, что он невиновен. Начал искать выходы на тех, кто поверит и поможет, но медленно. Слишком медленно.

– Ты не успел?

– Не успел. Нам разрешили увидеться перед казнью. Отец был... – Ксандер покачал головой. – Раздавлен. Только и твердил, что Питер взошел на эшафот с гордо поднятой головой, а ему самому

придется на том свете смотреть ему в глаза, не зная, что сказать. Что заслужил воздаяние за ошибку. Воздаяние, которое уже ничего не изменит, не вернуть ни Питера, ни Надин, ни их ребенка, который так и не родился, ни остальных, кого смял этот кровавый клубок. Тогда отец и попросил меня позаботиться о тебе. Сама понимаешь, в последней просьбе я не мог отказать.

Я вздохнула. Скажет ли муж правду в ответ на прямой вопрос?

– Жалеешь об этом?

Он усмехнулся, легонько щелкнул меня по носу.

– Лиска, не дури. Жалею ли я, что получил в жены обворожительную женщину и отличную хозяйку, с которой к тому же явно не заскучаешь?

Да уж, умеет он говорить комплименты, не знаешь, то ли обрадоваться, то ли стукнуть.

– Но ты не успокоился?

Ксандер кивнул.

– В конце концов мне удалось договориться о встрече с наследником. Даже странно, что он согласился, учитывая разницу в положении. Титула меня к тому времени лишили.

И дома, судя по всему, и заработка. Но он об этом даже не упомянул, зато титул... Наверное, в чем-то мне никогда его не понять.

– Мне повезло, если это можно так назвать: во время нашей беседы принцу стало плохо. Мне повезло дважды – свидетелей не оказалось. Нет, трижды. Справиться с ядом одной магией, без зелий очень сложно, но у меня получилось. Иначе бы мы с тобой сейчас не разговаривали.

– Его отравили? – оторопела я. – Но... это же глупо! Если уж травить, то до ареста «изменника»! Или яд был с накопительным действием и оно проявилось позже срока, на который рассчитывал отравитель?

– Судя по всему, принца отравил не тот человек, что подставил наших родителей. – Ксандер серьезно посмотрел мне в глаза, и у меня разом пропала охота спрашивать, кто именно попытался отправить на тот свет наследника.

Тот же, кто до того велел ему отправляться в монастырь? Как же они существуют теперь под одной крышей? Встречаются на

церемониях? Как жить с таким грузом на душе, пусть даже зло совершилось под чужим воздействием? Нет, я не хочу этого знать.

Неужели это зелье подчинения настолько сильно? Озноб пробежал у меня по спине, и я подтянула на плечи покрывало, хотя в спальне было жарко. Если у меня получится задуманное, Айгор окажется в полной моей власти, и это пугало. Слишком уж велик соблазн.

– Словом, принц пообещал мне разобраться. Приблизил меня к себе, опасаясь очередного покушения.

– Приблизил сына изменника, лишённого титула и имущества?

Наверняка он прекрасно сознавал, что скажут люди. Как и Ксандер. И оба не испугались.

– Да. Скандал был нешуточный, какое-то время я постоянно носил при себе antidоты к самым распространённым ядам. Мы искали – осторожно, не торопясь, торопиться было некуда, отца уже казнили. Не буду вдаваться в подробности, это уже неважно сейчас. И нашли.

Вот, значит, что он имел в виду, когда сказал, будто они с принцем многим друг другу обязаны.

– Королева? – спросила я. – Ты сказал: «Королева тоже так думала».

– Королева, – кивнул муж. – Вторая супруга его величества. Убивать мужа ей было ни к чему, но сделать своей марионеткой и заодно избавиться от наследника, освободив дорогу к трону своим детям...

– Ты говорил: три девочки.

– К тому времени уже четыре, но она надеялась все же родить мальчика. Надо отдать королю должное, он не стал заминать эту историю. Королеву казнили...

А дети? Как живут эти девочки, зная, что их отец убил их мать? Что ждёт их? Монастырь? Замужество ради государственных интересов?

– ...наших родителей оправдали, и тебе, и мне вернули титул и имущество... От счетов к тому моменту, разумеется, ничего не осталось, но, – Ксандер усмехнулся, – это уже суцая ерунда после всего остального. Молодой здоровый мужчина, к тому же маг, всегда найдёт, как заработать. Я бы справился, даже если бы мне не предложили в награду нынешнюю должность. С тобой хуже. – Он

снова притянул меня к себе, словно укутывая в объятьях. – Говорил же, история не из тех, что с удовольствием будешь рассказывать детям.

– Ничего, мне надо было знать. – Я помолчала, собираясь с духом. – Значит, теперь моя очередь.

Глава 29

Я снова надолго замолчала, обдумывая, с чего начать. Ксандер не торопил меня, легонько поглаживая по плечам.

– Есть один человек... Видимо, тот, о котором я сказала тебе, будто мое сердце не свободно. – Я покачала головой. – Сама не верю, что могла... – Слова упорно не шли на ум. – Как я могла увлечься им.

Я чуть отодвинулась, обхватила себя руками, и Ксандер, выпустив меня, приподнялся на локте, глядя на меня серьезно и внимательно.

– Я не помню, но этот человек утверждает, что между нами что-то было. Не помню. Утром того дня, когда ты вернулся в мой дом, он со своей матерью был у меня в гостях... Она предложила мне помочь разобраться с гардеробом, заявив, что я одета неподобающе. Наверное, это было правдой, я совершенно не понимаю, какой наряд в каких обстоятельствах уместен.

– Если ты не вспомнишь, Энн подскажет. У нее хороший вкус.

Ксандер отвел с моей щеки прядь волос. Улыбнулся, подбодряя, как будто разговор не шел о другом мужчине в жизни его жены.

– Да, спасибо тебе за нее. – Я вздохнула. – Но, приглашая в дом его мать, пришлось впустить и его.

– Не оставлять же под дверью стоять? – с какой-то неопределенной интонацией произнес Ксандер. – Скрестись будет, скулить...

Я нервно хихикнула.

– Пока его мать помогала мне одеться, как полагается леди, он воспользовался тем, что в доме нет прислуги. Поднялся в мою спальню – не знаю, как он узнал, где что в доме.

– Ему было нетрудно узнать, – очень спокойно сказал муж, но от этого спокойствия меня затрясло, и я сильнее обхватила себя руками. – Ребенком Айгор часто бывал в вашем доме, как и я.

– Ты догадался, – обреченно произнесла я.

– Ты говорила, будто одеться тебе помогла соседка. Кто угодно бы догадался. – Ксандер очень нехорошо улыбнулся. – Значит, это его

записка. Могу сказать, что совершенно согласен со всеми эпитетами, которыми ты его наградила. Прежде чем без приглашения лезть в спальню к женщине, стоит выяснить, не изменилось ли ее отношение к тебе.

– А у тебя большой опыт хождения по женским спальням? – не удержалась я.

Ксандер приподнял бровь.

– Полагаешь, я должен тебе отчитываться?

– Нет. Прошлое есть у всех, и пока оно не лезет в настоящее... – Я нервно вздохнула, внутренности словно превратились в холодное желе. – Он прошел в мою спальню. Оставил записку и украл браслет, который я сняла накануне и оставила там.

Я не могла поднять взгляд на мужа. Вот вроде бы и не виновата ни в чем, а стыдно так, что провалиться хочется.

– Как ты его вернула?

– Он отдал его. «В знак честности намерений», – так он сказал.

– Не вижу логики. Украсть, чтобы потом вернуть в знак честности намерений.

– Он думал, что молодая жена, в смысле я, будет готова на все, чтобы заполучить браслет обратно.

М-да, из моих слов тоже логика неясна. Но Ксандер, кажется, забыл о ней.

– Насколько на все? – прошипел он.

– Айгор требует две тысячи ассигнациями.

На лице мужа отразилось неподдельное изумление, а потом он расхохотался, да так заливисто, как будто услышал невероятно удачную шутку. Мне, правда, было совсем не до смеха.

– Он всерьез полагает, что я просто так отдам молодой жене свое годовое жалование и не поинтересуюсь, на что она намерена его потратить? – выдохнул Ксандер, утирая проступившие от смеха слезы. – Вот уж воистину атрезия междушного ганглия. Сперва украл браслет, потом вернул, он весьма последователен.

– На самом деле браслет был ему не так уж нужен. Я думаю, что он стащил его не столько для шантажа, сколько чтобы заставить меня занервничать. – Я резко выдохнула, как перед прыжком в ледяную воду. – У него мои письма. Айгор говорил, будто не хочет, чтобы и его

имя полоскали, но, если я продолжу упираться, он обнаружит их. Пришлет тебе. Или герцогине... не помню, как ее зовут.

– Вот откуда ты о ней узнала, – протянул муж. – Но ты в самом деле ему писала?

– Да откуда же мне знать! – воскликнула я. – Я не помню! Он прочитал одно, но действительно ли это мое письмо, или он сам, якобы от моего имени... Не знаю! Я не помню, не понимаю, как вообще могла что-то найти в этом слизняке!

– Ну, это-то как раз понятно. – Ксандер улыбнулся уголком рта. – Последние лет десять Айгор живет за счет богатых любовниц, за это время и с таким умишком, как у него, можно научиться морочить головы даже опытным женщинам. Девчонка вроде тебя ему вовсе на один зуб.

Он произнес это легко, будто о погоде беседовал, но я заметила, как напрягся кулак, которым Ксандер подпирал голову.

– Я не помню ту девчонку. Может быть, подлецы в самом деле были в ее вкусе, но не в моем.

– Непонятно только, зачем он начал виться вокруг тебя, – словно бы не услышал меня муж. – Я никому о своих планах жениться не рассказывал, а у тебя не было ничего, кроме имени и дома.

И смазливой мордашки, так что Айгор мог совместить полезное с приятным.

– И долгов по налогам, – невесело усмехнулась я. – Даже странно, что дом не забрали и не пустили с молотка.

– Долгов нет, об этом заботился сперва отец, потом я.

Вот как...

– Я... спасибо.

– Лиска, я сказал это вовсе не для того, чтобы ты почувствовала себя обязанной. – Он взъерошил мне волосы. – Я уже понял, что ты не любишь быть в долгу, и вовсе бы не упомянул о налогах, если бы ты сама о них не вспомнила.

– Может, дом ему и нужен был? Он ведь, наверное, недешев? – Если правда, что Айгор нашел банковские расписки только сейчас. Хотя, наверное, нашел бы их раньше – женился бы, чтобы опередить «очередь отсюда и до дворца».

– Особняк в двух кварталах от дворца? – Ксандер усмехнулся и не стал договаривать.

Что ж, и без того было ясно. Странно только, что Айгор не сделал предложение. Надеялся, что и так сможет веревки вить из влюбленной девочки? Уговорить продать дом, прожить деньги, а там прошла любовь, завяли помидоры? Кто скажет, опять же, я спрашивать не пойду.

– Я все-таки верну долг. Ну, постараюсь.

– Когда восстановишь дело отца? – улыбнулся муж совсем не так, как когда говорил об Айгоре.

– Ты догадался?

– Трудно было не догадаться, что ты собираешься делать. – Он погладил меня по щеке. – Думаю, у тебя получится, но денег я у тебя не возьму, даже не думай. Я же не Айгор. – Муж усмехнулся, и я подумала, что на месте паршивца бежала бы без оглядки. – Но он все-таки непроходимо глуп. Если твои письма в самом деле были... неосторожными, стоило бы подождать пару лет. Из женщины с собственным доходом, которая твердо стоит на ногах, можно вытрясти куда больше, чем из девочки на полном содержании мужа.

Я улыбнулась, на душе неожиданно потеплело. Он в меня верит! В меня и мне.

– Впрочем, встав на ноги, ты бы тем более отказалась платить.

Я не стала спрашивать, как он понял, что я отказалась. Зелье правды.

– И в отличие от нынешнего времени – не потому, что испугалась моего гнева, – закончил Ксандер.

– Я и сейчас отказалась платить не потому, что испугалась, – обиделась я. – Я же не дура.

– Да, ты не дура, – подтвердил муж. – Шантажисту стоит один раз почуять кровь, и он не остановится никогда. – Он притянул меня к себе. – Спасибо.

– За что?

– Что все же рассказала. Значит, у него твои письма? Больше ничего?

– Я не знаю! – в который раз повторила я.

– Хорошо, я с этим разберусь.

– Но...

– Лиска, ты уже поверила мне один раз. Поверь и второй: если я говорю, что разберусь, – значит, разберусь. – Он приподнял пальцем

мой подбородок, заставив посмотреть ему в лицо. – Трепать твое имя не будут, это я обещаю, тем более что скандал затронет и меня. Но ты немедленно – в смысле сразу после завтрака – уберешь подальше справочник и забудешь все, что ты там прочитала.

– Хорошо.

– Это серьезно, – не успокаивался он. – Очень серьезно. Стоит кому-то узнать даже просто, что у тебя есть рецепт, – изымут всю библиотеку, не разбираясь, а ты и пикнуть не успеешь, как окажешься в тюрьме. И никто не станет выяснять, успела ли ты опробовать рецепт.

– Но он в открытом доступе!

– Он был, – муж выделил голосом это слово, – в открытом доступе. Десять лет назад. С тех пор кое-что произошло.

– Ясно, – протянула я. – Я уберу справочник.

– Хорошо, что ясно. – Муж покачал головой. – Зато мне не ясно. Почему Айгор был так уверен, что ты сможешь выманить у меня такую сумму. Уж прости, но ни та, какой ты была до травмы, ни та, какая ты сейчас, не способна...

– Заставить тебя потерять голову?

– О, это-то как раз способна!

Он потянулся к моим губам, и на какое-то время нам стало не до разговоров.

– Если я сейчас дам тебе эти две тысячи, что ты скажешь? – поинтересовался он, когда мы снова лежали обнявшись.

Я заглянула ему в лицо, не веря своим ушам.

– Надеюсь, ты шутишь. Потому что, если нет... – Я потянула на себя покрывало, отползая на край кровати. – Так меня еще никто не...

Ксандер тихонько рассмеялся.

– Вот то-то и оно. Содержанка из тебя никудышная.

– Я тебя стукну, честное...

Договорить он мне не дал, заткнув поцелуем.

– Но ведь это делается не так, наверное? – любопытствовала я, легонько водя пальцами по его груди. – Не сразу после... если мы не говорим о профессионалках, конечно.

– Не так, – легко согласился муж, и меня кольнуло ревностью. – Но смысла это не меняет. И потому... У тебя есть собственные деньги?

Хозяйка приюта утверждала, что у тебя ни гроша. Мне побеседовать с ней еще раз?

– Я не знаю. – Честно, скоро мозоль на языке появится от этих трех слов. – Правда, что Беарнский банк не раскрывает тайны вкладов?

Нет смысла скрывать, даже если бы я и не обещала говорить правду. Ксандер и сам практически обо всем догадался.

– Вон оно что... И много?

– Айгор говорит, пять тысяч.

Муж присвистнул.

– Удачно я женился, ничего не скажешь. Даже странно, что никто не опередил.

– Айгор утверждает, будто узнал об этих деньгах совсем недавно, разбирая дневники своего отца.

– Что ж, значит, планы меняются. Съездим в банк. – Ксандер рывком сел.

Я ошалело моргнула. Нет, не может быть, чтобы он подложил мне такую свинью.

– Лиска, ты чего? – Он притянул меня к себе. – Это же твое приданое. Даже если ты захочешь вышвырнуть его в море, я смогу только неодобрительно на это смотреть. Даже если бы я и захотел вмешаться – а я не захочу, – требование письменного разрешения мужа на любые траты из приданого жены отменили лет... – Он возвел взгляд к потолку, припоминая. – Да, пять лет назад. И тогда же отменили право мужа распоряжаться приданным жены без ее ведома. Было несколько громких скандалов. Ты и законы забыла?

Я тихонько угукнула, уткнувшись ему в плечо, стыд, что подумала о нем плохо, мешался с облегчением.

– Но неужели тебе самой не любопытно, правда ли ты богата и можешь в любой момент послать меня к ядреным демонам?

– Я не собиралась тебя никуда посылать! – Я вывернулась из его объятий.

– В самом деле? – приподнял бровь он, и я залилась краской. Собиралась, и он прекрасно это помнит.

– Любопытно, – признала я, торопливо меняя тему. – Но...

Пришлось рассказать и о слежке. Ксандер расхохотался.

– Так тем веселее! Пусть побегает, посмотрит, изведется. А потом мы поговорим... – Он хищно улыбнулся, и я невольно посочувствовала паршивцу Айгору.

Я хотела спросить у мужа, что он задумал, но едва открыла рот, меня перебило громкое урчание собственного желудка. Ксандер притянул меня к себе и чмокнул в нос.

– После такой ночи я тоже жутко голоден, – шепнул он. – Пойдем поищем, что там есть на кухне. Алисия, – окликнул меня он, когда я уже стояла в дверях.

Я обернулась.

– Я понимаю, что оправданий нет, а извинения бессмысленны, – негромко и очень серьезно сказал он, подходя ко мне. – Хотя я и залечил ее, травма остается травмой, нам обоим очень повезло, что все обошлось. И все же... Прости меня. Притворный обморок или нет, я должен был тебя поймать,

– Ты знаешь, что я уже простила. – Говорить за Алисию не возьмусь, а я нынешняя от Ксандера не видела ничего плохого.

Он притянул меня к себе, сжал в объятьях так, что я придушенно пискнула.

– Знаю. Но я должен был это сказать.

Глава 30

Когда после завтрака Ксандер отдал мне тонкую кожаную папку, я снова чуть со стыда не сгорела. А еще Алисию про себя считала не от мира сего. Она не забрала из приюта аттестат – к слову, в папке он обнаружился, – а я за все это время даже не предположила, что в магическом мире существуют удостоверения личности.

У Ксандера, дворянина на государственной службе, был паспорт, позволявший ему когда угодно покидать столицу, мне, чтобы уехать куда-то самостоятельно, понадобилась бы подорожная, а паспорт заменяла грамота о дворянстве, свидетельствующая, что имена представителей рода Монро, в том числе и Алисии, вписаны в Дворянскую родословную книгу столицы.

Я сложила папку с документами в сумочку, и мы направились в банк. По дороге я несколько раз попыталась оглянуться, чтобы увидеть, потащился ли с нами Айгор, но муж притянул меня за талию и прошептал на ухо:

– Не вертись. Много чести.

Значит, все-таки потащился. Тогда и в самом деле много чести паршивцу – дать понять, что меня беспокоит его присутствие.

Банковский служащий, обходительный молодой человек, изучил грамоту куда внимательней, чем в нашем мире рассматривают паспорта, только что на зуб не попробовал. Сверился сперва с пухлым талмудом, судя по обложке – выпиской из той самой родословной книги, потом долго копался в толстых тетрадях и в конце концов подтвердил, что Алисия Монро действительно является владелицей вклада. Правда, сумма оказалась в полтора с лишним раза больше той, что назвал Айгор. Проценты. Вроде и небольшие, но десять лет – серьезный срок, а инфляция здесь минимальная.

– Желаете снять? – спросил клерк.

– Нет. Мне надо подумать.

Очень хорошо подумать и не предпринимать ничего, пока я не уложу в голове здешние цены. Почти четыре годовых жалования придворного целителя – это много? Судя по реакции Ксандера – да. Насколько много? Хватит ли, чтобы купить все нужное для моей аптеки? И еще нужно найти преподавателей – неизвестно, какие из моих знаний годятся для этого мира, а в магии я вовсе ничего не смыслю, то, что до сих пор хоть что-то получилось, – чистое везение.

– Лиска, попробуй выглядеть не такой радостной, – посоветовал Ксандер, когда мы выходили из банка. – Сделай хотя бы такое лицо, как на свадьбе.

Мне даже думать не хотелось, какое лицо у Алисии было на свадьбе. Все же я честно попыталась, и муж покачал головой.

– Да, актриса из тебя никудышная. Я тут подумал, зачем тебе, собственно, лезть в мужские дела, зелья, деньги – это все не для женского ума, а у тебя и так все...

Я хватанула ртом воздух, собираясь высказать все, что думаю, о людях, которые переобуваются в прыжке, а он добавил тем же тоном:

– Отлично, ровно то выражение, какое нужно. Чтобы закрепить эффект, пойдем-ка побеседуем с придворным зельеваром. Вон его лавка. – Он указал на другую сторону улицы, где на вывеске красовалась змея, обвивающая яблоню.

Придворный зельевар мне не понравился. Слишком уж масляным сделался взгляд, когда я вошла. Может, окажись этот тип молодым

интересным мужчиной, я бы расценила такую реакцию как комплимент, но он был старше моего отца – моего настоящего отца.

Место за прилавком занял человек средних лет, а сам хозяин провел нас в комнатку, где стояли удобные кресла и низенький столик. Служанка принесла чай и шоколадные конфеты, а я, помня, сколько за них просили в лавке рядом с рынком, задумалась, в самом ли деле к зельевару часто заходят настолько богатые покупатели, чтобы держать ради них шоколад. Мы угощали принца куда скромнее, и он остался доволен.

Или дело было в том, что Ксандер – постоянный заказчик и в каком-то смысле коллега?

Беседа мужчин текла легко и плавно, я предпочла помалкивать, тем более что Ксандер будто бы ненароком переключился на профессиональные темы и хозяин поддержал разговор, так что слушать мне было куда полезнее, чем говорить. За какие-то полчаса я узнала очень много о том, какие зелья самые ходовые, сезонных колебаниях спроса и цен, моде на отдушки в притираниях и прочих нужных вещах.

Причем безо всяких усилий с моей стороны.

– Но что мы все о деле и о деле, – спохватился наконец хозяин. – Графиня наверняка заскучала.

– Нет, что вы, мне очень интересно! – совершенно искренне сказала я, но хозяин лишь снисходительно улыбнулся.

– Позвольте вам не поверить. Молодой красивой женщине не могут быть интересны подобные материи.

Да что бы ты понимал в молодых красивых женщинах! Зельевар между тем не унимался:

– Но раз уж мы завели о них речь... – Он обернулся к Ксандеру. – Друг мой, не продадите ли вы мне библиотеку Монро? Вам она едва ли пригодится, ведь ваш дар другой. Я дам хорошую цену.

– Спросите у графини, это ее собственность, – пожал плечами Ксандер.

На лице хозяина промелькнуло недоумение, снова сменившись любезной маской.

– Соглашайтесь, Алисия. Я действительно не поспею, подробности мы обсудим с вашим мужем, чтобы не добавлять вам забот. Оставьте себе на память один-два тома, зачем остальному

собирать пыль? И я бы с удовольствием взглянул на рабочие записи графа Монро, если они сохранились.

Сохранились, еще как сохранились, несколько ящиков исписанных тетрадей, которые я пока не нашла времени прочитать. Но они мне и самой пригодятся. Ишь, чего удумал – возьми да отдай ему все наработки!

Я улыбнулась.

– Я очень люблю читать и не хочу лишать себя этого невинного удовольствия.

– Так читайте сколько угодно! – всплеснул руками зельевар. – Разве в лавках закончились дамские романы? При чем здесь библиотека вашего отца!

Я захлопала ресницами.

– Ну что вы, какой роман может сравниться по увлекательности с учебником химии?

Ксандер закашлялся, зельевар нахмурился.

– Вы смеетесь надо мной?

– Я совершенно серьезна. – Я придала своему лицу самое наивное выражение, на которое была способна. – Господь устроил наш мир так интересно и разнообразно, что было бы просто грешно не изучить его как следует, отдавая должное величию замысла. Химия, физика, математика – три кита, на которых стоит этот замысел, и они безумно интересны.

Признаюсь, я привыкла коротать вечера вовсе не за учебниками, но слишком трудно было удержаться от издевки. К тому же в ближайшее время, кажется, придется снова вспомнить молодость и зубрить сутками.

– Раз уж мы заговорили о науках, – перехватил нить беседы Ксандер, пока хозяин ошарашенно молчал. – Не у вас ли хранится копия списка тем для подготовки к собеседованию на право открыть зелейную лавку? И последние требования к ведению дел в самой лавке?

Лицо зельевара побагровело.

– Это... просто издевательство с вашей...

– Список! – Голос Ксандера стал жестким. – Иначе на следующем заседании Совета мне придется поднять вопрос о недобросовестной

конкуренции. За последние семь лет в столице не появилось ни одной новой зеленой лавки.

Выйдя из лавки, Ксандер поймал извозчика.

– Кажется, из-за меня ты нажил себе врага, – сказала я, устраиваясь в пролетке.

– Мы никогда и не были друзьями.

– Это радует. Ты прав. После беседы с королевским зельеваром мне действительно хочется кого-нибудь убить. И пройти собеседование назло ему.

– А ты действительно знаешь химию, физику и математику? – полюбопытствовал Ксандер.

– Я знаю, что ничего не знаю, – процитировала я древнего мыслителя. – Оценить всю глубину собственного невежества я смогу, только открыв учебники. Но это должно быть интересно.

– Помнится, мой отец ворчал, что Питер загубит ребенка, – задумчиво произнес муж. – Что незачем так рано учить дитя, тем более девочку, так рано читать.

– Рано? – переспросила я.

– Не помню, сколько тебе было, мы мало общались... но помню, что как-то увидел тебя с книгой и подумал, что отец прав: такой малявке надо в куклы играть, а не книжки читать. – Ксандер усмехнулся. – А твой твердил, что детский разум куда пластичней взрослого и потому нужно пользоваться моментом. Похоже, он в самом деле многому успел тебя научить.

Я мысленно выдохнула. Муж сам нашел отличное объяснение, избавив меня от необходимости признаваться или врать. Пусть так и останется. Так будет лучше и для меня, и для него.

Когда мы вернулись домой, Ксандер сгреб с подноса в прихожей россыпь картонных карточек.

– Скажи Энн, что мы отправляемся с визитами.

Опять переодеваться? Нет, конечно, и в нашем мире мы не ходим дома в уличной одежде и не являемся на работу в спортивном костюме. Но все равно как-то слишком... Зато мне не приходится заботиться об уборке. И кухарку Ксандер обещал нанять, в этот раз посоветовавшись со мной. Ради того чтобы забыть о домашней рутине, можно пережить и переодевания.

Воспоминания о Руби кольнули сожалением. Она собрала вещи и ушла еще вечером, не оставив другим слугам адреса. Утешало лишь, что зелий, которые я ей дала, хватит на полный курс лечения, а там Руби найдет работу.

– Я пока велю Джеку запрячь экипаж и тоже переоденусь, – добавил Ксандер. – Не так часто у меня выпадают свободные дни, а без мужа ты сможешь ездить только к близким подругам и родственникам.

Которых у меня нет. Прежде чем я успела возмутиться, Ксандер добавил:

– Открой любое наставление по хорошим манерам, и убедишься, что это не я придумал. – Он погладил меня по плечу. – Не дуйся, Лиска. Все эти люди были на нашей свадьбе, и мы должны посетить их, раз уж не приняли у себя.

– Я никого из них не помню. Что я им скажу? – испугалась я.

– Просто будь милой и вежливой. Насколько я понял, ты почти ни с кем из них не была знакома до того. – Он легонько подтолкнул меня пониже спины. – Бегом.

Остаток дня мы провели по гостям, нигде не задерживаясь больше получаса, и, когда экипаж подъехал к дому, у меня голова гудела от лиц, имен и разговоров.

– Что ж, остался последний визит, – ухмыльнулся Ксандер, помогая мне выбраться из коляски, и я потеряла равновесие, увидев эту хищную ухмылку.

– Может...

– Чего тебе бояться? – приподнял бровь он. – Я не дикарь какой, морды бить не приучен, у Айгора тем более на это духа не хватит, а с соседями нужно поддерживать хорошие отношения. Госпожа Сапфира навещала тебя, визит следует вернуть.

– Да, она обрадуется, узнав, что у нас все хорошо, – пролепетала я. Заставила себя собраться с духом. – Что ты задумал?

– Не скажу. Не хочу, чтобы ты мне все испортила, – неожиданно жестко ответил он.

Я заткнулась. Молча дождалась, пока нам откроют дверь, молча наблюдала, как муж с обворожительной улыбкой кланяется Люции и, словно ни в чем не бывало, приветствует позеленевшего Айгора, и пыталась понять, когда же он был настоящим. Нежный и страстный

любовник? Тот, что снял брачный браслет, негромко заявив, что устал от моего отношения? Человек, вытянувший для меня информацию из королевского зельевара, да так, что тот сам не понял, что преподнес мне коммерческие тайны на блюдечке с золотой каемочкой?

Или тот, что со злой усмешкой заявил, будто перестарался с моим воспитанием?

Может быть, зря я ему доверилась? Может быть, стоило в самом деле бежать без оглядки? Только теперь уже поздно. Каков бы он ни был на самом деле, Ксандер не отпустит то – или ту, – кого счел своим.

Глава 31

В свертке, который Ксандер прихватил с собой, оказался мешочек, источавший одуряющий запах хорошего кофе, и бутылка вина.

– Не вы ли сами запретили мне хмельное? – вздохнула Люция, когда мы устроились за столом и Айгор на правах хозяина начал разливать вино. – Я подожду, пока мне сварят кофе.

– Я и сейчас повторю, что любой хмель вам не полезен, – вежливо улыбнулся Ксандер. – Но если вы против...

– Нет-нет, не обращайтесь на меня внимания. – Она взяла чашечку, которую служанка поставила перед ней на стол, пригубила с явным удовольствием. – Отличный кофе, спасибо за подарок. Рада, что Алисия проявила благоразумие. Она хорошая девочка, просто слишком юная и неопытная...

Я кисло улыбнулась. Не слишком приятно, когда о тебе говорят так, будто тебя рядом нет.

– Тогда давайте выпьем за новобрачных. Чтобы ничто не омрачало вашего счастья. – Айгор многозначительно на меня посмотрел.

Судя по тому, как на миг сузились глаза Ксандера, он это заметил. Но в следующий миг на лице мужа снова играла вежливая полуулыбка.

– Благодарю за пожелание. Несомненно, так оно и будет.

Завязался разговор, ничем не отличавшийся от десятка уже слышанных сегодня бесед, в которой главной моей заботой было вовремя вставлять: «В самом деле?», «Да что вы говорите!» – и подобные реплики да стараться не зевнуть. Природа, погода, путешествия, светские и культурные новости – темы для подобных разговоров, кажется, одинаковы во всех мирах, но я не знала ни упоминаемых авторов, ни актеров, ни постановок, не читала книг,

наделавших шума в последние месяцы. Мне было в самом деле интересно, когда хозяева дома рассказывали о местах, где бывали и куда собираются, но Люция и ее сын не выезжали из города, и в пятнадцатый раз за день слышать, что лето выдалось чудное, мягкое и не дождливое, было выше моих сил.

– Что ж, не будем злоупотреблять вашим гостеприимством, – сказал Ксандер, и я обрадовалась было, но он добавил: – Верните письма, и мы распрощаемся.

На какой-то миг мне показалось, будто я ослышалась, тем более что сказано это было тем же светским тоном.

– Прошу прощения? – сказала Люция.

– Я хочу получить письма моей жены, которые оказались у вас. – Ксандер в упор посмотрел на Айгора.

Тот натянуто улыбнулся.

– Не понимаю вас.

– Что непонятного в желании вернуть свое? Мне. Нужны. Письма. Моей. Жены.

Я хватанула ртом воздух. Он в своем уме? Решил, что купил меня с потрохами? Или это часть игры? «Не хочу, чтобы ты мне все испортила», – вспомнились слова Ксандера.

Так что мне делать, чтобы все не испортить?

– Они не ваши! – вскинулся Айгор. – И вы не смеее осквернять память о чистом и светлом...

Он начал подниматься из-за стола, выпятив грудь, словно петух, взлетевший на забор. Ксандер одной рукой перехватил его запястье, другой вцепился в воротник, обрывая движение. Айгор неловко склонился над столом, зазвенела об пол опрокинутая посуда, ахнула Люция.

– Письма, – пугающе спокойно произнес Ксандер, выпустил Айгора.

Тот отшатнулся, стул с грохотом полетел на пол, а сам Айгор удержался на ногах лишь чудом.

– Что вы себе позволяете! – взвизгнул он.

– ...в обмен на антидот, – все так же спокойно сказал муж.

Антидот?

– Вон из... – начал было Айгор.

– Было бы предложено. – Ксандер пожал плечами и начал демонстративно медленно, едва ли не кряхтя, выбираться из-за стола.

– Антидот? – ахнула Люция, кажется тоже что-то сообразив.

– Разумеется. Не полагаться же на добрую волю альфонса, ворующего из женских спален. Впрочем, нам уже указали на дверь, так что всего наилучшего. – Он издевательски вежливо поклонился хозяйке дома и протянул мне руку.

Я замерла, колени, казалось, подкосились, не давая подняться из-за стола. Что он творит! Неужели и вправду...

– Какой еще антидот? – подал голос Айгор.

– Против яда, что был в вине, – охотно пояснил Ксандер, снова опускаясь на стул.

Откинувшись на спинку, вытянув ноги под стол. Насколько я успела заметить, побывав сегодня в полудюжине гостиных, сидеть здесь полагалось прямо, не касаясь спинки, ровно поставив ноги, и поза Ксандера, гостя, выглядела откровенным хамством.

Люция вскрикнула и схватилась за сердце. Ксандер ухмыльнулся.

– Так что не пугайте мать, Айгор. Принесите письма, я дам вам антидот, на том и простимся. Я буду просто счастлив, если мне больше никогда не придется лицезреть вашу физиономию.

– Но вы сами пили это вино!

– Разумеется. – Ксандер пожал плечами с таким видом, словно никак не мог поверить в дурость собеседника. – Не настолько же я глуп, чтобы дать повод для подозрения. Или заранее не позаботиться, чтобы яд на меня не подействовал.

– Предательница! – прошипел Айгор, уставившись на меня.

Я настолько оторопела, что не смогла даже спросить, при чем тут я. Только и сидела, ошарашенно хлопая глазами. Ксандер в самом деле отравил вино? В самом деле?! Знал, что Люция не будет его пить и никто, кроме Айгора, не...

А я?! Я-то тоже пила это проклятое вино!

– Алисия ничего не знала, – сказал муж. – Повторяю, я не настолько глуп, чтобы доверять свои планы женщине.

– Ну спасибо! – только и смогла произнести я.

– Всегда пожалуйста, дорогая, – лучезарно улыбнулся он.

Люция ахнула.

– Но она пила это вино!

– Да, – спокойно согласился Ксандер. – И, боюсь, на женщину яд подействует быстрее.

Я хватанула ртом воздух, в который раз за последние пять минут напрочь забыв все слова, а муж накрыл своей ладонью мою.

– Прости, Алисия, но церемониться ни с тобой, ни с твоим любовником я не буду.

Что? Он же прекрасно знал, что...

По нервам от кисти к плечу пробежало едва заметное тепло, сбивая меня с мысли. Ксандер продолжал:

– Сердечко уже колотится, правда?

Пропади оно все пропадом, сердце и в самом деле забилося! От волнения? Или от яда?

– Вижу, что колотится. – Он улыбнулся вроде бы даже сочувственно.

Айгор схватился за грудину. Ксандер, выпустив мою руку, обернулся к нему.

– Сердце будет биться все сильнее, пока не замрет на спазме. Может, через четверть часа, а может, и через полчаса. Не дольше. Подумайте. Ваше упрямство обойдется вам в полчаса страха в ожидании агонии. К тому же покойникам письма ни к чему.

– Да я и пальцем ее не трогал! – завопил Айгор. – Поцеловал пару раз, и все, с кем бы эта ш...

– Придержи язык, – сказал Ксандер, и Айгор заткнулся, словно звук выключили.

Я заставила себя вдохнуть, потерла грудину, точно это в самом деле могло успокоить сердцебиение. Взяла бутылку – удивительно, но руки не тряслись, – налила себе вина. Все присутствующие уставились на меня так, словно я канкан на столе вздумала танцевать. Ах да, женщине же неприлично наливать себе вино, когда рядом мужчина, даже если слуг рядом нет.

– Ваше здоровье, супруг мой. – Я улыбнулась в ошалевшее лицо мужа. – Насколько мне известно, все яды дозозависимы, так что я, с вашего позволения, постараюсь избежать получасовой агонии.

Если в бутылке действительно яд, то полчаса ждать смерти я не намерена. Если он блефует – как же мне хотелось надеяться, что он блефует! – вреда мне это вино не причинит, а промочить горло и

захмелеть, потому что на трезвую голову в происходящем не разобраться, мне жизненно необходимо.

Люция с неожиданной для ее полноты и возраста прытью вскочила, выхватила из моей руки бокал. Я ругнулась – вино плеснуло в декольте, стекая между грудей. Зазвенело отброшенное на пол стекло. Сколько можно посуду бить, в самом деле, людям же потом осколки собирать!

– Да будьте ж вы милосердны! – Она попыталась бухнуться на колени, но Ксандер подхватил ее за локти.

– Простите, госпожа Сапфира, но ваш сын должен был подумать о последствиях, прежде чем начал шантажировать мою жену.

Он вроде бы мягко, но настойчиво подвел ее к диванчику у стены, заставил сесть.

– Мальчик вырос. Он не может всю жизнь прятаться под вашей юбкой.

Люция заплакала. Я прокусила губу: смотреть на это было больно.

– А девочка? Я уговорила ее вернуться к вам! Что же вы творите!

– Все в руках вашего сына, Люция. Я получаю письма, он – антидот, а с женой мы разберемся без свидетелей.

Вот, значит, как.

Я отхлебнула из горла, подавила желание садануть этой бутылкой мужа по голове и обыскать, забрав антидот. Добрая воля Айгора... Да я скорее поверю в аномальную жару в Антарктиде!

Кажется, Айгору пришла в голову та же мысль, потому что он бросился на Ксандера. Точнее попытался броситься: муж повел рукой, и хозяин дома отлетел, сполз по стене, тряся головой. Я хихикнула – настолько нелепо он выглядел, – отсалютовала присутствующим бутылкой и снова приложилась к горлышку. Отравленное или нет, вино было отменным.

– Вы теряете время из-за собственного упрямства, – произнес Ксандер.

Айгор поднялся и, шатаясь, побрел из гостиной.

– Алисия, ведите себя прилично. – Муж отобрал у меня бутылку.

– Зачем? – поинтересовалась я. – Мы же с вами уже выяснили, что вы забальзамируете мой труп и поставите в кабинете. Так не мешайте мне проспиртоваться как следует. Облегчу вам работу.

Он усмехнулся, но ничего не ответил. Повисла тишина, прерываемая только всхлипами Люции. Мое сердце колотилось в горле, и я не могла его унять, не помогали никакие дыхательные техники.

Неужели все-таки яд? Неужели все остальное было неправдой? «Моя... Лиска, – вспомнился мне прерывистый шепот. – Моя... Никому тебя не отдам».

Ну вот и не отдал, так, что ли?

Я тихонько ругнулась, поняв, что бутылка оказалась вне досягаемости. Но прежде, чем успела дотянуться до нее, вернулся Айгор.

– Забирайте. И вы обещали противоядие.

– Здесь не все, – сказал Ксандер, пробегая взглядом один листок за другим. Я попыталась сосредоточиться на тексте, понять, в самом деле ли это мой почерк, но буквы прыгали перед глазами.

Да, в конце концов, с чего я взяла, будто почерк Алисии и мой одинаковы? Я – не она, у нас ничего общего, кроме внешности и... мужа. Но если почерк в самом деле отражение характера – то у меня он другой.

Айгор вернулся еще с несколькими листами.

– Еще, – холодно произнес Ксандер.

Нет, гаденыш в самом деле идиот. Его жизнь на кону, а он все пытается оставить себе возможность шантажа. Надо уметь проигрывать.

Айгор выругался, уже никого не стесняясь, вытащил из-за пазухи последний листок.

– Все! Клянусь собственной жизнью, это все!

– Не клянитесь тем, что вам не принадлежит, – усмехнулся Ксандер, достал из кармана пузырек, вложил его в руку Айгора, накрыв сверху своей ладонью. – Забирайте. И завтра же с утра уезжайте из столицы, иначе в обед получите от меня вызов. Повод я найду.

Айгор схватился за пробку, руки его дрожали. Ксандер низко поклонился Люции.

– Прошу прощения, госпожа Сапфира. Но кто-то должен был восполнить пробелы в воспитании этого недоросля.

– Вы не целитель, вы убийца! – прошипела она.

Ксандер снова поклонился. Протянул мне руку. Я посмотрела на него снизу вверх, не торопясь опираться. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Не дожидаясь, пока я что-то решу, Ксандер сам взял меня за запястье, и снова мне на миг почудилось, как тепло пробежало по руке, кольнув нервы. Я дернулась, но вырваться не получилось

– Главное – не навреди¹⁴, – улыбнулся Ксандер, сдергивая меня со стула.

Сердце разом вернулось к нормальному ритму. Я ошарашенно посмотрела на мужа. Он издевается? Да я его просто убью!

Но прежде, чем я успела произнести хоть слово, муж выволок меня на улицу.

Глава 32

– Не было никакого яда, – сказала я, едва за нами закрылась тяжелая дверь дома. Выдернула свой локоть из руки Ксандера, ускорив шаг. – Магия. Ускорила ритм сердца, потом вернула нормальный. Айгор отвлекся, когда ты схватил его за ворот, а я просто не поняла, что за тепло пробежало по руке. Правильно?

– Правильно, – кивнул муж.

– Надеюсь, в той бутылке, что ты дал Айгору, слабительное?

– Ромашковый чай. За кого ты меня принимаешь?

Я развернулась к нему:

– За человека, на которого я очень зла.

Вместо ответа он сгреб меня в охапку, прижимая к себе. Я бесполезно дернулась раз-другой и потеряла охоту трепыхаться дальше, услышав тихое и почти виноватое:

– Лисенок, так надо было. Я блефовал, и, если бы он не поверил, приемлемых методов убеждения не осталось бы.

– Я бы не заплакала, если бы ты ему ноги переломал, – хмыкнула я, ткнувшись лбом ему в плечо. – Зарастил бы потом.

– Я сказал «приемлемых». Еще магию на него тратить!

– Магию тебе, значит, тратить жалко, а меня не жалко? Я чуть... – Я попыталась снова разжечь в себе злость, и снова она угасла, когда Ксандер прижал меня крепче и зарылся носом мне в волосы.

– Ты держалась потрясающе.

– Угу, особенно когда хлестала вино из горла, – буркнула я, заливаясь краской стыда. В самом деле, стоило бы держать себя в руках. – Если завтра я проснусь с похмелья и седой, это будет на твоей совести.

– Похмелье я тебе вылечу, а седину как-нибудь переживу. В конце концов, я намерен оставаться с тобой до тех времен, когда она все равно появится.

– Да я раньше копыта откину от сердечного приступа, и все по твоей милости!

Сердиться на него уже не получалось, и я возмущалась скорее из чувства противоречия.

– Я этого не допущу, – неожиданно серьезно сказал Ксандер, выпустил меня из объятий, заглянул в лицо. – Лиска, я умею действовать грубо и грязно. Но насилие – это последнее прибежище беспомощного, а я, смею надеяться, не беспомощен. Ты отвратительная актриса, поэтому рассказывать было нельзя. Айгор поверил бы, только если бы поверила ты, но... – Он криво улыбнулся, провел большим пальцем мне по скуле. – Глупо, но одновременно я очень хотел, чтобы ты не поверила, будто я способен тебя отравить.

– Я очень не хотела верить, – шепнула я.

Он улыбнулся.

– Один раз я причинил тебе вред. Больше такого не повторится. – Ксандер приобнял меня за талию и повлек к двери. – Пойдем домой.

Он провел меня в комнату, которую я про себя называла «маленькой гостиной». Кресло у окна, возле него круглый столик на одной ножке, на который удобно пристроить пальцы или поставить корзинку с рукоделием. Еще одно кресло ближе к камину, рядом журнальный столик. У камина высокие напольные часы: кто-то успел их завести и выставить время... ох, ничего себе, как стремительно пролетел день!

– Сейчас я велю Томасу принести вина, а Энн – подать закуски, – сказал Ксандер.

– Спасибо, вина на сегодня хватило, – буркнула я.

– Разве тебе не надо будет запить вот это? – Он вынул из кармана пачку писем, протянул мне.

Я выхватила взглядом несколько строчек с верхнего письма. Ничего криминального, обычный девичий щебет – учеба, подруги...

Почерк похож на мой и все же – не мой, линии тонкие, словно писавшая вообще не нажимала на перо.

– У тебя изменился почерк, – сказал Ксандер, как будто в самом деле читал мои мысли.

– Потому что я изменилась, – сказала я.

– Да, ты очень изменилась.

Нет, я никогда не расскажу ему, что на самом деле случилось в тот вечер. Не хочу, чтобы его чувство вины встало между нами. Хватит и того, что я чувствую себя виноватой перед той девочкой, которой не досталось обычного счастья.

– Не буду тебе мешать. – Ксандер шагнул к двери.

И уж точно я не стану читать письма, написанные не мной и не мне.

– Ты мне не мешаешь.

Я бросила пачку писем в камин, пустой по летнему времени. Сосредоточиться получилось не сразу, все-таки магом я пока была не слишком опытным, но наконец с кончиков пальцев слетели искры.

– Я не помню. – Я посмотрела на мужа в упор. – И не хочу вспоминать.

Бумага занялась, тяга из каминной трубы подхватила пепел, унося в воздух.

– Ты мне не мешаешь, – повторила я. – Остайся... если хочешь.

Ксандер опустил в кресло, устроил меня у себя на коленях. Какое-то время мы молчали, наслаждаясь объятьями, теплом и покоем.

– Грешно так говорить, – он потерся носом о мои волосы, – но я рад, что ты... Если бы ты не потеряла память, я бы не узнал тебя настоящую. Ту Алисию, на которой женился, я бы не полюбил.

Я вздохнула. Наверное, Сашка был прав, и я в самом деле ненормальная. Любая другая женщина запрыгала бы от восторга, но...

– Много ли ты знаешь обо мне, чтобы говорить так?

Странно, но разрывать объятия по-прежнему не хотелось. Слишком тепло и уютно в них было.

Или я просто боюсь громких слов? Ведь, если начистоту, Ксандер мне тоже очень нравится – и в постели, и вне ее.

Он тихонько рассмеялся.

– Ты права. Я не знаю, какую еду ты любишь, какие книги читаешь... кроме справочников с запрещенными зельями.

– Молитвослов, – невинно заметила я.

– Сомневаюсь. – Ксандер хмыкнул. – И все же мне кажется, я знаю о тебе достаточно, чтобы... пусть будет «увлечься», если тебя пугает слово «любовь».

– Мысли читаешь? – не удержалась я.

Он улыбнулся – как хочешь, так и понимай – и продолжал:

– Увлечься сильно и глубоко той женщиной, которая скрывалась в наивной покорной девочке. Доброй и заботливой. Умной. Знающей, что она хочет и чего не хочет. Наверное, это и стало последней каплей: твое упорство – в стремлении ли получить, что хочешь, как с семейным делом, или в нежелании мириться с тем, чего не хочешь, вроде мужчины, который тебя лишь терпит. – Он покачал головой. – Прости за прямоту, но трудно относиться как к равной к женщине, которая сначала говорит только: «Да, как скажете, как вам будет угодно», потом – что она имела в виду не это. Но вместо того, чтобы прямо сказать, что не так, имитирует обморок.

Я вздохнула.

– Я не помню этого, но, наверное, люди не ведут себя таким образом без причины?

Может, она просто не знала, как по-другому сказать, когда что-то не так? Может, ее возмущение привыкли не замечать, а обмороки, пусть и притворные, игнорировать не получалось? Почему-то мне не хотелось думать об Алисии плохо. «Умная и добрая девочка», – говорил о ней отец, но за десять лет в приюте характер мог измениться.

– Наверное. Наверное, я зря не проводывал тебя в приюте, думая, что там есть все необходимое. Может быть, если бы я догадался забрать тебя оттуда раньше, все было бы по-другому. – Ксандер пожал плечами. – Но что сделано, то сделано. Я не святой и никогда не отличался терпением. И за несколько недель подготовки к свадьбе и день бракосочетания оно истощилось полностью. Хорошо, что ты этого не помнишь.

Он помолчал.

– Когда ты выпрыгнула в окно, я думал, вернешься через час-другой. Успокоишься, поймешь, что...

– Что некуда деваться? – усмехнулась я.

– Что хоть я и не намерен терпеть притворство, но не желаю тебе зла. Ты в самом деле считала меня чудовищем?

– Когда удирала от тебя со всех ног? Домой, пешком, посреди ночи?

Договаривать я не стала – не дурак, поймет.

Ксандер улыбнулся, взъерошив мне волосы.

– Тогда я рад, что ты переменила мнение.

Его рука знакомым властным жестом легла мне на затылок, притягивая меня к лицу. Муж захватил губами мою нижнюю губу, легонько провел языком, надавил, и я позволила ему проскользнуть в рот. Поцелуй становился все жарче, все требовательней, а под моей ладонью, лежавшей на груди мужа, все быстрее колотилось сердце. Все быстрее, как и мое.

– Позови Энн, – выдохнул Ксандер, наконец оторвавшись от моих губ. – Если я снова буду твоей камеристкой, еще одному платью придет конец. И жду тебя в спальне.

Я бы не сказала, что в прошлый раз платье так уж пострадало – шнурок всегда можно заменить.

– Уверен? – мурлыкнула я, проходясь поцелуями по его шее. – Энн может быть очень, очень неторопливой. Устанешь ждать.

– Не дразни меня, женщина! А то... – Я поймала зубами мочку его уха, вызвав глухой рык. – Загну тебя над столом прямо здесь.

Я провела ладонью по его штанам, едва касаясь – и без того все было понятно.

– Звучит соблазнительно...

– Энн, – рявкнул муж в пространство. – Приготовь графине ванну и помоги раздеться.

Он спихнул меня с колен, придав ускорение легким шлепком пониже спины.

– Марш!

Обернувшись в дверях, я показала мужу язык.

– Будешь спать один.

Его негромкий, бархатный смех словно осязаемо скользнул по коже, даже грудь заныла. Пока Энн расправлялась со шнуровками, я тихонько радовалась, что не мужчина, иначе ситуация стала бы очень неловкой – ведь перед моими глазами стояло совершенное тело мужа, и от предвкушения теплело в животе.

– Вам помочь принять ванну, госпожа? – спросила горничная.

– Еще чего не хватало! – Я опомнилась. – Сама справлюсь, спасибо.

Я погрузилась в теплую воду, вытянулась, откинув голову на край ванны. Вот назло не буду торопиться. Непонятно, правда, кому назло, потому что расслабиться никак не получалось.

Открылась дверь, сквозняк пробежал по голым плечам.

– Эnn, я же сказала, справлюсь, – проворчала я, не открывая глаз.

– Не уверен, – ответил мне голос мужа.

Я открыла глаза. Ксандер уже успел вымыться, мокрые волосы липли ко лбу, капля воды сбегала по виску, и я проследила за ней, точно замороженная. Муж скинул рубаху, оставшись только в мягких домашних штанах, и взялся за губку.

– Иди сюда. Потру тебе спинку.

– Ты издеваешься, – обреченно вздохнула я, понимая, что с идеей взять себя в руки и расслабиться можно попроситься.

Муж широко улыбнулся. Глаза его потемнели, и под этим полным желанием взглядом мое сердце снова заколотилось как ненормальное. Мочалка скользнула по коже, прошла по груди совсем рядом с напряженными вершинками, и по улыбке Ксандера я поняла, что он нарочно их не коснулся.

– Повернись. – В его голосе прорезались хриплые нотки.

Снова нежные, невесомые прикосновения, каждое из которых заставляло меня вздрагивать. Муж легонько надавил мне на плечи, вынуждая опуститься, чтобы смыть пену, и я едва удержала равновесие: колени почти не держали, по коже пробегали мурашки.

Ксандер помог мне выбраться из ванны, укутал в полотенце. Меня уже трясло от желания, а он продолжал действовать все так же мягко и неторопливо, хотя его страсть тоже была очевидна.

По коже скользнул прохладный шелк пеньюара, мигом согревшись. Казалось, от низа живота по всему телу растекались волны жара. Ксандер подхватил меня на руки, и я обвила его шею, не удержавшись, коснулась губами щеки, уголка рта, прошла поцелуями к уху.

– Теперь ты издеваешься, – шепнул он. – Не боишься, что уроню?

Вместо ответа я прильнула к нему всем телом. Дверь спальни распахнулась сама собой и закрылась за спиной мужа. Ксандер

опустил меня на кровать, избавившись от штанов в один миг, и наконец накрыл меня своим телом, заполнив мучительную пустоту внизу, срывая стоны с каждым движением. Его губы касались моих, скользили по щекам, целовали закрытые глаза, добавляя ощущений; наслаждение разливалось по телу, заполняло разум и вот наконец вырвалось долгим протяжным стоном. Муж запульсировал во мне, замер, прислонившись лбом к моему, прежде чем скатиться с меня и распластаться, переводя дыхание.

– Спи, Лисенок, – прошептал он, подгребая меня себе под бок. – Завтра у нас с тобой будет много дел.

Глава 33

– Лиска, когда я говорил вчера «много дел», я не имел в виду «не успев проснуться», – приветствовал меня муж за завтраком.

Я оторвалась от перечня тем, которые следует знать зельевару, чтобы комиссия позволила открыть лавку. Ничего сложного на первый взгляд: немного анатомии с физиологией, чуть-чуть внутренних болезней, много химии, еще больше – фармакогнозии¹⁵. Вопрос в том, насколько отличаются мои представления об этих науках от принятых здесь.

– За какое время подается прошение о собеседовании? – поинтересовалась я, откладывая в сторону бумаги. – В смысле как долго его рассматривают и сколько нужно времени, чтобы собрать комиссию?

– Даже так? – приподнял бровь Ксандер, снимая защитный колпак с тарелки овсянки.

Он и в самом деле был неприхотлив в еде, предпочитая на завтрак каши, а на ужин – что-то плотное с мясом или рыбой, обедал же, по его словам, как правило, не дома, между визитами к пациентам.

– Да, не хочу тянуть. Узнаю сроки – спланирую подготовку.

– Не слишком ли ты самоуверенна, Лиска? Этому учатся годы.

Я мысленно фыркнула, вспомнив, как хорошо усваивается информация в последнюю ночь перед экзаменом. Но все же муж прав – с наскока такие знания не возьмешь. Но и я не чистый лист.

– Я просмотрела кое-какие учебники, чтобы распланировать учебу, мне надо понимать сроки. Но оказалось, многое я уже знаю. Это... невозможно объяснить, – нашла я формулировку, позволяющую

уйти от признания, одновременно не соврав ни единым словом. – Но я в самом деле многое знаю. Тебя же не удивило, что я поняла причину болезни Руби?

Ксандер покачал головой:

– Удивило. Но к тому времени ты успела столько раз меня удивить, что одной странностью больше, одной меньше. Куда больше меня удивляет, что ты помнишь, чему успел научить отец, но не помнишь собственную жизнь. Видимо, очень хотела забыть.

– Снова мне не веришь? – Я посмотрела ему в глаза.

– Верю, – просто ответил он.

Я взялась за чайник, и Ксандер протянул мне кружку.

– Прощение рассматривают неделю...

– Рассматривают? То есть могу отказать?

– Да, если придворный зельевар сочтет, что зелейных в городе достаточно.

Я не выдержала – рассмеялась.

– Ну разумеется, он именно так и сочтет!

Ксандер тоже улыбнулся.

– Тогда я исполню свою угрозу и на следующем заседании придворного совета подниму вопрос о нечестной конкуренции. Я не единственный целитель в городе, и моим коллегам очень не нравится, как последние четыре года растут цены на зелья. Но... – Он стал серьезным. – Проходить собеседование ты будешь без меня. Я должен присутствовать в комиссии, но предложу себе замену.

– Конфликт интересов, – кивнула я.

– Ты мне очень дорога, Лиска, – мягко произнес муж. – Я очень хочу, чтобы у тебя все получилось, и помогу, чем смогу. Но не с этим.

– Я понимаю, правда. Репутацию зарабатываешь годами, а теряешь в один миг. – Я пожала плечами. – Мне и самой ни к чему сплетни, будто я сдала экзамен только благодаря твоей протекции.

Хотя, если не врать ни самой себе, ни друг другу, принимать этот экзамен все равно будут, помня, чья я жена. Так что беспристрастных не останется. Что ж... будем надеяться, что симпатии и антипатии к моему мужу, а значит, ко мне нейтрализуют друг друга. А нет – все равно прорвемся, не в первый раз.

Какое-то время мы молчали, прихлебывая чай.

– Лиска, ты хочешь остаться в этом доме? – спросил вдруг Ксандер.

Я подняла на него взгляд.

– Хочу.

Здесь учебники, лаборатория, лавка. Здесь я как-то разом привыкла, а в доме мужа придется привыкать и обживаться заново. И вряд ли там можно будет среди ночи спуститься в библиотеку за книжкой-лекарством от бессонницы, хотя наверняка и у Ксандера есть библиотека... надо будет почитать, сверить медицинские знания.

– Значит, экономку нанимаем сюда, – кивнул он. – И кухарку тоже. И я пошлю Томаса с распоряжением слугам... Думаю, Энн лучше остаться твоей камеристкой, а уборку переложить на горничных. Двух хватит. Еще садовник и...

– погоди, – перебила его я. – Ты твердил, что я должна жить в твоём доме.

– Я твердил, что муж и жена должны жить вместе. Но я не привязан к родному дому. – Он задумчиво добавил: – Не знаю почему, но там всегда было... холодно, если ты понимаешь, о чем я.

Я кивнула. Если в семье нет тепла, и самый вылизанный дом будет холодным.

– Там моя приемная, и я оставляю все как есть: пациенты привыкли, да и мне не хочется обустраивать все заново. Но жить я буду здесь. И предупреждаю, Лиска: просто так ты от меня не избавишься, – улыбнулся он. – Даже топор не поможет.

– Это я давно поняла.

– Он все еще в спальне?

Я охнула и расхохоталась. Совершенно забыла, что топор до сих пор лежит под кроватью.

– Если первым будет мальчик, я умру от смеха.

Но жаль, что в этом мире нет противозачаточных. Или не жаль? Я замужем, вроде бы здорова, места в доме хватает, денег тоже – так почему бы и нет? Детей я люблю.

– Нет уж, не умирай, – неожиданно серьезно сказал Ксандер. – И от смеха тоже.

Он снова сменил тему:

– Значит, я напишу в агентство по найму прислуги. Просить, чтобы присылали днем или ближе к вечеру, чтобы мы оба могли

поговорить?

– Вместе. Я не знаю, как нанимать прислугу.

Он кивнул:

– Хорошо. Днем будешь учить?

У меня были другие планы. Опробовать отобранные и просчитанные рецепты кремов и лосьонов, принести образцы в лавки, с которыми я договаривалась. Но до того – заглянуть на рынок, объяснить и помириться с торговкой травами: качество у нее намного лучше конкурентов, не стоит из-за недоразумения терять такого поставщика. К тому же для лосьона от прыщей мне нужна салициловая кислота. Где приобрести чистую, я не знаю, но рецепт допускал второй вариант – с магически обработанным отваром ивовой коры. Вот за ней-то я и собиралась заглянуть на рынок.

– Как она выглядит? – спросил Ксандер, услышав про торговку.

– В возрасте. Худая. Серые глаза, глубоко посаженные. Нос такой... Хороший такой нос. – Я жестом изобразила нос бабы-яги.

– Неужто сама леди Окли? – изумился Ксандер.

– Ты ее знаешь?

– Да, если это действительно она. Женщины этой семьи поколениями занимаются травами. Бабка леди Окли удостоилась потомственного дворянства, в виде исключения передаваемого по женской линии, за то, что избавила короля от кожной болезни. Сестра леди Окли была одной из моих наставников. – Он помрачнел. – Она погибла десять лет назад, не пережила допросов. Несчастный случай, или ее убили намеренно – никто так и не узнал.

Так вот почему травница так отреагировала, поняв, для какого зелья я хотела купить травы.

– Сама она тогда исчезла и больше в свете не появлялась, – закончил Ксандер.

– Она в самом деле поставляла сырье королевскому зельевару? – полюбопытствовала я.

– Да, и твой отец нарадоваться на нее не мог. Говорю же, у них поколениями женщины этим занимаются. Был бы у кого-то из них дар – хоть целителя, хоть зельевара, – и твоей, и моей семье пришлось бы подвинуться. – Муж помолчал. – Мне пойти с тобой, поговорить с ней? Только ближе к вечеру, утром я занят.

Я покачала головой:

– Я сама. Ты не сможешь всю жизнь водить меня за ручку, будто младенца.

Ксандер откинулся на спинку стула, смерив меня нечитаемым взглядом.

– Когда я женился на тебе, то думал, что именно это я и буду делать.

– Что ж, придется пересмотреть планы.

– Да. – Он вдруг широко улыбнулся – Не представляешь, насколько я этому рад. Я оставлю тебе Джека, не ходи пешком.

– А ты?

– Возьму извозчика. А там разберемся, нужен ли нам еще один выезд.

Остаток утра я провела в лаборатории. Думаю, у современного косметического химика из нашего мира от большинства местных прописей волосы бы дыбом встали. Вот хотя бы «защитный лосьон для белизны кожи» – вскипятить молоко, снять пенку, добавить спирт, лимонный сок и сахар, тем, что получится после остывания, протирать лицо перед выходом на улицу¹⁶.

Все меняла магия. Универсальный эмульгатор, консервант, экстрагирующее вещество и бог знает что еще. Когда я закончила ее вливать, получилась нежно опалесцирующая жидкость с тонким лимонным запахом. Сейчас лето и солнце, а у местных дам, насколько я успела заметить, пунктик на белизне кожи, так что лосьон должен пойти.

С экипажем в этом мире получалось примерно так же, как в нашем – с машиной. С одной стороны, ноги бить не надо, с другой – не везде еще остановишься, чтобы никому не мешать, но в целом на остановившуюся пролетку здесь реагировали куда спокойней, чем в нашем мире – на автомобиль. То ли экипажей меньше, то ли жизнь помедленнее, то ли потому, что лошадь – животное сильное и нервное, испугается ругани и поди справься, если понесет.

Сначала я заехала в лавки, оставив, как договаривалась, несколько средств на пробу, а потом отправилась на рынок.

Травница моему появлению не обрадовалась. Куда только делась доброжелательная улыбка, к которой я успела привыкнуть в свой первый визит!

– Я же сказала тебе больше не появляться, – прошипела она.

– Произошло недоразумение...

– Нет никакого недоразумения! Пошла отсюда, пока...

Я вздохнула, напомнив себе, что эта женщина прекрасно жила без меня, а вот мне без нее обойтись будет сложно. Не невозможно – где-то же придворный зельевар и остальные берут сырье, – но сложно. Выпрямила спину.

– Меня зовут Алисия Гилбрайт, урожденная Монро.

Женщина осеклась на полуслове.

– И мой муж очень хорошо отзывался о вас, леди Окли.

Она оглядела меня с ног до головы.

– А я – королева, сбежавшая с плахи.

Вот же подозрительная тетка! Пожав плечами, я протянула ей дворянскую грамоту. Травница изучила ее, пожалуй, внимательней, чем в банке. Наконец вернула мне документ, медленно опустилась на стул за прилавком.

– Не признала тебя, девочка.

– Я вас тоже, – соврала я. – Прошу прощения.

– Да уж, быстро время летит... Что ж, пусть муж заглядывает. Если не погнушается по рынку пройтись. Высоко взлетел в его-то годы.

– Я передам ему, – улыбнулась я. – И, как вы сами понимаете, никакое... постороннее вмешательство не смогло бы заставить придворного целителя поступить против воли. У него хватило бы знаний понять, что происходит, и подобрать антидот.

– Ой ли? – прищурилась леди Окли. – И постарше и поопытней люди попадались. Взять хоть... ту историю, из-за которой я теперь здесь торгую.

– Думаю, вам в самом деле стоит поговорить с моим мужем, чтобы развеять свои сомнения. У меня больше нет аргументов. – Я поклонилась, разворачиваясь к двери.

Если эту женщину так напугали тогда, что за десять лет страх не выветрился, я за пять минут мало что сделаю. Приду еще раз, а ивовую кору и остальное куплю на другом рынке. Жаль, конечно, время терять.

– Постой, – окликнула она меня. – Тебе, может, еще что надо? Для чая?

Я вернулась к прилавку.

– Надо мне много, но не для чая. Вот это сейчас. – Я протянула ей список. – А вот это – как быстро можно достать?

При виде второго списка, в десяток листов, глаза у женщины округлились.

– Да ты никак на зеленую замахнулась?

– Да, – не стала я спорить. – Говорят, мой отец очень ценил ваше сотрудничество.

– Граф ценил, а у тебя нос-то дорос до собственной лавки? Это тебе не крестиком вышивать.

Я пожала плечами.

– Вышивать меня так и не научили. Зато отец успел научить читать и понимать прочитанное.

Травница усмехнулась.

– В приюте, поди, только и читала?

– А чем еще там заняться? – не стала сдаваться я.

– Чем настой отличается от настойки?

Да она никак шутит?

– Настой – это водная вытяжка, настойка – спиртовая.

– Когда собирают кору?

Я мысленно поблагодарила преподавательницу фармакогнозии, вдолбившую в недорослей эти знания. Все мы – и я в том числе – были уверены, что самостоятельно собирать травы нам не придется, а она твердила, что бесполезных знаний не бывает.

– Весной, в период движения соков. – Добавила: – Почки – когда они набухли, но не проклюнулись. Травы и цветы в начале цветения, а корни осенью – когда надземная часть отмирает и растение уходит на покой.

– Кое-что знаешь, – кивнула она. – Почему для лечения сухого и влажного кашля нужны разные средства?

– При сухом важно подавить кашлевой рефлекс, при влажном – обеспечить свободное отхождение мокроты.

– Чем отличается эффект непрерывного и пульсирующего влияния магии?

– Этого я не знаю. Но намереваюсь разобраться как можно скорее.

– «Скорее», – фыркнула травница. – Скорее только блох ловят. Питер вон все тоже торопился тебя учить.

Она снова пробежала взглядом второй список.

– А может, и прав он был... Дай мне недели две. Напишу, когда будет готово. И еще запиши адрес лорда Хайме, он не травами занимается, а активными субстанциями. Пригодится. С мужем твоим они не очень ладят, но с нынешним придворным зельеваром – еще меньше, так что, может, и сговоритесь. Рекомендацию я тебе напишу, пришлю завтра.

– Спасибо.

– Спасибо скажешь, когда все получится.

Она убрала под прилавок листы и начала выкладывать на стол коробочки с травами из моего первого списка. Хотела бы я к ее возрасту иметь такую же память – ни в чем не ошиблась. Когда я, уже расплатившись, шагнула к двери, травница снова окликнула меня:

– По общей теории магии лучше почитай Лавуазье, Фуркруа слишком растекается мыслью.

Я поклонилась ей, от души благодаря. Выйдя на улицу, довольно улыбнулась.

Начало положено. И все у меня получится.

Эпилог

– И с невестой своей обвенчался Елисей. – Я поправила одеяло, поднялась.

Питер мерно сопел, сложив ладошки под щечку.

– Это еще не конец! – громким шепотом возмутилась старшая.

Я присела на край ее кровати, погладила Джулию по голове.

– И никто с начала мира не видал такого пира.

– Вот теперь все. – Она довольно вытянулась. – Спокойной ночи, мамочка.

– Спокойной ночи, воробышек.

Днем детьми куда больше меня занималась няня, но спать их укладывали я или Ксандер. Удивительно, но человек, чьего нрава боялись многие титулованные особы, оказался заботливым и терпеливым отцом. Юля его обожала, таскаясь хвостиком, едва начала ходить, а Ксандер надыхаться на нее не мог и баловал, на мой взгляд, даже чересчур.

«Девочек надо баловать, – смеялся он. – Чтобы с детства училась из мужчин веревки вить». Впрочем, и с Петей он возился много и с явным удовольствием.

Я спустилась в аптеку, проверяя охранные заклинания – вроде уже шесть лет прошло после того визита Айгора, а рефлекс остался. Хотя один раз эта привычка мне помогла – где-то через полгода после того, как аптека открылась, моя тогдашняя помощница «забыла» активировать охранные артефакты.

Человеку, который попытался пробраться в дом через лавку, очень повезло, что я еще толком не освоила боевую магию и просто приложила его об стенку, а Ксандер тогда был в хорошем расположении духа и сдал его в участок, вместо того чтобы испепелить на месте. Девочке-помощнице повезло, что я не захотела разбираться с ней сама после бессонной ночи и утром ей пришлось разговаривать с полицейскими, а не с невыспавшимся и злым после ночного разбирательства придворным целителем.

Больше подобного не повторялось, хотя обычных мелких недоразумений поначалу хватало. Кто-то пытался утаивать прибыль, кто-то – обсчитать покупателей, и если первых я еще могла предупредить после первого раза, вторых увольняла безжалостно. За первые полгода в аптеке сменились четыре первостольника, я рыдала и ныла, что хочешь сделать хорошо – сделай сама, а мне не разорваться. Ксандер стоически терпел – а может, просто списывал все на плохое настроение беременной, а потом кормящей. Со временем все утряслось: двух девушек и парня, что работали у меня сейчас, я ни на кого не сменю.

Айгора мы с мужем больше не видели. По словам Люции, он уехал к провинциальной родне на следующее же утро. Еще через два года пришла весть о его гибели: лошадь понесла, слетев с нее, Айгор свернул шею. Не скажу, что я о нем долго горевала. Люция какое-то время была безутешна, но потом пришла в себя, начала принимать гостей. Она оказалась не из тех, кто умеет жить в одиночестве. Полгода назад Люция вышла замуж за вдовца и, кажется, довольна жизнью.

Экзамен я сдавала уже с заметным животом. Сперва нужно было изучить теоретические основы магии и ее использования – эти знания в моем мире по понятным причинам отсутствовали. Потом долго не могла собраться комиссия – все люди занятые, всем некогда. Было очевидно, что придворный зельевар оттягивает дело, как может. Но до

бесконечности тянуть не получилось: закон оговаривал крайние сроки, и экзамен состоялся.

– Беременная женщина не может это знать! – заявил придворный зельевар, исчерпав десяток вопросов.

– Барон, с вашей стороны просто неприлично говорить о таких вещах, – громко прошептал лорд Хайме, тот самый, которого мне рекомендовала леди Окли.

Вернуться ко двору травница не захотела, но начала появляться в свете, возобновив некоторые старые знакомства.

– Это графине неприлично пытаться вести дела, находясь в таком положении. И я повторяю: беременная женщина не может столько всего знать!

Остальные члены комиссии уставились на меня кто с сочувствием, кто – возмущенно, кто – откровенно наслаждаясь начинающимся скандалом. Я пожала плечами.

– Почему же не могу? – поинтересовалась я у барона. – Думаю я мозгами, а не маткой, а кровоснабжение мозга во время нормально протекающей беременности остается неизменным.

Кто-то хихикнул, кто-то воскликнул «какое бесстыдство!», придворный зельевар покрылся красными пятнами. Открыл было рот, но его перебил целитель, заменивший в комиссии Ксандера:

– Графиня права, барон. Мы собрались здесь оценить ее знания, а не, м-м... деликатное положение. И я считаю ее знания более чем достаточными.

Кажется, скрежет зубовой придворного зельевара был слышен даже не улице. Но разрешение открыть лавку мне в конце концов дали.

– Миледи, можно с вами поговорить? – вырвала меня из воспоминаний Энн.

Мы расположились в гостиной. Точнее, я расположилась: камеристка сесть отказалась.

– Миледи... – Она смущалась и явно с большим трудом подбирала слова. – Один человек сделал мне предложение.

– Очень рада за тебя, – улыбнулась я.

В самом деле рада. По местным меркам, Энн, которой было уже за тридцать, считалась старой девой. Прислуге вообще сложно устроить личную жизнь: какие уж тут свидания, когда полдня выходных в

месяц, и те только чтобы в церковь сходить. Все говорили, что я балую слуг, давая им целый выходной в неделю.

– Я еще не дала согласия, миледи... Вы позволите мне после свадьбы остаться у вас? Я знаю, что это не принято, но вы всегда были так добры...

Местное отношение к прислуге так и не уложилось у меня в голове. Гувернантка должна быть незамужней, чтобы все свое время посвящать детям. Горничные и камеристки – тоже, чтобы мысли о семье не отвлекали их от работы. Какая-то личная жизнь позволялась кухарке и экономке – разумеется, в нерабочее время, которого по сути не было.

– А как твой будущий муж на это посмотрит? Вы говорили с ним об этом?

– Да, миледи. Он повар у леди Окли, поэтому мы редко видимся, и я сказала, что лучше буду работать, чем сидеть в пустой квартире и ждать его. Он понял. – Она неуверенно улыбнулась. – К тому же вдвоем мы быстрее сможем скопить на свое кафе.

Кажется, я действительно плохо влияю на прислугу. И отлично.

– Конечно, оставайся. В доме хватит места и тебе, и для детской кроватки, когда она понадобится.

Энн залилась краской, прямо как девчонка.

– Вы в самом деле очень добры, миледи.

– Не стоит.

– Я могу идти?

Ждать ли Ксандера? Он уехал на очередные роды, так что дело может затянуться.

– погоди. – Я выбралась из кресла, потянулась. – Пойдем переоденешь меня перед сном.

Переоденусь сейчас, чтобы не дергать прислугу посреди ночи, если муж вернется поздно.

Но когда Энн расчесывала мне волосы, чтобы заплести в косу, колыхнулась магия дома, открыв и закрыв дверь. Я отослала камеристку и заторопилась вниз.

– Все хорошо? – спросила я, хотя можно было и не спрашивать.

Муж был уставшим, но довольным, значит, и с матерью, и с малышом все в порядке.

– Все хорошо, – ответил он, обнимая меня. – Я дома.

И склонился к моим губам.

Автор выражает благодарность за консультации по фитотерапии Маргарите Атрошенко и Валентину Косилову.

---

notes

Примечания

1

Вегетативная нервная система – отдел нервной системы, отвечающий за жизненно важные функции организма, в том числе артериальное давление и тонус сосудов.

2

Диссоциативная или психогенная амнезия – вытеснение из памяти некоторых событий после психической травмы.

3

Отдел головного мозга, отвечающий в том числе за планирование, понимание причинно-следственных связей и самоконтроль.

4

Препараты, поглощающие растворенные вещества, в том числе токсины.

5

Врожденное отсутствие органа.

6

Нервный узел.

7

Цилиндрический сосуд из бересты.

8

. Однородная.

. Мэри Маллон, бессимптомная носительница брюшного тифа, в начале XX века, работая поваром, заразила как минимум 53 человека, трое из них умерли.

10

Растительное слабительное.

«Все есть яд, и все есть лекарство, важна лишь доза».
Приписывают Парацельсу.

Чилибуха, или рвотный орех, – тропическое растение, содержащее стрихнин, который довольно долго использовали как тонизирующее средство.

Грибок, паразитирующий на ржи, в Средние века вызывал массовые отравления, проявляющиеся в том числе судорогами и психическими расстройствами.

Прежде всего не навреди – основной постулат медицинской этики, формулировка приписывается Гиппократу.

Наука, изучающая лекарственное сырье растительного и животного происхождения и продукты его переработки.

Рецепт взят из книги Д.И. Ласс, М.Г. Поликарповой «Уход за кожей лица» 1956 года издания. Проверять на свой страх и риск.